

Д. О. Чураков

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА
КУРС ЛЕКЦИЙ

Часть I. 1917-1941 годы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Прометей

Москва

2013

Д. О. Чураков

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

КУРС ЛЕКЦИЙ

Часть I. 1917–1941 годы

*Учебное пособие по дисциплине «Новейшая
отечественная история» 050100.62 – Педагогическое
образование (профиль «История»)*

Квалификация (степень) выпускника: бакалавр

Москва

2013

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)я73
Ч84

Рецензенты:

В. Ж. Цветков, доктор исторических наук, профессор
Ю. В. Романов, зам. декана исторического факультета МПГУ

Ч84 Чураков Д. О. Новейшая история Отечества. Курс лекций. Часть I. 1917–1941 годы: Учеб. пособие по дисциплине «Новейшая отечественная история». – М.: Прометей, 2013. – 192 с.

Пособие посвящено важному этапу новейшей отечественной истории. В нем разбираются сложные дискуссионные вопросы возникновения и развития в России советской цивилизации. При этом советский этап рассматривается как органическая часть всей российской истории, а СССР – как историческая форма существования нашей страны. Опираясь на новейшие тенденции в историографии, курс лекций подробно освещает такие темы, как причины победы большевиков в революции 1917 г. и гражданской войне 1918–1922 гг., строительство социалистического общества в 1920–1930-х годах, обретения и потери на этом пути.

Пособие предназначено для бакалавров, обучающихся по специальности 050100.62 «Педагогическое образование» (профиль «История»).

ISBN 978-5-7042-2383-2

© Д. О. Чураков, 2013

© Издательство «Прометей», 2013

Содержание

Введение	4
Лекция 1. Становление в России либеральной государственности	17
Лекция 2. Октябрь: величайшее событие или катастрофа?	45
Лекция 3. Гражданская война и военная интервенция.	71
Лекция 4. Советская страна в 20-е годы XX века	96
Лекция 5. СССР в 1930-е годы: обретения и потери ...	131

Введение

Россия относится к кругу стран с наиболее древним и богатым прошлым, даже если брать лишь период отечественной истории, хорошо известный по летописям. В 2012 г. было отмечено 1150-летие российской государственности. За отправную точку при этом бралась легендарная дата призвания новгородцами героя славянского эпоса князя Рюрика. А ведь согласно тем же древнерусским летописям задолго до призвания Рюрика и на севере, и на юге Руси было известно несколько более ранних славянских князей и даже целых княжеских династий, а значит, отечественную государственность (только по письменным источникам!) можно считать еще более древней минимум на два-три столетия. А если брать дописьменную историю нашей страны, то она уходит вообще в глубочайшую древность. Достаточно сказать, что согласно результатам археологических раскопок самого последнего времени именно на территории нашей страны древние люди создали первые рукотворные здания, изваяли первые скульптуры, возможно, начали приручать диких животных. Именно на территории нашей страны зафиксированы первые поселения человека современного типа, которым примерно 40 тыс. лет. Раньше считалось, что современное человечество заселяло Европу с запада на восток. Раскопки последнего времени доказывают, что этот процесс происходил как раз в противоположном направлении.

Понятно, что за свою долгую историю наша страна знала периоды как подъемов, так и спадов. Тернистый путь нашей страны во многом был обусловлен природными факторами. С течением времени климат на Земле постоянно менялся. Благоприятные природные условия на территории нашей страны сменялись неблагоприятными. К моменту формирования Киево-Новгородского государства славянам приходилось жить в очень суровых природных условиях. В результате с момента своего окончательного оформления Древняя Русь относилась к странам с недостаточным прибавочным продуктом. Это влияло на многие экономические, политические, социальные и даже духовные процессы в древнерусском обществе. Недостаточность необходимого прибавочного продукта обуславливала сильную централизованную власть, способную мобилизовать ресурсы на общенациональные цели.

Кроме того, под воздействием природных факторов в восточнославянском обществе происходит решительный переход от родовой общины к территориальной, которая и становится

главным залогом успешной славянской колонизации в глубь территорий Северной Евразии. С момента своего возникновения Древнерусское государство тем самым выполняло роль собирателя североевразийских земель, а также обеспечивало защиту и окультуривание проживавших на его территории народов. Однако этот процесс протекал не всегда гладко: пространство русского государства то расширялось, то сворачивалось. Иногда, по самым разным причинам, оно ослабевало, рассыпалось, дробилось, но потом всегда вновь собиралось воедино, делаясь еще сильнее, включая в себя новые территории и народы. Непросто протекали и другие исторические процессы, осложняя пути развития российской государственности и русского народа. Достаточно сказать, что созданные трудом нескольких поколений наших предков богатства не раз навлекали на нашу страну орды захватчиков, стремившихся сломить и поработить Россию.

Пожалуй, самым сложным и драматичным в истории нашей страны оказался XX век. В этом веке наша страна пережила несколько революций, войн, самых разноплановых реформ. Она знала как взлеты и победы, так и поражения и трагедии. Велики жертвы, понесенные нашим народом в прошедшем столетии. Все это делает курс новейшей отечественной истории, истории России XX в., одним из самых интересных и важных в процессе исторического образования. Без его освоения будущим историкам невозможно не только сформироваться как гражданам нашей страны, но и получить полноценную профессиональную подготовку, как бы блистательно ими ни были освоены другие курсы, преподаваемые на исторических факультетах.

Данное пособие открывается событиями 1917 г. – года, ставшего переломным не только для нашей страны, но и для всего человечества. Как отмечается в первой лекции данного пособия, в 1917 год Россия вступила охваченная острым системным кризисом, порожденным ее участием в Первой мировой войне. Накануне войны многие общественные деятели предупреждали последнего российского самодержца Николая II, что начавшаяся война не нужна стране, что она принесет ей только неисчислимые бедствия, что Россия выбрала себе не тех союзников. Очень скоро прогнозы начали сбываться. «Союзники» по Антанте стремились к разгрому не только Германской, Австро-Венгерской и Османской империй, но и Российской империи, которая представлялась им слишком опасным геостратегическим противником, чтобы делить с ней лавры победителей. Следствием внутренних причин и внешнего

воздействия в России становится государственный переворот в феврале–марте 1917 г. К огорчению заговорщиков, а также их покровителей в Лондоне, Париже и Вашингтоне, воспользоваться плодами искусных интриг и прямого предательства правящего монарха либеральной думской оппозиции не удалось: верхушечный переворот, по одним оценкам, совпал с мощной народной революцией, а по другим – вызвал ее.

Шедшая из самых глубин России революционная волна очень скоро смела заговорщиков: уже в октябре 1917 г. созданный ими слабосильный либеральный февральско-мартовский режим буквально рассыпался. Власть в России, образно говоря, падала в грязь. Еще немного – и страны не стало бы. Но, как и в период смуты XVII в., в Семнадцатом году свое слово сказал народ. Падающая в грязь власть была подхвачена и поднята на прежнюю высоту большевиками – самой радикальной, самой авторитарной, но одновременно с этим самой народной и самой национальной партией. О том, какую программу реформ стали осуществлять новые революционные власти, подробно говорится во второй лекции пособия. Встав во главе государства, большевики смело пошли на те меры, которых население безуспешно ждало еще от царской власти, а потом и Временного правительства. Реформы затронули все сферы общественной жизни: промышленность, сельское хозяйство, духовность, национальный вопрос и т.д. Было провозглашено, что целью нового режима является построение общества, в котором эксплуатация одного человека другим станет невозможна.

Но победа большевиков сама по себе не могла решить всех стоявших перед страной проблем. Главная из них – раскол общества. Она означала, что огромные массы людей, целые социальные страты и классы, по-разному видели свое будущее, готовы были решать свои собственные проблемы за счет других социальных групп. Этот, тектонических масштабов, раскол накапливался не одно десятилетие. Вырвавшись на поверхность общественной жизни, он сперва воплотился в революцию 1905–1907 гг., а потом – в революцию 1917 г., которую некоторые авторы делят на две (февральскую и октябрьскую) революции. Следующим этапом углубления внутринационального раскола становится гражданская война 1918–1922 гг. В ходе нее силой оружия совершался выбор путей будущего развития России, решался вопрос о том, какая социальная группа, какой класс навязет свою волю остальным, поведет за собой всех остальных. В силу глубины общественного раскола гражданская война быстро приобрела самые жестокие

формы. Однако ее углублению и обострению способствовали не только внутренние, но и внешние факторы.

Сама русская революция 1917 г., которая, как и французская революция 1789 г., может быть названа Великой, стала во многом следствием внешнеполитического фактора – мировой войны. И позже внешний фактор влиял на ситуацию в стране самым непосредственным образом. Достаточно вспомнить кризисы Временного правительства – все они в большей или меньшей степени вызревали под воздействием внешнеполитических факторов. Так же и гражданская война. Угаснув было к весне 1918 г., очаги гражданского противостояния вспыхнули летом 1918 г. из-за вмешательства во внутренние дела России ее «союзников», которые силами чехословацкого легиона начали широкомасштабную интервенцию против Советской России. В результате отдельные зоны вооруженных конфликтов слились в единое пламя гражданской войны, расколовшей всю Россию на несколько враждующих друг с другом государств. Вопреки убеждению многих (как оппозиционных большевикам деятелей той поры, так и ряда современных авторов), главной целью интервенции было отнюдь не освобождение России от диктатуры и водворение в ней законности и демократических порядков. Первое, чего добивались военные и политические вожди Антанты, – восстановление антигерманского фронта на востоке Европы. Второй целью было упразднение России как конкурента в мировой политике. Об этом, в частности, свидетельствует пункт 6 «программы мира» американского президента Вильсона, о чем речь идет в третьей лекции данного пособия.

Переход от войны к миру в Советской России не был простым. Чтобы убедиться в этом, достаточно бегло обозреть тот исторический контекст, на фоне которого проходил и принимал свои поворотные решения X съезд РКП(б). Завершение гражданской войны в важнейших регионах России отнюдь не означало, что на периферии боевые действия тоже удалось прекратить. Наоборот, 1920–1922 годы – это время, когда на окраинах страны еще продолжали действовать сепаратисты, а в ряде случаев – интервенты. В то же время разгром белых армий способствовал росту у крестьянства и даже у рабочих недовольства политикой военного времени в экономической сфере. Свое недовольство народные массы подкрепляли разными по интенсивности и масштабам протестами. Подчас протесты принимали самые разрушительные и опасные для власти формы, выливаясь в погромы, восстания, мятежи, антибольшевистское повстанчество. Практика «военного комму-

низма» требовала немедленного реформирования вплоть до полного отказа от нее как от системы, разрушающей экономику России. Именно эти столь необходимые для стабильности общества шаги и удалось сделать Ленину на X съезде большевистской партии – под напором своего вождя делегаты съезда провозгласили переход к новой экономической политике.

Важность начала новой (по отношению к «военному коммунизму») экономической политики видна уже из того факта, что в современной историографии весь период 20-х годов XX в. называют нэповским. Вместе с тем существуют и другие подходы к периодизации нэпа. В частности, в советской историографии нэпом называли весь переходный период к социализму, соответственно, считалось, что завершился нэп в 1936 г., когда новая Конституция СССР провозгласила построение в нашей стране социалистического общества. В чем причина, по которой большинство современных историков не удовлетворены прежней периодизацией нэпа? Причина в перемене точки зрения на нэп. В наши дни основным его содержанием считаются не растущие в экономике социалистические элементы, а, наоборот, рыночные реформы, которые давали простор для развития товарно-денежных отношений. Такие реформы, как полагают многие современные авторы, проводились по нарастающей лишь до 1925 г. Последующие несколько лет (по одним оценкам до 1928, по другим – до 1929 г.) рыночные реформы все еще продолжались, но уже с серьезными ограничениями, пока административным путем не были свернуты окончательно сталинской группой в угоду идеологии форсированного социально-экономического рывка. В четвертой лекции данного учебного пособия учитываются обе названные выше точки зрения на развитие страны в 20-е годы прошлого века с тем, чтобы бакалавры могли сформировать собственное мнение на этот счет.

Помимо путей развития экономической реформы в рамках новой экономической политики, в курсе лекций дается анализ политической борьбы, которая велась на протяжении всех 1920-х годов как в самой большевистской партии, так и в обществе в целом. Особое внимание уделяется проблемам воссоздания государственного единства, нарушенного в 1916–1922 гг. Первой мировой и гражданской войнами, революцией и широкомасштабной интервенцией. Здесь необходимо совершить еще один небольшой экскурс в раннюю историю России. На протяжении всей своей истории российское государство с самого момента возникновения развивалось как многонациональное, объединяя не только восточных славян, но и другие

племена и народы, населявшие просторы Северной Евразии. Многонациональной оставалась Российская империя и на рубеже XIX–XX вв. События 1916–1922 гг., названные в свое время генералом Деникиным «второй русской смутой», в значительной степени нарушили это единство. Отдельные представители элиты на национальных окраинах попытались воспользоваться ослаблением централизованного государства с тем, чтобы усилить сепаратистские настроения, разыграть националистическую карту, разорвать страну по национальному принципу.

Победа большевистской революции выбила из рук националистов на окраинах страны все их козыри. Лозунги интернационализма и дружбы народами, красовавшиеся на знаменах большевиков, больше не позволяли сепаратистам эксплуатировать тему национального неравенства и угнетения нерусских народов Российской империи. Кроме того, упрочение Советской власти на практике означало укрепление центральной власти в Москве, что создавало важнейшие условия для восстановления государственного единства различных национальных и территориальных образований, возникших на осколках романовской империи. Интеграционные процессы на постреволюционном пространстве очень быстро привели к различным формам союзов между независимыми советскими республиками. Процессы эти протекали не быстро и непросто, но с неизбежностью приближали момент окончательного возрождения единой державы, как это уже не раз случалось в русской истории. Созданный в 1922 г. Союз Советских Социалистических Республик был невиданной прежде формой российского государственного единства. Тем не менее СССР являлся продолжением многовековой отечественной истории, ее закономерным и естественным порождением. Можно утверждать, что без воссоздания советскими республиками общего государства их дальнейшее существование не могло быть ни прочным, ни продолжительным. Большинство ведущих мировых держав в течение нескольких лет признали Советский Союз полностью легитимным и единственным преемником Российской империи.

Укрепление международного престижа, стабилизация межнациональных отношений, политической системы, а также восстановление разрушенного в годы мировой и гражданской войн народного хозяйства ставили на повестку дня новые, еще более масштабные задачи. Одна из важнейших задач, которую предстояло решать СССР в наступающем третьем десятилетии XX в., уходила корнями еще в дореволюционное

прошлое страны. Речь идет о необходимости продолжения и, более того, ускорения социально-экономического переустройства российской цивилизации. Данная задача вытекала из переживаемого страной процесса перехода от традиционного аграрного общества к современному на тот момент индустриальному обществу. В различных странах, в том числе и в царской России, этот переход затягивался на целые десятилетия. К сожалению, у молодой советской державы не было исторического времени на такие медленные темпы трансформации своих экономических, политических, социальных и духовных институтов. Причины, по которым советское руководство должно было искать пути ускорения естественных процессов общественного переустройства, в значительной мере крылись в результатах Первой мировой войны.

Остановимся на этом вопросе подробнее. Первая мировая (или, как называли ее современники, империалистическая) война не решила всех стоявших перед человечеством вопросов. Более того, она углубила противоречия между так называемыми странами-победительницами (Англией, Францией, США) и проигравшими странами, прежде всего Германией. Жажда реванша, определявшая социальную атмосферу в Германии все 20-е годы XX в., с высокой степенью вероятности позволяла предсказать неизбежность новой мировой войны уже в самое ближайшее время. Неслучайно многие проницательные умы полагали, что результатом Первой мировой войны стал вовсе не мир, а всего лишь временное перемирие. Глобальный экономический кризис мировой капиталистической системы, начавшийся в 1929 г., а также установление в 1933 г. в Германии гитлеровской диктатуры делали перспективу очередной мировой войны еще более неизбежной и осязаемой. В этой обстановке руководство СССР берет курс на ускорение социально-экономической реконструкции на рельсах создания в стране (впервые в мире) плановой экономики. В работах тогдашнего советского лидера – Сталина – 1929 год неслучайно будет назван годом великого перелома: с этого момента задача подготовки страны к отражению внешней агрессии становится лейтмотивом как внутренней, так и внешней политики СССР.

Важнейшей практической задачей, которую решало советское руководство в 1930-е годы, было создание динамичной плановой экономики, в основе которой должна находиться современная высокоразвитая тяжелая промышленность. Только так можно было обеспечить экономическую независимость СССР, защитить народное хозяйство страны от периодичес-

ких мировых кризисов, имманентно присущих капиталистическому укладу, а также, что особенно важно, создать мощный военно-промышленный комплекс, перевооружить Красную Армию и Красный Флот, насытить их качественным современным оружием отечественного производства. Достичь этой цели удалось в ходе двух первых пятилеток, а также нескольких лет третьей пятилетки, выполнение планов которой было скомкано началом нацистской агрессии против нас. Мужание советской державы происходило в ходе индустриализации и коллективизации. К сожалению, процесс обновления страны и перевооружения ее вооруженных сил оказался очень сложным, вызвал большие издержки, сопровождался личными трагедиями многих людей. Насильственные методы, которые применялись в ходе коллективизации, а также использование труда заключенных в разных отраслях промышленности в 1930-е годы навсегда останутся горькими страницами нашей истории. В то же время останутся в нашей истории и человеческой памяти массовый героизм, подвижничество и самоотверженность советских людей, воспринимавших стоящие перед страной задачи как свои собственные и готовых ради их достижения пожертвовать самым ценным, что может быть у человека, включая собственную жизнь.

Благодаря трудовому подвигу советских людей, а также в результате преимуществ плановой экономики Советскому Союзу удалось всего за одно десятилетие проделать громадный цивилизационный путь, на который у других стран уходили десятилетия и даже века. В Советском Союзе были созданы новые экономические районы в глубине советской территории, что имело не только экономическое, но и геостратегическое значение. Индустриализация дала стране новые, отсутствовавшие в царской России, отрасли народного хозяйства, а вооруженным силам – новейшие виды боевой техники, которые во времена монархии приходилось закупать за рубежом, все больше и больше вползая в долговую зависимость от своих непосредственных геостратегических противников. В пятой лекции данного курса на конкретном фактическом материале показано, что результатом экономического подъема нашей страны в 1930-е годы становится ее превращение во вторую в мире и первую в Европе экономическую державу. По своему экономическому могуществу СССР уступал только Соединенным Штатам, причем отставание от них постоянно сокращалось. Одновременно с этим позади были оставлены прежние наши конкуренты на мировой арене: Англия, Франция, Германия.

Факт быстрого экономического развития Советского Союза (как тогда говорили – первой в мире страны социализма), без сомнения, остудил горячие головы наших недоброжелателей на Западе и на Востоке, заставил их заново переосмысливать, все дальше и дальше переносить планы нападения на Советский Союз. Силами одной только фашистской Германии нанести СССР военное поражение становилось уже невозможно. Для этого требовалось создание коалиции целого ряда европейских государств. На недопущение подобного сценария была направлена вся внешнеполитическая деятельность советского руководства в 1930-е годы. Так, правительство СССР одобрило и несколько лет проводило курс на создание в Европе так называемой системы коллективной безопасности. Кроме того, СССР выступал с осуждением агрессии Японии против Китая на Дальнем Востоке, Италии против Эритреи в Африке, всех прочих агрессивных действий фашистских и милитаристских государств. СССР оказался единственной мировой державой, помогавшей законно избранному испанскому правительству в его борьбе против фашистского переворота генерала Франко и открытой интервенции против Испанской республики со стороны Гитлера и Муссолини.

Наконец, Советский Союз стал единственной страной, выразившей готовность прийти на помощь Чехословакии, когда над ней нависла угроза расчленения и оккупации нацистской Германией. Однако Мюнхенский договор правящих кругов Германии, Англии и Франции не позволил сохранить единство чехословацкого государства. А вскоре Чехия была полностью оккупирована нацистами, в то время как в Словакии установился подконтрольный Германии фашистский режим. Такова была цена политики «умиротворения агрессора», которую слепо проводили западные «демократии» в надежде направить агрессию фашизма на восток – против СССР. В наши дни и с моральной, и с исторической точки зрения именно эти драматические события, а не нападение Гитлера на Польшу (к слову, также принявшую участие в разделе Чехословакии) следовало бы считать началом Второй мировой войны, поскольку именно тогда, в 1938 г., агрессор окончательно убедился в своей безнаказанности и тем самым втягивание в войну все новых и новых государств стало абсолютно неизбежным.

Но даже тогда, когда нацистские танки громыхали по городам Чехословакии, Советский Союз продолжал бороться против разрастания военной угрозы. В осуществлении своих миролюбивых целей внешней политики СССР продолжал переговоры с ведущими странами Запада, надеясь на их доб-

рую волю. Только тогда, когда стало абсолютно очевидным нежелание Великобритании и Франции заключить с СССР полновесные военные соглашения, которые могли бы стать непреодолимым препятствием на пути агрессоров, советское руководство решает на резкую перемену тактики. При этом стратегическая цель оставалась неизменной – не допустить или на максимально возможное время оттянуть создание коалиции нескольких европейских государств против нашей страны.

Опасаясь, что Германия может создать такую антисоветскую коалицию совместно с Англией и Францией, СССР действует на опережение и заключает договор о ненападении, предпринятый Берлином. Этот договор позволил на несколько месяцев оттянуть крупномасштабную войну между СССР и нацистской Германией, хотя прочного мира достичь не удалось – на протяжении всего периода между подписанием советско-германских договоров в августе–сентябре 1939 г. и началом фашистской агрессии против нашей страны 22 июня 1941 г. отдельные боевые столкновения между советскими и германскими военнослужащими являлись заметным фактором взаимоотношений двух государств, что уже само по себе отвергает ложь о том, что якобы СССР и гитлеровский рейх являлись союзниками.

В настоящее время одним из ключевых и наиболее болезненных вопросов советско-германских отношений кануна Великой Отечественной войны являются так называемые секретные протоколы к договорам августа–сентября 1939 г., в которых Советский Союз и Германия якобы поделили между собой сферы влияния в Европе. Не вдаваясь в сложную и далекую от завершения полемику по поводу подлинности этих «секретных протоколов», отметим одно принципиальное обстоятельство – ни сами договоры августа–сентября 1939 г., ни даже «секретные протоколы» к ним, как бы прискорбно это ни звучало для современного человека, не противоречили общепринятой в те годы практике международных отношений. Задолго до СССР дележом мира за счет чужих стран и народов занимались не только немцы, но и такие цивилизованные и демократические государства (без всяких кавычек), как Англия, Франция, США, не говоря уже о странах помельче с авторитарными и тоталитарными политическими режимами, например о Польше, Венгрии или Румынии.

Но вернемся из сферы международных отношений к ситуации в самом советском обществе в 1930-е годы. Важным, до сих пор недостаточно изученным следствием индустриализа-

ции и коллективизации становится укоренение в СССР политической системы, полностью ориентированной на осуществление форсированного индустриального рывка, о чем также подробно рассказывается в курсе лекций. Соответственно, как и в экономике, в политической сфере преобладали предельная централизация, администрирование и чрезвычайные методы руководства. Проблемы, возникшие в ходе реализации планов первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, во-первых, показали слабую эффективность такого стиля руководства и, во-вторых, выявили растущее несоответствие прежней политической элиты новым реалиям ускоренного развития страны. Партийные кадры, рожденные подпольем, революцией и гражданской войной, были максимально адаптированы к задачам разрушения, им были понятны исключительно насильственные, военные методы администрирования. Они хорошо справлялись с задачами разрушения, но, когда в повестку дня включились задачи расширенного созидания, сразу выявились слабые стороны прежних советских руководителей разного уровня: от регионального до центрального. Осознание проблемных зон в политической системе ставило перед вождями СССР задачу крупных политических реформ.

Именно такие радикальные политические реформы были начаты в середине 1930-х годов. Их увенчанием должны были стать принятие новой советской Конституции и нового избирательного законодательства. Цель реформы – преодолеть раскол общества, оставшийся еще от гражданской войны, произвести мирную, ненасильственную ротацию элиты и наконец создать на будущее прозрачный механизм передачи власти в стране. В конечном счете все нововведения должны были укрепить монолитность советского общества в период подготовки СССР к надвигающейся войне. Однако политическая реформа вызвала растущее сопротивление со стороны той части элиты, которая неизбежно теряла власть в случае успешного завершения реформы. Старые кадры, скомпрометировавшие себя в годы гражданской войны, в годы насильственной коллективизации и гонений на беспартийную интеллигенцию, не могли рассчитывать на переизбрание в органы власти при условии проведения по-настоящему демократических выборов на альтернативной, состязательной основе. Осознавая неизбежность своего падения с властного Олимпа в случае победы реформаторов, консервативная часть советской элиты готова была идти на крайние меры, лишь бы сохранить свои прежние права и привилегии.

Можно утверждать, что в конечном итоге сопротивление консервативного крыла номенклатуры реформам советского политического режима вызвало обострение не только внутрипартийной борьбы, но и всей внутривластной ситуации. По стране прокатилось несколько волн репрессий и массового террора. Некоторые современные авторы сравнивают события 1937–1938 гг. с гражданской войной. Несмотря на преувеличенность таких оценок, нельзя не отметить колоссальные людские потери времен «ежовщины», создание в СССР атмосферы страха и подозрительности, наконец, следует признать, что курс на реформирование советской системы в определенной мере сорвался. Планы внедрения в СССР демократической избирательной системы были реализованы лишь частично. Что же касается планов ротации элиты, то они были в конце концов реализованы не путем ненасильственных избирательных процедур, а посредством напряженной работы карательных органов и показательных судебных процессов над видными вождями оппозиционных группировок разных лет. В пособии подробно освещается актуальный для современной исторической науки и общественного мнения вопрос о масштабах потерь 1937–1938 гг., приводятся противоположные оценки и концепции природы разворачивавшихся в те годы трагических событий.

* * *

Таким образом, в данном пособии «Новейшая история Отечества. Курс лекций. Часть I. 1917–1941 год» подвергается научному анализу один из самых противоречивых этапов отечественной истории: время от зарождения советской цивилизации до начала Великой Отечественной войны. В годы этой войны Советскому Союзу предстояло сдать сложный экзамен на свою зрелость. Войны всегда были серьезным испытанием общества на прочность. К. Маркс, труды которого составляли фундамент официальной большевистской идеологии, называл эту способность войск их «искупительной стороной». Он сравнивал социальные институты, утратившие свою жизнеспособность, с мгновенно распадающимися мумиями, подвергнувшимися воздействию струи свежего воздуха. Советское общество в годы Великой Отечественной войны не только не распалось, но и смогло избавиться от всего, что мешало борьбе с врагом, проявило поразительную жизнестойкость, выстояло в самых тяжелых условиях 1941 и 1942 гг. В конечном итоге именно Советский Союз внес решающий вклад в победу над самым страшным агрессором в истории человечества – гитлеровской Германией, заплатив за это самую дорогую цену. И

хотя сегодня некоторые лишенные совести деятели как на Западе, так и в России пытаются принизить вклад нашей страны в разгром фашизма, Победа СССР в Великой Отечественной войне 9 мая 1945 г. делает весь XX век Русским веком.

Не приходится сомневаться, что эта блистательная Победа выросла на прочном фундаменте. Без воссоздания государственного единства 30 декабря 1922 г., без подвига стремительного восстановления разрушенного войной народного хозяйства в 1920-е годы, без индустриализации и коллективизации, без возникшей на их основе плановой экономики, без созданного в 1920–1930-е годы ВПК, без всеобщей ликвидации неграмотности и создания основ самой передовой в мире системы профессионального и высшего образования, без взлета отечественной науки, без массовой народной поддержки происходивших в стране перемен никакая победа в той тотальной, направленной на полное уничтожение нашей страны войне, которую 22 июня 1941 г. развязал против Советского Союза «коричневый» рейх, была бы попросту невозможна. В силу этого можно сказать, что пособие по новейшей отечественной истории, которое читатель сейчас держит в руках, полностью посвящено анализу этапов и тенденций создания в нашей стране причин и предпосылок Победы СССР в Великой Отечественной войне, подробный разговор о которой планируется во второй части данного курса лекций.

Лекция 1.

СТАНОВЛЕНИЕ В РОССИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Вступление России в эпоху революционных потрясений

Вступая в новый, 1917 год, Российское государство переживало острый системный кризис, охвативший все сферы жизни общества. Ситуацию и в стране, и в мире в целом в 1917 г. определяла прежде всего мировая война. Преимущества Германии, связанные с лучшей подготовленностью к войне, исчерпались. Еще в 1916 г. страны Антанты перехватывают стратегическую инициативу, а в 1917 г. в войну вступают Соединенные Штаты, что делает положение Германии безнадежным. Тем не менее Германия и ее союзники все еще успешно обороняются и даже переходят в отдельные контрнаступления. Мировая война вызвала во всех воюющих странах падение уровня жизни и перенапряжение экономики. В Германии, Франции, Англии и США происходят милитаризация труда, усиление государственного регулирования, вводятся продовольственные карточки. В результате предпринимаемых мер в западных странах складывается система военной экономики, получившая название «военного социализма». Следствием войны во всех воюющих странах становятся дороговизна, падение благосостояния населения, рост эксплуатации. На фоне экономических трудностей нарастает политическая нестабильность.

Особенно пагубным оказалось влияние войны на Россию. В основе назревавшего в стране революционного кризиса лежало два противоречия. Первое из них заключалось в разрыве между высокими темпами развития экономики и архаичностью политических институтов самодержавия. Вторая коллизия назревала между быстрым внутренним развитием России и хроническим отставанием ее от передовых империалистических государств мира. Складывавшаяся на рубеже XIX–XX вв. ситуация не являлась чем-то аномальным, а вполне отвечала закономерностям развития человеческой цивилизации эпохи капитализма, когда усиливается неравномерность развития различных государств. Многие отечественные и западные исследователи выделяют три «ступени», «модели» или «эшелона» капиталистического развития. Для США и Западной Европы характерен первый, естественный, тип, когда ка-

питализм длительное время развивается на собственной почве. Вырабатывается особая либеральная культура: регулируемый рынок, парламентаризм, тред-юнионы, «социальное партнерство». Третья модель капиталистического развития предполагает колониальную зависимость отстающих стран. Второй, промежуточный, тип характерен для тех стран, где капитализм развивается на собственной почве, но его возникновение происходит со значительным отставанием. Россия отнеслась ко второму эшелону капиталистических государств.

Россия, вступив в эпоху империализма, вынуждена была резко ускорить мобилизацию народного хозяйства в целях выживания в быстро меняющемся мире. Американский исследователь А. Гершенкрон назвал этот вариант экономического роста «догоняющей индустриализацией». Догоняющая индустриализация предполагает действие совершенно иных сравнительно с ведущими западными державами стимулов развития – государственного вмешательства и зарубежных инвестиций. Отсюда характерные особенности российской экономики: бюрократизм и засилье западного капитала. Другой важнейшей чертой российской действительности являлось то, что в силу вторичного и догоняющего типа развития капитализма в ней как бы накладывались друг на друга разные исторические эпохи, спрессованные во времени и пространстве. Экономическая отсталость не подразумевала для России необходимость повторять исторический путь передовых стран Запада. В ней складывалась особая, «комбинированная» формация, в которой новейшие экономические, социальные и политические формы как бы «вживлялись» в отношения феодальные и дофеодальные, преобразуя и подчиняя их. Неслучайно В. И. Ленин называл Россию слабейшим звеном в системе империалистических государств – многочисленные противоречия тормозили развитие страны, создавали условия для революционных потрясений.

Война обострила все существовавшие в стране проблемы и породила множество новых. Неумение царского правительства довести страну до победы, распутищина, слухи о возможном тайном сепаратном мире с Германией вызвали недовольство либеральной буржуазии, части государственных служащих и помещичьего блока, в недрах которых зреет идея дворцового переворота. Нарастает мощный протест низов, недовольных тяготами военного времени. В России складывается революционная ситуация. По меткой характеристике, которую дал происходившим в стране процессам американский историк А. Рабинович, с определенного времени дни

самодержавия оказались сочтены, неясно было только одно — что победит раньше: народная революция или верхушечный переворот. Таким образом, война становится основным механизмом, приведшим российское общество к мощному революционному катаклизму. Надвигавшаяся революция должна была решить стоявшие перед русским обществом глубинные противоречия и устранить социальное напряжение, вызванное войной, предотвратить истребление населения, распад государства, крушение производства, устранить угрозу голода, решить еще более обострившиеся аграрный и национальный вопросы.

Свержение самодержавия

Февраль 1917 г. начинался в России беспокойно. На 14 февраля либералами и правыми социалистами были намечены массовые акции, приуроченные к открытию очередной сессии Государственной думы. Правда, в этот день митинги и шествия протеста пока еще не выходили за рамки обычных оппозиционных выступлений, хотя в них приняли участие самые широкие слои населения: от студентов до рабочих включительно. Следующие свои мероприятия оппозиция наметила на День международной солидарности женщин, отмечаемый в России 23 февраля по старому стилю. Раскачивая лодку российской государственности в условиях войны с внешним врагом, думская оппозиция рассчитывала добиться от Николая II давно ожидаемого ответственного министерства. Массовые уличные протесты должны были побудить царя быть более сговорчивым с думцами.

Маневры думской оппозиции происходили на фоне резко обострившегося в Петрограде продовольственного кризиса. Его возникновение также было вызвано множеством неблагоприятных обстоятельств. Хотя доставка в город хлеба и его выпечка были примерно на обычном уровне, слухи, возникшие после резкой критики думскими деятелями мероприятий правительства в продовольственном вопросе, привели к панике среди населения. Перепуганные, уставшие от военных тягот жители кинулись скупать хлеб, что вызвало перерасход хлеба и истощение в Петрограде его запасов. Власти же города оказались неспособны быстро исправить ситуацию из-за непорочности своего бюрократического аппарата, а также перенапряженности железных дорог в результате военных перевозок. Свою лепту внесла и капризная русская зима, засыпавшая снегами железнодорожные пути, по которым в Петроград шла доставка продовольствия. Думская оппози-

ция стремилась в полном объеме использовать сложившееся бедственное положение в своих политических целях. Однако ситуация вскоре начала развиваться так стремительно, что, по определению Н. И. Бухарина, застала врасплох не только самодержавие, то и тех, кто пытался разрушить его.

Прелюдией трагических событий многие современники, а также историки считают события на Путиловском заводе в Петрограде. 18 февраля доведенные до отчаянья продолжающейся войной и голодом, не вышли на работу рабочие его лафетно-штамповочной мастерской. Бастующих поддержали и другие рабочие завода. В ответ 22 февраля администрация завода объявила локаут. За воротами предприятия в одночасье оказалось 36 тыс. рабочих. Хозяева завода были поддержаны правительством. Конфликт перешагнул границы одного завода. На следующий день, 23 февраля, путиловцев поддержали рабочие многих других предприятий Петрограда. Современный историк В. П. Булдаков сравнивает распространение рабочих выступлений с «эффектом домино» и подчеркивает, что начавшиеся в рабочей среде процессы носили глубинный, в чем-то даже архаичный характер, по механизму развития напоминая крестьянские восстания доиндустриальной эпохи. В этот же день свои мероприятия, связанные с Международным женским днем, проводила оппозиция. Кроме того, в различных частях города начались стихийные погромы продовольственных лавок стоявшими в очередях женщинами. Разнообразные акции протеста слились в единый поток. Именно 23 февраля становится первым днем революции.

Поначалу никто не мог с уверенностью сказать, что началась именно революция. В сохранившихся личных дневниках петроградцев первые дни революции отмечены как время широких выступлений рабочего люда, но не как революции. Однако упорство рабочих, с которым они стремились в центр города, его «благородную», респектабельную часть, где располагались правительственные учреждения, массовость рабочего протеста вскоре привели к психологическому перелому. К 25–26 февраля уже никто не сомневался, что начавшиеся события переросли в настоящую революцию, хотя и тогда никто не мог оценить ее действительного масштаба. Начиная с этого времени власти и различные течения внутри оппозиции вступают в серьезную борьбу между собой, понимая, что время, когда можно было ограничиться компромиссом, уже упущено.

Власти, следуя стереотипу своих взаимоотношений с обществом, поначалу попытались ликвидировать беспорядки силой. 25 февраля 1917 г. обнародован манифест Николая

По роспуске Государственной думы. В тот же день военные власти Петрограда вывели на улицы столицы полицию и воинские подразделения с приказом стрелять по толпе. Пролилась первая кровь. Начались массовые аресты. Кровавые столкновения продолжились и на следующий день. Но и это не остановило рабочих, день за днем прорывавшихся в центр города со своими требованиями. Теперь они звучали куда решительнее, чем в первые дни революции. К лозунгам хлеба и мира добавились призывы к свержению самодержавия. Тем самым репрессии только усугубили ситуацию, направили события в кровавое русло, но не смогли уже утихомирить разбушевавшуюся стихию. Наоборот, солдаты, недовольные, что их используют в качестве палачей и жандармов, начали массово переходить на сторону восставшего народа. Первыми на сторону революции перешли солдаты учебной команды Волынского полка, стрелявшие по рабочим на Знаменской площади. В ночь с 26 на 27 февраля они твердо решили не проливать больше братской крови. Убив офицера и вооружившись, волынцы вышли на улицу, а уже к вечеру в ряды восставших влились около 70 тыс. солдат. Переход Петроградского гарнизона на сторону рабочих ознаменовал перелом в развитии революции. С этого момента ее победа в столице была предопределена, тем более что высший генералитет еще раньше рядовых солдат отказался защищать своего монарха и поддерживал думских либералов.

Неизбежность своего поражения понял и Николай II. 2 марта 1917 г. он отрекся за себя и за своего сына Алексея от престола в пользу своего брата, чем нарушил существовавшие в России со времен Павла I законы передачи престола. Но даже это не спасло монархию, поскольку Михаил 3 марта также отказался от престола. Николай II второй резко отрицательно отозвался о поступке своего брата, но что-либо изменить он уже не имел возможности. Некоторое время спустя, как свидетельствуют А. И. Деникин и С. П. Мельгунов, он подготовил телеграмму Временному правительству, в которой извещал, что переменял свое первоначальное решение и теперь отрекается в пользу сына. Но генерал Алексеев, которому император поручил отправить телеграмму, не сделал этого – фактически Николай II находился уже под арестом. В это время в столице был опубликован его манифест об отречении Михаила, и манифест, подписанный его братом. Одновременное обнародование двух манифестов об отречении серьезно ударило по самой идее монархии и по ее приверженцам, заранее обрекало на поражение любые реваншистские планы.

После крушения традиционной, привычной многим слоям населения самодержавной власти либеральным политикам приходилось действовать в совершенно новых условиях без ясного понимания возможных результатов широкого народного движения. Одно для лидеров прежней оппозиции было совершенно ясно – необходимо было срочно приступить к решению вопроса о власти. Думские деятели оказались в сложном положении. С одной стороны, они не хотели рисковать, послушавшись царской воли. Победа революции в столице не означала ее конечной победы. Николай II мог проявить решительность, вернуться в город во главе преданных ему войск с фронта и подавить революцию. Но, с другой стороны, царь был далеко, а восставшие рабочие и солдаты близки, под окнами Таврического дворца, в котором располагалась Государственная дума. Вооруженная масса требовала от Думы немедленных действий.

Выход из положения был облегчен содержанием царского манифеста. В нем Дума не разгонялась окончательно, как это было с I и II Государственными думами. Объявлялся лишь перерыв в ее работе. Следовательно, аппарат Думы, ее комиссии и другие подразделения могли продолжать работу. Дума оставалась дееспособным органом. Этим и решилась воспользоваться оппозиция. На своем частном заседании 27 февраля депутаты Думы сформировали Временный комитет Государственной думы (ВКГД), который объявил о взятии на себя обязанностей по наведению порядка в городе. В тот же день в здании все того же Таврического дворца левая часть думской оппозиции взялась за воссоздание Совета рабочих депутатов по образцу революции 1905 г. – необходимо было ввести народную стихию в организованное русло, взять ее под контроль, а заодно опередить более радикальные партии, в частности большевиков, также призвавших рабочих к выбору депутатов в революционный Совет. Инициатива большевиков представляла для думской оппозиции большую угрозу, так как некоторые наиболее радикальные большевики призвали к переходу власти в стране к правительству, созданному непосредственно рабочими Советами.

Несмотря на то что за созданием и ВКГД, и Петросовета стояла думская оппозиция, полного согласия между этими двумя органами, рожденными революцией, не было. Уже к вечеру 27 февраля в состав Совета начали вливаться сотни рабочих и солдат, серьезно влиявших на его позицию. В стране создалась ситуация двоевластия. Внешне это выразилось в противостоянии органу буржуазной демократии (ВКГД) демократической

общественной организации (Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов). Если бы дело ограничивалось только этим, двоевластие, вероятно, вскоре удалось бы преодолеть. Неслучайно Л. Д. Троцкий называл двоевластие парадоксом русской революции, намекая на близость позиций правых социалистов и кадетов, а некоторые современные историки полагают, что двоевластие – это всего лишь плод воображения некоторых социалистических лидеров. Но причины двоевластия были значительно глубже личных амбиций лидеров левой и правой частей прежней думской оппозиции. Февраль стал результатом двух совпавших по времени процессов: революционного подъема низов и политической активизации верхов, стремившихся перехватить выпадавшую из рук самодержавия власть. Крушение царизма позволило обоим потокам революции институционно оформиться и предложить обществу свою модель организации новой государственности.

Наметившийся в обществе конфликт попытались преодолеть созданием всероссийского революционного правительства. Решение о его формировании было достигнуто на совместном совещании ВКГД и Петросовета 1 марта. На следующий день, 2 марта, был объявлен состав Временного правительства, как его стали называть. Возглавил кабинет министров князь Г. Е. Львов. Наиболее влиятельные посты заняли П. Н. Миллюков, А. И. Гучков, Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко, А. А. Мануйлов, А. И. Шингарев, А. И. Коновалов. Но ситуацию двоевластия создание Временного правительства не изменило, поскольку состав правительства мало отличался от состава ВКГД и в нем были по преимуществу представители буржуазных партий, кроме социалиста А. Ф. Керенского, вошедшего туда «по собственной инициативе».

В провинции революция началась уже после того, как в столице она успела завершиться. Сюда революция добралась, по определению историка Л. М. Спирина, «по телеграфу». В некоторые города известие о свержении царя пришло по линии общественных организаций, прежде всего кооперации и земств. В других городах информация о революционных событиях поступала по официальным каналам. Местная власть до поры до времени утаивала поступающие из Петрограда будоражившие известия, и лишь когда любые сомнения в их подлинности отпали, столичные новости стали достоянием общественности. Вслед за этим началось создание местных органов власти. Как и в центре, на нее в провинции претендовали несколько различных организаций и учреждений. С одной стороны, властью наделялись комиссары Временного

правительства, более широкие полномочия приобретали традиционные органы власти – думы и земства. С другой стороны, возникают демократические органы власти: комитеты общественных организаций, общественные исполнительные комитеты и другие аналогичные им органы революционной власти. В комитетах были представлены разные социальные группы, организации, партии. Их создание историк Г. А. Герасименко называет первым актом народовластия. Но существуют и более сдержанные их оценки, поскольку комитеты ориентировались на Временное правительство. Иную, с течением времени все более оппозиционную позицию заняли другие органы революционной власти – Советы. Тем самым во многих городах России, как и в столице, возникает ситуация двоевластия. Что же касается деревни, то в ней идет возрождение пережившей столыпинскую реформу крестьянской общины.

Становление российской многопартийности

В результате февральско-мартовского вооруженного переворота власть в России взял центристский блок кадетов и умеренных социалистов. Участником событий, одним из лидеров меньшевиков, И. Церетели, для определения сложившейся коалиции был предложен термин «революционная демократия», первоначально означавший союз кадетов с умеренными социалистами. Сначала фактическими лидерами «народного фронта» антимонархических сил являлись кадеты. Во главе этой партии стояли такие видные деятели, как П. Н. Милюков, В. Д. Набоков, А. И. Шингарев, Ф. Ф. Кокоскин. Центральным органом партии была газета «Речь». После февраля партии и организации консервативной ориентации были запрещены. В этих условиях политические силы правее кадетов либо исчезали, либо уходили в подполье, либо сливались с Партией народной свободы. После массового вливания в кадетскую партию всех этих правых элементов, можно было ожидать резкого поправления самих кадетов. Однако на практике произошло обратное. Кадеты отказываются от монархии, принимают некоторые «принципы социализма» (8-часовой рабочий день, создание заводских комитетов, рабочее законодательство) и провозглашают курс на Учредительное собрание, хотя большинство этих решений так и остались на бумаге. Поддержка кадетами продолжения войны до «победного конца», а также усиление в их среде консервативных настроений постепенно приводят к тому, что кадеты начинают отождествляться с контрреволюцией.

Важным элементом центристского блока выступали партии умеренных социалистов. Их усилению способствовало несколько различных обстоятельств: существование еще до революции массовых легальных организаций меньшевиков и эсеров в Думе, кооперации и т.д., уничтожение репрессивного аппарата самодержавия и разгром традиционалистско-охранительных организаций, служивших естественным противовесом и ограничителем революционных группировок, а также особенности классовой структуры России периода войны.

Наиболее многочисленной являлась партия эсеров. По некоторым оценкам, к середине 1917 г. ее численность достигала 700 тыс. человек, а по другим оценкам – около миллиона. В ряды Партии социалистов-революционеров (ПСР) записывались целыми селениями и воинскими частями. Интеллектуальные силы эсеровской партии группировались вокруг газеты «Дело народа». Главным лицом в эсеровской среде был крупный теоретик социализма В. М. Чернов. Он стоял на левоцентристских позициях, но к октябрю 1917 г. резко переориентировался вправо. Произшедшая в стране революция определялась Черновым как «народно-трудовая», что должно было подчеркнуть ее переходный характер, примирить национальные и классовые тенденции в революции. Изначально правую, милитаристскую, позицию занимал другой руководитель эсеров – Н. Д. Авксентьев. Уже в марте–апреле в среде ПСР начало образовываться левое направление, лидерами которого выступали М. А. Спиридонова, Б. Д. Камков, М. А. Натансон. Программа эсеров выражала в тот период компромисс между соперничавшими группировками внутри партии – в ней были и умеренные, и радикальные положения. Социалисты-революционеры требовали республики, демократических свобод, передачи земли крестьянам. Первыми из всех политических групп эсеры высказались за превращение России в федеративное государство с сильными автономными образованиями по национальному признаку.

В тесном блоке с эсерами выступали меньшевики. Под этим общим названием существовало несколько группировок, раздираемых внутренними склоками и «идеологически разногласиями». На самом правом фланге у меньшевиков стояла группа «Единство», возглавляемая Г. В. Плехановым. Плеханов однозначно поддерживал продолжение войны, Временное правительство, выступал против перехода к социалистическому этапу революции. Далее шла группа профсоюзных функционеров во главе с Гвоздевым и Бройдо, объединявших-ся вокруг рабочей группы Центрального военно-промышлен-

ного комитета. Несколько более левых убеждений придерживались члены думской фракции меньшевиков, функционеры различных легальных рабочих организаций. К деятелям этой среды можно отнести Церетели, Чхеидзе, Дана. Особую платформу после возвращения в Россию предложил меньшевистской партии Мартов, но вплоть до октября 1917 г. он оставался в меньшинстве. Самостоятельная по взглядам группа интеллигентов, литераторов и студентов во главе с М. Горьким объединялась вокруг газеты «Новая жизнь». Мартов и новожиленцы располагались на левом фланге меньшевизма. На еще более радикальных позициях стоял Межрайонный комитет социал-демократов, первоначально возглавлявшийся Юровским, а затем – Л. Д. Троцким.

Эсеры и меньшевики тесно координировали свою деятельность. Вскоре после победы февральской революции складывается неформальная группа партийных функционеров, которые фактически руководили деятельностью входящих в блок социалистических партий. В эту неофициальную группу, получившую название «звездной палаты», входили М. И. Скобелев, И. Г. Церетели, Н. С. Чхеидзе, Ф. И. Дан, В. А. Анисимов, К. М. Ермолаев, А. Р. Гоц, В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев и В. С. Войтинский. По воспоминаниям последнего, на заседаниях «звездной палаты» предварительно обсуждались все важнейшие вопросы, составлявшие основу политической линии правых социалистов. «Звездная палата» являлась неофициальным органом, функционируя на принципах «товарищества». В целом позиция правых социалистов сводилась к формуле условной поддержки Временного правительства: его следовало поддерживать постольку, поскольку оно в своей деятельности будет проводить демократические реформы.

Левый фланг политического спектра революционной России занимали большевики и анархисты. Анархисты не представляли собой единой политической партии. В стране действовали малочисленные объединения анархо-синдикалистов, анархо-коммунистов, анархо-индивидуалистов, другие группы. Среди видных анархистов той поры выделялись П. А. Кропоткин, Г. Максимов, В. Волин. В первые недели после свержения царизма большевики также оставались плохо организованной, немногочисленной группой. Общая их численность в феврале 1917 г. оценивается в 20–25 тыс. человек, из которых около половины находились в эмиграции, ссылке или заключении. По мнению некоторых историков, партия, по существу, была расколота на российское и зарубежное крылья с разным пониманием обстановки в стране и перспектив ее

развития. Партийная дисциплина в условиях подполья и разорванности связей мало стабилизировала обстановку внутри большевистской партии.

Еще в ходе февральских событий в среде большевиков сложилось три четко обозначенных позиции, три течения: правое, умеренное, леворадикальное. На крайне левом фланге у большевиков действовал Выборгский комитет партии. Уже 1 марта на своем первом легальном собрании им было принято воззвание, в котором звучал призыв продолжать революцию то тех пор, пока не будет одержана полная «победа пролетариата». В центре во внутрипартийных дискуссиях стояли деятели Русского бюро Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) (РСДРП(б)) А. Г. Шляпников, В. М. Молотов, П. А. Залуцкий. Они отказывались поддерживать продолжение войны даже под революционными лозунгами, выражали недоверие «кадетскому» кабинету министров, но не звали к немедленному социалистическому перевороту. Правое крыло первоначально было представлено Петербургским комитетом. Выступая против войны, Петербургский комитет, тем не менее, фактически поддержал меньшевистскую позицию сотрудничества с Временным правительством. Особенно усилились позиции правых большевиков, когда из ссылки вернулись такие крупные лидеры, как Л. Б. Каменев, М. К. Муранов, И. В. Сталин. Еще в Сибири Каменев успел приветственную телеграмму престолонаследнику Михаилу, а теперь был склонен к благодушной оценке буржуазного кабинета и его политики «обороны революции». Своим авторитетом Каменев и Сталин оттеснили тех большевиков, кто стоял на иных позициях, подчинили себе «Правду», выступили за слияние в одну партию с меньшевиками.

Расклад сил в большевистской партии меняется после приезда в Россию В. И. Ленина. Вернувшись 3 апреля 1917 г. из эмиграции, он застал свою партию организационно слабой и раздираемой разногласиями. По свидетельству кронштадтского большевика Ф. Ф. Раскольникова, Ленин сразу же, еще в поезде, начал резко критиковать курс каменевской «Правды». Пытаясь оздоровить ситуацию в партии, Ленин обнародовал свою альтернативу правому большевизму. Оценка Лениным политической ситуации в стране и предлагавшиеся им шаги по развитию революции получили название Апрельских тезисов. В них Ленин отстаивал идею неизбежности краха возникшего после падения монархии либерального режима. По его убеждению, буржуазно-демократический этап революции был уже

пройден и на очереди теперь стояла пролетарская революция. Исходя из этого, Ленин намечал ряд практических шагов. Во-первых, настаивал он, нельзя оказывать никакой поддержки Временному правительству. В то же время, поскольку оно все еще пользовалось поддержкой большинства населения, никаких насильственных мер по отношению к нему допускать тоже не следовало, ограничиваясь разъяснениями «контрреволюционной» сущности министров-капиталистов. Во-вторых, по мысли Ленина, вся полнота власти должна была перейти к Советам, а внутри Советов – от правых социалистов к большевикам. В-третьих, Ленин призывал ликвидировать помещичье землевладение, а землю передать под контроль Советов. В-четвертых, ленинские предложения предусматривали введение рабочего контроля над производством, что должно было означать постепенный переход к социализму. В-пятых, предполагалось слияние всех банков в единый общенациональный банк, который находился бы под полным контролем народа. Все эти меры были направлены на мирное развитие революции в России и на подготовку мировой революции.

Ленинские тезисы были встречены настороженно. Плеханов выступил со статьей «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен». Бредом сумасшедшего назвал Апрельские тезисы меньшевик Богданов, а бывший большевик Гольденберг заявил, что Ленин, выступив с Апрельскими тезисами, выставил свою кандидатуру на один трон в Европе, пустующий к тому времени уже 30 лет, – трон анархиста Бакунина. Поначалу такое же прохладное отношение к Апрельским тезисам было и среди самих большевиков. Сталин уверял, что, если ленинские тезисы будут поддержаны, партия превратится в изолированную группку пропагандистов, а Каменев дал в «Правде» статью «Наши разногласия», где подчеркнул свое несогласие с Лениным. По его утверждению, Апрельские тезисы являлись сугубо личным мнением самого Ленина, а не партии. Тем не менее на апрельской конференции Петроградской организации большевиков Ленин добился уверенной победы над скептиками. Несколько дней спустя Апрельские тезисы принимаются на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). С этого времени они являлись официальным руководством к действию для всех большевистских организаций страны; как позже заявит Н. И. Бухарин, для большевиков Апрельские тезисы станут своеобразным черновым наброском новой партийной программы, помогут партии удержаться на бурных водах Российской революции во время всего перехода от Февраля к Октябрю.

Внутренняя политика Временного правительства

Свержение самодержавия открыло перед Россией перспективу либерального развития. Свои первоочередные шаги в сфере реформирования страны Временное правительство изложило в Декларации от 3 марта 1917 г. В ней содержалось восемь пунктов: провозглашение широких демократических свобод, замена полиции народной милицией, неразоружение и невывод из столицы революционных частей, обещание Учредительного собрания и другие. Многие политики той поры, от В. И. Ленина до А. Ф. Керенского, называли новую Россию самой свободной страной в мире. Как показывают новейшие исследования, таково было самочувствие и широких масс населения. Ярким проявлением этого стало массовое движение по смене старых названий и даже имен. Так, один солдат по фамилии Романов, обращаясь к новым органам власти, просил сменить его фамилию как «монархическую», «неприличную» и «обидную» на новую – Демократов. Спешили переменить свои фамилии на более соответствующие духу эпохи многие Сухомлиновы, Распутины и обладатели прочих «контрреволюционных» фамилий. Стремление мимикрировать под настроения толпы охватило и высший свет. Прежние атрибуты империи словно исчезли. Даже бывшие жандармы и великие князья расхаживали с красными гвоздиками в петличках.

Но эйфория начального периода революции оказалась зыбкой. Первые же конкретные мероприятия новой власти показали, что русское общество глубоко расколото и что отделаться поверхностным косметическим ремонтом будет невозможно. Среди наиболее важных шагов Временного правительства нужно назвать следующие. В сфере управления это утверждение 5 марта должности комиссаров Временного правительства, введение 15 апреля всеобщего избирательного права для городских жителей с 18 лет, принятие 21 мая закона о волостном земстве. В области рабочей политики 12 апреля принимается закон о свободе собраний и союзов, а 23 апреля – положение о фабрично-заводских комитетах. В сфере продовольственной политики самым существенным событием становится принятие 25 марта положения о хлебной монополии и твердых ценах на хлеб. Активно действовали новые власти в аграрном вопросе, но активность эта носила противоречивый характер. С одной стороны, 12 и 16 марта принимается решение о национализации земли, принадлежавшей царю и его близким. С другой стороны, 9 марта по-прежнему распоряжение о привлечении крестьян к уголовной

ответственности за участие в аграрных беспорядках, а 11 апреля выходит закон об охране посевов, по которому помещикам гарантировалось возмещение ущерба в случае народных волнений. Противоречивым получилось и постановление 21 апреля о создании земельных комитетов. На них возлагалась лишь подготовка реформы, а не ее проведение.

Вместе с тем проводимые Временным правительством мероприятия были явно недостаточными в условиях охватившего страну кризиса. Острейшие проблемы, в своей совокупности и подтолкнувшие Россию в водоворот революционных потрясений, оставались до конца не решенными. Важнейший, по определению В. И. Ленина, вопрос всякой революции – вопрос о власти – после февраля оставался в подвешенном состоянии. Двоевластие подтачивало устои государства, разрушало эффективность управления, по сути, означало безвластие. Само определение революционного правительства как «временного» было равносильно признанию его неполноценности, что в условиях России не могло не сказаться на его авторитете. У страны был пусть и хрупкий, но проверенный опытом других революций путь мирного решения вопроса о власти – своевременный созыв конституанты. Но Временное правительство затягивало созыв Учредительного собрания. Более того, оно распустило прежние парламентские органы: Государственный совет и Государственную думу. Исполнительная власть шла по пути утверждения собственной диктатуры, не имея на то никакой легитимности. Это не стабилизировало ситуацию, а лишь провоцировало других узурпаторов с местными или даже всероссийскими амбициями претендовать на власть, полагаясь при этом не на закон, а на силу.

При этом следует помнить, что решение всех остальных вопросов Временное правительство отодвигало до созыва Учредительного собрания, который все откладывался и откладывался. Позитивно не решался такой животрепещущий вопрос, как участие России в войне. Массы жаждали мира, а правительством и социалистами твердили о «революционном оборончестве». При этом если царское правительство хоть и обещало, что за понесенные невзгоды страна получит новые территории, то революционные власти вскоре провозгласили отказ от прежних целей, от аннексий и контрибуций. Участие страны в кровопролитной всемирной войне теряло даже видимость смысла. Его заменили бесконечные призывы верности союзническому долгу (причем сами союзники ни от новых территорий, ни от возмещения материального ущерба Германией вовсе не отказывались). Устроенное Временным

правительством наступление русских армий 18 июня 1917 г. обернулось для России позорным поражением и десятками тысяч напрасных жертв. Не решались и другие вопросы: национальный, аграрный, рабочий. Принимаемые Временным правительством меры в этих направлениях лишь вызывали новые протесты, вносили новый раскол в общество. Так, призванный стабилизировать положение на предприятиях закон 23 апреля о фабзавкоммах был воспринят рабочими как покушение на их права, а попытка договориться с украинскими националистами вылилась в острый внутренний конфликт внутри самого Временного правительства.

Три кризиса Временного правительства

Неумение справиться с ситуацией оборачивалось постоянными кризисами Временного правительства. В возникновении этих кризисов лежали причины как внутреннего, так и внешнего характера. Первое время, пока глубинные слои русского общества еще не пришли в движение, решающее значение имел внешнеполитический фактор. Достаточно сказать, что все три кризиса Временного правительства в период мирного развития революции в значительной степени были связаны именно с этим фактором. Первый же кризис Временного правительства, произошедший в апреле 1917 г., был вызван исключительно просчетами во внешней политике и недовольством масс продолжением войны.

Механизм противоречий, в конце концов приведший к апрельскому кризису, был запущен еще 14 марта, когда Петросовет опубликовал манифест «К народам мира». В нем с пацифистских позиций выражалась надежда прекратить войну путем переговоров на принципах демократии. Министр иностранных дел П. Н. Милюков, не согласный с пацифистской позицией Совета и считавший внешней политикой своей вотчиной, воспринял появление манифеста как выпад лично против себя. В своем интервью 23 марта он заявил, что Россия борется за объединение украинских частей Австро-Венгрии с российской частью Малороссии и за присоединение к России черноморских проливов и Константинополя. Совет, за которым стояла фигура министра юстиции Керенского, принял вызов. Практически сразу после заявлений Милюкова деятели Петросовета выступили с яростными опровержениями.

В сложившейся ситуации Временное правительство вынуждено было обнародовать заявление, в котором излагались принципы внешней политики, во многом перекликавшиеся с

требованиями Совета. Уже 18 апреля оно было направлено союзникам в качестве официальной позиции новой России. Однако вслед за внешне демократическим официальным документом в столицы ведущих мировых держав начала рассылаться нота министра иностранных дел Милюкова. В ней он «разъяснял» союзникам, что революция не вызовет изменений внешней политики России и не ослабит ее военных усилий. Однако «нота Милюкова» не прошла мимо внимания Петросовета, и 20 апреля она появилась в печати. Разразился скандал, уверенно перераставший в политический кризис. Большинство советских деятелей сочли себя оскорбленными. Кроме того, у них появился реальный шанс выдвинуть требование перераспределения портфелей в правительстве. В еще большей мере заявлением Милюкова оказались недовольны рабочие кварталы и солдатские казармы. Снова, как в феврале 1917 г., революционные массы вышли на улицы столицы. Выступления протеста удалось прекратить лишь после того, как Петросовет поздно ночью 21 апреля принял резолюцию с запрещением на два дня всех массовых мероприятий.

Апрельский кризис выявил значительные противоречия революционного режима и подтвердил прогнозы о возможности мирного углубления революции. Хотя сам кризис протекал в бурных, совершенно не парламентских формах, имелись жертвы, но открытых столкновений не произошло. Настроения революционной эйфории отнюдь не прошли, и когда командующий Петроградским военным округом Л. Г. Корнилов приказал направить против рабочих пушки, солдаты и даже офицеры ему не подчинились. Корнилов вынужден был подать в отставку и временно уйти в тень.

Временное правительство уступило ультиматуму Совета, а вскоре, после отставки Гучкова и Милюкова, было сформировано коалиционное правительство. Во главе его вновь встал князь Г. Е. Львов. Теперь, помимо десяти министров-капиталистов, в него вошли сразу шесть министров-социалистов, среди которых, кроме А. Ф. Керенского, были В. М. Чернов, М. И. Скобелев, И. Г. Церетели, А. В. Пешехонов и П. Н. Переверзев. Вхождение социалистов в правительство стало следствием важных перемен в их взглядах, произошедших под настойчивым давлением И. Г. Церетели. Он сумел убедить и своих товарищей по меньшевистской партии, и руководство эсеров, что социалисты должны взять на себя ответственность за развитие страны и революции. До этого вхождение социалистов в буржуазное правительство считалось ренегатством. С одной стороны, вхождение социалистов в правительство свидетельствовало об

укреплении их позиций, но, с другой – оказалось для них ловушкой. По словам Милюкова, раньше, когда правительство находилось под контролем Совета, буржуазия буржуазными руками выполняла дело революции, дело социализма. Теперь же вошедшие в правительство социалисты социалистическими руками выполняли капиталистическое дело.

Оценивая ситуацию после апрельского кризиса, один из лидеров большевиков Н. И. Бухарин отмечал: противостояние между Временным правительством и Советом не исчезло, а переместилось внутрь самого коалиционного министерства. Понятно, что это еще больше подрывало центральную власть, усиливало общий кризис. Теперь процесс размежевания протекал не только между буржуазией и народными массами, но и внутри самой революционной демократии. В стране разворачивалась аграрная революция, которую многие современные авторы, вслед за историком Д. И. Люкшиным, называют общинной революцией. Крестьяне в некоторых уездах к лету 1917 г. не только успели поделить помещичью землю, но и принялись за передел земли кулаков и крестьян, выделившихся из общины во время столыпинской реформы. Небывалое прежде значение приобретало рабочее самоуправление и рабочий контроль над производством. Но умеренные социалистические партии, войдя в правительство, уже не были заинтересованы в форсировании революции. Глубиной пропасти между правыми социалистами и быстро левевшими массами и определялся накал второго, июньского, кризиса Временного правительства.

Наиболее сильное недовольство назревало в армии. На заседании Петроградской военной организации 23 мая несколько воинских частей (Павловский, Измайловский, Гренадерский и другие полки) заявили, что готовы к самостоятельному выступлению, если на это не последует директивы сверху. По итогам заседания Военная организация большевистского ЦК («Военка») докладывала руководству партии, что 60 тыс. солдат из 250-тысячного столичного гарнизона готовы к немедленному самочинному выступлению против Временного правительства. Среди рабочих настроения были менее определенными. Но и в рабочих кварталах зрели предпосылки массовых протестных выступлений. Об этом красноречиво свидетельствуют события, связанные с поддержкой, которую рабочие в те дни оказали более левой, чем даже большевики, группе анархистов. Вооруженные винтовками, ручными бомбами и пулеметом, 5 июня анархисты напали на редакцию черносотенной газеты «Русская воля» и захватили ее, а

на следующий день анархистам пришлось помериться силой уже с правительственными войсками, посланными образумить непомерно горячих «бойцов революции». Потерпев поражение в стычках с правительственными войсками, анархисты обратились за помощью к рабочим и встретили у них самую горячую поддержку: уже 8 июня забастовало 28 коллективов Выборгского района.

Большевистские лидеры очень быстро разобрались в складывавшейся в столице ситуации. Они осознали, что, если немедленно не поддержать революционные настроения масс, можно оказаться на обочине, уступив место лидерам уличной оппозиции анархистам и другим левацким группам. Обсудив развитие событий на заседании ПК РСДРП(б) 6 июня 1917 г., большевики принимают решение провести 10 июня массовую демонстрацию рабочих и солдат, направленную против продолжения войны и поддержки Временного правительства. Большевики и эсеры расценили план большевиков как удар по революции. В эти дни, с 3 по 24 июня, в Петрограде проходил I съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Около 80% на нем имели умеренные социалистические партии. Именно его авторитетом меньшевики и эсеры решили воспользоваться, чтобы сорвать намерения большевиков. Решением I Всероссийского съезда Советов и Петросовета большевистская демонстрация была отменена.

Вместе с тем полностью проигнорировать взрывоопасную ситуацию, сложившуюся в столице, правые социалисты не решились. Было принято решение провести демонстрацию солдат столичного гарнизона и рабочих города, но не 10, а 18 июня – в день начала наступления на фронте. И пройти она должна была под лозунгами поддержки наступления, а заодно и коалиции социалистов с буржуазными партиями во Временном правительстве. Подготовка к наступлению также велась под революционными лозунгами. Керенский, занявший к этому времени кресло военного министра, самолично ездил по воинским частям с агитационными выступлениями и раздаривал солдатам красные знамена революции, дабы воодушевить их на массовый героизм. Но, несмотря на все колоссальные усилия, демонстрация 18 июня прошла не под соглашательскими, а под большевистскими лозунгами: «Долой войну!» и «Долой министров-капиталистов!». Это явилось зримым провалом умеренного большинства Советов и означало кризис революционной власти.

Хотя отставки кабинета в июньские дни и удалось избежать, но ситуация в столице продолжала накаляться и в даль-

нейшем. Не только большевики, но и кадеты видели неспособность коалиционного правительства вывести страну из кризиса. Как показывают новейшие исследования, в частности историка Г. И. Злоказова, правые члены кабинета усиленно искали повод, чтобы красиво хлопнуть дверью и переложить на социалистов всю ответственность наметившегося провала наступления. Таким поводом, к примеру, мог стать конфликт между социалистами и правыми вокруг политики, проводимой министром просвещения А. А. Мануйловым. Возникшие трения удалось снять, и тогда поводом для разрыва послужило несогласие кадетов с А. Ф. Керенским и другими левыми по вопросу об Украине. В знак протеста против предоставления ей автономии, о чем с Центральной Радой договорились Керенский, Церетели и Терещенко, 2 июля 1917 г. четыре министра-кадета подали в отставку. Это стало началом третьего, июльского, кризиса Временного правительства.

Разворачивался он на фоне массовых выступлений в Москве, Киеве и других городах. Особенно острая ситуация вновь сложилась в столице. Причиной этого стали попытки соглашательских советов под предлогом начавшегося 18 июня наступления вывести из города революционные части. Это было грубым нарушением обещаний, которые давались солдатам сразу после февраля, когда исход революции не был очевиден и многие ждали, что Николай II двинет с фронта на подавление революции верные ему части. Кроме того, привыкшие к мирной жизни солдаты тыловых гарнизонов, особенно столичного, вовсе не рвались на фронт под немецкие пули. За две короткие недели, разделяющие июньский и июльский кризисы, было несколько крупных конфликтов с участием анархистов, большевиков и просто разъярившихся солдат. Начавшие поступать в первых числах июля слухи о провале наступления и о колоссальных потерях еще более подогрели обстановку.

В тот же день, когда министры-капиталисты подавали в отставку, в Петрограде начались стихийные выступления солдат и рабочих. Застрельщиками стали военнослужащие 1-го пулеметного полка, протестовавшие против отправки их на фронт. Их поддержали представители других полков и окрестных заводов. И уже к вечеру 3 июля город оказался фактически захвачен восставшими. Большевики, которые поначалу оказались не готовы к такому повороту событий, смогли быстро мобилизоваться и в ночь с 3 на 4 июля взяли в свои руки руководство движением с тем, чтобы придать ему мирные формы и направить его на достижение своих политических целей. Сколь далеко шли эти цели – об этом сегодня,

как и в 1917 г., ведутся самые жаркие дискуссии. В воспоминаниях Н. Н. Суханова говорится о том, что Ленин, Троцкий и Луначарский примеривались стать революционным триумvirатом, сместить Временное правительство и возглавить государство (к слову сказать, последние двое в июльские дни еще не вступили в РСДРП(б) и возглавляли собственную социал-демократическую организацию «межрайонцев»). Но Луначарский и Троцкий горячо опровергали слова Суханова (Ленин был уже глубоко больным человеком). Сами большевистские лидеры называли июльские события репетицией Октября. Но это всего лишь метафора, мало что дающая для понимания истинных намерений большевиков. Во всяком случае, именно большевиков Временное правительство и Петросовет обвинили в организации беспорядков. В ночь на 6 июня в город стали прибывать воинские части, верные Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету (ВЦИК), избранному на I съезде Советов. В газетах начали публиковаться слухи о том, что Ленин – немецкий шпион, был выдан ордер на его арест. Июльский кризис унес жизни более чем 500 человек. Мирное развитие революции было сорвано. Период двоевластия завершился.

Альтернативные пути развития революции

Результатом июльского кризиса становится усиление в стране реакции. Поднимают голову правые организации. Начинаются гонения на большевиков и представителей других левых организаций. В Петрограде прямо на улице был убит рабочий Войнов, продававший «Листок Правды», в различных городах подвергались разгрому редакции большевистских газет, шли локауты, на фронт отправлялись военные части, заподозренные в сочувствии к левым. С ведома лидеров правых социалистов началась охота за В. И. Лениным и Г. Е. Зиновьевым. А через месяц, 10 августа, Временное правительство декларирует очередную отсрочку выборов в Учредительное собрание. Однако торжество консерваторов после июльских событий было неполным. Большевики, проявив осторожность, в период кризиса не втянулись полностью в организацию беспорядков, поэтому они легко вывели из-под удара свои основные силы. По словам Н. И. Бухарина, события 3–6 июля не стали подлинной революцией, но и победа реакции в результате этого оказалась половинчатой.

Более того, в определенном смысле большевикам даже удалось добиться для себя важных позитивных результатов,

выразившихся в возникновении серьезных трений внутри правящей коалиции. Часть деятелей, в период июльского кризиса выступавших против большевиков, начала выражать недовольство, что репрессии распространились на все демократические организации, не исключая Советы. Другие политики, наоборот, были недовольны, что удар по левым оказался слишком слабым. Они считали необходимым закрепить успех и окончательно покончить с анархией и необоснованными претензиями народных масс. Их идеалом становится установление твердой власти, способной довести страну до победного конца.

Оба образовавшихся крыла внутри правящей коалиции, подстегиваемые возрождением большевиков и взаимными подозрениями, начинают активное организационное оформление. Так, 7–9 августа в Петрограде по инициативе ЦИК Советов состоялось Совещание демократических организаций по обороне. Обычно его деятельность мало освещалась в исторической литературе, что не позволяло понять природу и основные черты демократической альтернативы в революции. Целью совещания декларировалось выработать единую линию демократических организаций по поддержанию военных усилий страны и достижению порядка. По результатам совещания был образован Объединенный комитет демократических организаций по обороне, наделенный чрезвычайным доверием широкого спектра общественных организаций, от Советов до кооперации и земств. Те же процессы шли и на правом фланге. В Москве 3–5 августа прошел Торгово-промышленный съезд, а 8–10 августа – совещание общественных деятелей. На них также шла речь о способах наведения порядка. В частности, П. П. Рябушинский в своей речи на Торгово-промышленном съезде высказался в том духе, что нужна костлявая рука голода и нищеты, чтобы она схватила Советы за горло. Несколько раньше планы военной диктатуры и жесткого наведения порядка были одобрены на съезде одной из партий правительственной коалиции – кадетов. Большинство кадетских лидеров высказались на нем за срочные и решительные действия.

Таким образом, различные силы внутри правящей кадетско-социалистической коалиции придерживались разных взглядов на будущее развитие революции. Но выступать в одиночку первоначально не решалась ни одна из сторон. Общая линия должна была обсуждаться на Московском государственном совещании, проведение которого было намечено на середину августа. Возникшие альтернативные подходы к

перспективам революции делали поиски компромисса делом непростым. Эсеро-меньшевистская газета «Известия» незадолго перед Московским совещанием предсказывала ожесточенную борьбу на нем. Сравнивая Совещание демократических организаций по обороне и Торгово-промышленный съезд, автор статьи в «Известиях» назвал их двумя полюсами русской общественности. Соотношение между сторонниками каждого из них на Московском государственном совещании и должно было, по его мнению, определить дальнейший ход политической жизни в стране.

Государственное совещание работало с 12 по 16 августа. Многие силы надеялись, что на нем удастся сформировать более успешную государственную власть или хотя бы суррогат парламента, на авторитет которого сможет опираться правительство. Совещание проводилось под аккомпанемент сильной патриотической риторики, звучали слова об особом «московском духе», «московских настроениях», державная Москва противопоставлялась прогнившему и «покрасневшему» Петрограду. Однако призывы к «национальному единению» оказались бессильны перед нараставшей революционностью масс. Если до проведения в Москве Государственного совещания по радикализму революционных масс впереди шел Петроград, то с августа на роль локомотива революционных преобразований все активнее начинает претендовать Москва. Рабочие Москвы встретили проведение Государственного совещания враждебно. В день его открытия бастовали не только большинство предприятий города, но даже официанты в ресторанах, где должны были питаться делегаты совещания, даже водители трамваев, так что делегаты не могли воспользоваться предоставленным им правом бесплатного проезда. Тем самым настроения трудовой Москвы не позволили осуществиться надеждам на правый переворот уже в дни работы Государственного совещания.

Давление улицы ощущалось и в ходе прений на самом государственном совещании, что никоим образом не располагало стороны к поиску компромисса и взвешенных решений. Хотя в ходе совещания и делались попытки объединения, его результатом стало еще большее взаимное недоверие между правым и левым крыльями правящей коалиции. Социалисты и часть интеллигенции поддержали озвученную Чхеидзе на заседании Московского государственного совещания 14 августа демократическую декларацию. Влиятельные круги буржуазии, кадеты, военные, напротив, сделали свой выбор в пользу военной диктатуры. Установление военного режима

связывалось в правых кругах с фигурами премьера А. Ф. Керенского и главковерха генерала Л. Г. Корнилова. С начала августа к столице начинают стягиваться верные Корнилову войска. Очевидно, чтобы скрыть настоящую причину переброски к ней крупных соединений, 21 августа немцам была сдана Рига. В самом Петрограде активизировалась деятельность правых и офицерских союзов. Предполагалось, что 27 августа, в день празднования полугодового юбилея революции, в Петрограде будут спровоцированы выступления большевиков, подобные июльским, что и станет предлогом установления «твердой» власти.

Первоначально между Керенским и Корниловым серьезных трений не отмечалось. Керенский в целом поддерживал проведение таких мероприятий, как восстановление на фронте смертной казни, ограничение прав Советов и солдатских комитетов, милитаризация труда на транспорте и в промышленности. Однако в дальнейшем акцент в деятельности определенной части заговорщиков сместился в пользу Корнилова. Его советниками разрабатывались планы изменения государственного устройства страны. Во главе государства предполагалось поставить Совет народной обороны во главе с самим Корниловым, в который бы также вошли генерал М. В. Алексеев, адмирал А. В. Колчак, Б. В. Савинков, М. М. Филоненко. Керенскому отводилась роль заместителя председателя Совета. При Совете должно быть создано новое правительство на самой широкой общественной основе: от бывшего царского министра Н. Н. Покровского до Г. В. Плеханова. Возможно, Корнилов и не вынашивал планов установления своей единоличной власти. Однако посредничавший между ним и Керенским В. Н. Львов изложил последнему требования Корнилова так, что Керенский отказался от всяких дальнейших переговоров и отправил в Ставку телеграмму, требовавшую от Корнилова немедленно сдать должность главковерха и прибыть в Петроград. Миссия Львова до сих пор вызывает полярные оценки историков, возможно, именно благодаря его провокационным действиям и случился раскол в стане правых.

Получив предписания Керенского, Корнилов считал себя преданным и не подчинился. Утром 28 он обнародовал воззвание. В нем он обвинил Временное правительство в сговоре с Советами и пособничестве немцам. Корнилов взывал к чувствам патриотизма, заявлял, что не ищет власти лично для себя, обещал довести страну до Учредительного собрания. Сразу же после этого он был обвинен Керенским в государственной измене и антиправительственном мятеже. Корнилов

рассчитывал на широкую поддержку своей патриотической позиции, по крайней мере, в армии. Он просчитался. Даже в армии у него нашлось множество влиятельных противников. Армейские комитеты ряда фронтов отдали приказы об аресте поддерживавших Корнилова генералов, а командующий Московским военным округом А. И. Верховский сформировал экспедиционный корпус для похода на Могилев, где пребывал сам Корнилов. Однако главной силой, отразившей переворот, становятся социалисты. На время мятежа они смогли объединить свои усилия в созданном 28 августа Комитете народной борьбы с контрреволюцией, в который вошли представители и правых социалистов, и большевиков. Широкий демократический фронт парализовал действия противников Временного правительства. Продвижение мятежных войск к Петрограду было приостановлено. Уже 2 сентября Корнилов был арестован.

Поражение военного мятежа внешне резко ослабило правых. Россия 1 сентября была провозглашена республикой, из армии и органов власти вычищали сторонников мятежа, многие меньшевики и эсеры открыто выражали сомнения в целесообразности продолжать политику коалиции с кадетами, «запятнавшими» себя поддержкой корниловцев. В этих условиях большевики выразили готовность пойти на компромисс для создания однородного социалистического правительства. Ленин полагал, что соглашение возможно на следующих принципах: правые социалисты отказываются от союза с кадетами и берут власть в свои руки. В этом случае большевики отказывались бы от борьбы с правыми социалистами внутри Советов и дальнейшее развитие революции могло бы идти на почве советской легальности. Со стороны большевиков, давно добивавшихся контроля над Советами, это была серьезная уступка. Однако меньшевики и эсеры оказались не готовы к таким кардинальным переменам. Видя усиление большевистского влияния в Советах и не веря в их искренность, правые социалисты сделали ставку на укрепление левоцентристской альтернативы в революции, связанной с Совещанием демократических организаций по обороне 7–9 августа и Демократической декларацией 14 августа, оглашенной Чхеидзе на Московском совещании.

В планах умеренных социалистов было создание демократического подобия парламента. Новый орган должен был объединить весь спектр социалистических и демократических организаций. С целью реализации задуманного было решено провести совещание, которое представляло бы левую часть

прошедшего недавно в Москве Государственного совещания. Новое Демократическое совещание должно было стать противовесом как правому радикализму, так и быстро большевизировавшимся Советам. Кроме того, оно должно было поддержать своим авторитетом Временное правительство. Демократическое совещание проходило в Петрограде 14–22 сентября. В ходе его работы умеренные социалисты не смогли реализовать все намечаемые ими планы. Раскол, существовавший в рядах революционной демократии, углубился еще больше. Оппозиционно к линии на коалицию с буржуазией теперь выступили не только большевики, но и многие деятели меньшевистской и эсеровской ориентации.

Ключевым моментом Демократического совещания становится голосование 19 сентября по резолюции о формировании революционной власти. За первоначальный текст резолюции, в котором говорилось о возможности коалиции с цензовыми элементами, проголосовали 766 депутатов, против – 688. Но затем состоялось голосование по поправкам к резолюции. Первая предусматривала исключение из коалиции тех членов кадетской и других партий, которые уличались в причастности к корниловскому заговору. Вторая поправка настаивала на исключении из коалиции кадетской партии в целом. Обе поправки прошли. Когда же резолюция с внесенными в нее поправками была вынесена на окончательное утверждение, то в таком виде за нее проголосовали всего 183 человека, тогда как 813 – против. На этот раз поддержать резолюцию отказались как противники, так и сторонники коалиции с кадетами. Тем самым Демократическое совещание зашло в тупик. Не оправдались надежды и на созданный в ходе его работы Временный совет Российской республики – Предпарламент. С самого начала он не пользовался достаточным авторитетом и не смог даже в малой степени повлиять на расклад политических сил в стране. По существу, он обладал лишь законосовещательными функциями и не имел права контроля над Временным правительством. В этой связи видный кадет В. Д. Набоков сравнивал его с булыгинской Думой.

Постоянное соперничество между правыми и левыми после июльских событий свидетельствовало о крушении февральско-мартовской либеральной государственности. Сложившееся неустойчивое равновесие сил стало питательной средой для возникновения в стране бонапартистского режима, существовавшего в форме единоличной диктатуры А. Ф. Керенского. Сущностью бонапартистского режима Керенского стало его постоянное лавирование между правыми и левыми элементами

ми правящей коалиции при постоянном дрейфе вправо. Первоначально претензии Керенского на единоличную власть сдерживались ВЦИК Советов и другими демократическими институтами. Ситуация резко меняется после разгрома корниловского мятежа. Фактически Керенский установил такой же режим личной диктатуры, о котором помышлял и Корнилов. Воплощением произошедших перемен стал новый орган власти с необычным для России названием «Директория». Кроме возглавившего Директорию А. Ф. Керенского, в нее вошли генерал А. И. Верховский, адмирал Д. Н. Вердеревский, М. И. Терещенко и А. М. Никитин. Директория заявила, что не намерена подчиняться ни Советам, ни кому бы то ни было и концентрирует всю полноту власти в своих руках.

После создания Директории, как подчеркивает историк Г. А. Герасименко, Керенский распоряжался властью бесконтрольно. Без всяких консультаций, фактически единолично, он издавал указы и распоряжения, запрещал и ограничивал деятельность политических партий, закрывал газеты и журналы, решал вопросы обороны, раздавал важные должности своим приближенным. По словам А. Бубнова, вокруг Керенского всегда вертелись какие-то растрепанные типы обоих полов, ждавшие от него чуда. Начинается складываться культ личности Керенского. Его преподносят публике как отца русской демократии, единственного спасителя Отечества. Другой современник, А. Демьянов, утверждал, что быстрый взлет на вершину власти вскружил Керенскому голову, он мало вникал в суть сложных вопросов, а вся его шумная деятельность лишь имитировала работу по укреплению государства. Ситуация не изменилась и после создания 26 сентября четвертого состава Временного правительства. Керенский заявил, что входящие в его состав министры будут неподотчетны ни руководству своих партий, ни Советам, ни Предпарламенту.

По мере усиления в сентябре–октябре экономического, социального и политического кризиса Керенский все чаще прибегает к силовым методам его преодоления. В стране устанавливается режим так называемой демократической диктатуры, своим острием нацеленной как против монархической реставрации, так и против радикализма масс. По схожему сценарию власти действовали и на местах. Большинство телеграмм от комиссаров Временного правительства, приходивших в военное ведомство, содержали призывы выделить как можно больше и как можно быстрее солдат и казаков. Со второй половины октября военным чинам все чаще приходилось подобные просьбы отклонять, поскольку все резервы оказались ис-

черпаны. С этого момента начинается окончательный распад власти. В конечном итоге бонапартистский режим Керенского выказал свою незрелость. В этом проявилась его особенность, которая заключалась в том, что обычно бонапартизм складывается на этапе нисходящего развития революции, а в России бонапартистский режим установился тогда, когда к решению своих основных задач революция еще даже не приступала. В этом коренилась слабость режима российского бонапартизма. В последние недели своего существования он уже не справлялся с резким полевением масс, их большевизацией, а также со стоящими перед страной проблемами: как в тылу, так и на фронте.

Вопросы для самостоятельной работы по теме лекции

В чем, на ваш взгляд, заключались основные особенности развития революционного процесса в России в 1917 г.?

Проанализируйте характер российской многопартийности в период российской революции 1917 г.

Какие альтернативные пути развития революции 1917 г. вы можете выделить? Под какими из них была реальная социальная база?

Краткая библиография

Источники

1. *Войтинский В.* 1917-й. Год побед и поражений. – М., 1999.

2. *Деникин. А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. – М., 1991.

3. *Деникин. А. И.* Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. – М., 1991.

4. Из истории борьбы за власть в 1917 году: Сб. документов. – М., 2002.

5. *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. – М., 1993.

6. *Милюков П. Н.* История второй русской революции. – М., 2001.

7. *Паттен Ф.* Ленин: из эмиграции в Россию. – М., 1990.

8. Петербургский комитет РСДРП(б) В 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. – СПб., 2003.

9. *Попова С. С.* Между двумя революциями. Документальное опровержение одной новомодной антисоветской фальшивки. – М., 2010.

10. Февральская революция 1917 года: Сб. документов и материалов. – М., 1996.

Исследования

1. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1997.

2. *Басманов М. И., Герасименко Г. А., Гусев К. В.* Александр Федорович Керенский. – Саратов, 1996.

3. *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. – М., 1993.

4. *Герасименко Г. А.* Народ и власть (1917 год). – М., 1995.

5. *Иоффе Г. З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. – М., 1995.

6. *Канищев В. В.* Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. – Тамбов, 1995.

7. *Кирьянов Ю. И.* Социально-политический протест рабочих России в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). – М., 2005.

8. *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. – СПб., 2001.

9. *Лавров В. М.* «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). – М., 1996.

10. *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004.

11. *Рейли Д. Дж.* Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. – Саратов, 1995.

12. *Тютюкин С. В.* Меньшевизм: страницы истории. – М., 2002.

Лекция 2.

ОКТАБРЬ: ВЕЛИЧАЙШЕЕ СОБЫТИЕ ИЛИ КАТАСТРОФА?

Приход к управлению государством большевиков

Великие события порождают большие споры. Не утихают они и вокруг Октября. Но ни у его критиков, ни у сторонников не вызывает сомнений глубинный характер начатых им перемен. Столь редкое единодушие заставляет задуматься. Видимо, осенью 1917 г. произошло нечто такое, что выделяет эти события из общего хода отечественного и мирового развития. Человечество за свою историю пережило не одну революцию. Но только две из них именуются великими – это Великая французская революция 1789–1799 гг. и Великая российская революция 1917 г. Обе эти революции являлись не просто политическими, а социальными. В чем же отличие социальной революции от политической? Социальная революция означает не просто смену власти, а выход на арену истории новых общественных сил. Перемены происходят во всех сферах жизни страны: идеологии, экономике, политике, даже быту. В последние годы в научной литературе и публицистике к определению Октября как социальной революции добавилось определение его как своеобразного «цивилизационного надлома», когда менялась парадигма всего развития нации: Россия отвергала заданный Петром I путь вхождения в западную цивилизацию и возвращалась к своим истокам, самобытному историческому развитию. При этом сам приход к власти большевиков некоторые авторы называют то мятежом, то переворотом, то Великой Октябрьской революцией. Очевидно, что в исторической перспективе спор вокруг событий собственно 25–26 октября 1917 г. лишен какой-либо принципиальной основы. Сами большевики не смущались называть произошедшее переворотом, и в то же время, когда В. И. Ленин произнес свои знаменитые слова о том, что социалистическая революция, о которой так много говорили большевики, свершилась, и друзья и противники осознали, что в истории России действительно наступила новая эпоха.

В предоктябрьский период на ситуацию в России сильное влияние оказывала международная обстановка. Шедшая с переменным успехом империалистическая война истощала силы государства. Союзники требовали от России активизации ее военных усилий, угрожая в противном случае органи-

зацией военной экспедиции на север страны. Помимо этого усугублялась финансовая зависимость от стран-кредиторов. Все это делало реальной угрозой национальной самостоятельности России. Эта угроза многократно усиливалась необратимым процессом распада старой имперской системы. Революционные движения на окраинах государства постепенно подпадали под влияние зарубежных государств и местных сепаратистов. Так происходили в Финляндии, на Украине, в некоторых мусульманских районах, на Кавказе. Сепаратизм ощущался даже в сугубо великорусских районах: на Урале, Дону, в Сибири.

Серьезные проблемы обострялись также и в центральных районах России. Массовые крестьянские выступления охватили не менее 90% великорусских губерний в европейской части страны. Временное правительство Керенского не стеснялось посылать против них армейские отряды, но еще до Октября черный передел земли становится необратимым. Борьба разворачивалась уже не только за помещичьи земли, но и за земли крестьян, выделившихся по столыпинской реформе. Нарастало брожение в городах. Колоссальные военные расходы, поглощавшие более 3/4 национального богатства, усиливали паралич всей экономики. Ответом становились массовые протестные выступления рабочих: к октябрю число бастовавших превысило 2 млн человек. Катастрофическим положением было в армии. Шел процесс массового дезертирства. Особенно усилилось разложение армии после сдачи Риги и разгрома офицерства в результате корниловского мятежа.

Политическим выражением существенного полевения масс становится процесс большевизации, начавшийся еще со второй половины августа. Расчетливо маневрируя, большевики сумели взять контроль над большинством Советов рабочих и солдатских депутатов. В Петрограде большевистская резолюция была принята 31 августа, в Москве – 5 сентября, в Киеве и Гельсингфорсе – 8 сентября. Всего в те дни более 250 Советов высказались за большевистский лозунг «Вся власть Советам!». В изменившейся обстановке Ленин вновь возвращается к этому лозунгу. Убедившись в нежелании правых социалистов пойти на широкомасштабное сотрудничество, Ленин делает ставку на силовое решение вопроса о власти. Впервые планы вооруженного восстания разрабатываются Лениным в письмах середины сентября. Основной тезис этих планов – необходимость постоянного наступления на правительство. Оборона и промедление есть смерть для вооруженного восстания.

Большевистская верхушка оказалась не готова к радикализму своего вождя. Принимается решение сжечь ленинские письма с требованиями приступить к подготовке восстания, утаить их содержание. Лишь И. В. Сталин предложил письма не сжигать, а разослать их в наиболее крупные партийные организации с тем, чтобы организовать широкий партийный плебисцит, услышать мнение партийных масс, но поддержки у большинства членов ЦК он не нашел. Впрочем, предопределить результаты обсуждения ленинских писем на местах было несложно – рядовые партийцы часто были настроены более по-боевому, чем верхи партии. Но постепенно и ЦК РСДРП(б) начинает ощутимо сдвигаться влево, ужесточает свою позицию по отношению к Временному правительству и соглашательским партиям. Первоначально пойдя на уступки умеренным социалистам и поддержав работу Демократического совещания, большевики впоследствии демонстративно покидают Предпарламент. Практическим центром подготовки восстания становятся Петросовет и действующий при нем Военно-революционный комитет, созданный на базе Комитета народной борьбы с контрреволюцией времен корниловщины.

Взятие власти было приурочено ко II Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов. Специальным решением I съезда Советов очередной съезд был назначен еще на сентябрь. Но руководившие ЦИК первого состава меньшевики и правые эсеры не торопились выполнять решение первого съезда. Созывая в сентябре Демократическое совещание, они рассчитывали подменить им проведение II съезда Советов. За подготовку съезда взялись большевики. Они располагали всеми возможностями для того, чтобы созвать съезд по инициативе низовых организаций, в обход ЦИК. Чтобы перехватить инициативу у внутрисоветской оппозиции, меньшевистско-эсеровский ЦИК Советов 23 сентября принял наконец решение о созыве съезда, назначив дату его проведения на 20 октября. Однако и большевики не желали уступать. Буквально на следующий день после решения ЦИК ЦК РСДРП(б) провел совещание с местными партийными работниками. На нем было постановлено активизировать компартию по проведению региональных съездов. Директива ЦК была успешно реализована: с конца сентября по всей стране состоялись областные, губернские и другие местные съезды, поддержавшие созыв второго съезда и переход власти в руки Советов. И хотя ЦИК старого созыва 17 октября вновь перенес открытие съезда, на этот раз отсрочка была небольшой и име-

ла чисто технический характер – к 20 октября не удавалось собрать необходимый кворум. Открытие съезда было назначено на 25 октября 1917 г.

Окончательное решение о вооруженном восстании большевистским ЦК принимается на его заседании 10 октября 1917 г. Вскоре, 16 октября, на расширенном заседании ЦК РСДРП(б) был создан партийный центр по руководству восстанием, выполнявший роль своеобразного коллективного комиссара при Петроградском военно-революционном комитете (ВРК). Однако на заключительном этапе подготовки переворота среди верхушки большевиков вновь возникли разногласия. Наиболее категорически разошлись с позицией Ленина Каменев и Зиновьев. В газете М. Горького «Новая жизнь» 18 октября ими было опубликовано важное заявление. Формально в нем опровергались слухи о подготовке большевиками восстания. Но фактически опровержение давалось в такой форме, что ни у кого никаких иллюзий в подлинном смысле заявления не оставалось. Одновременно Каменев и Зиновьев распространили письмо партийным организациям, где разъясняли опасность планов восстания. Они предлагали дожидаться Учредительного собрания. В нем, полагали Каменев и Зиновьев, большевики получат не менее четверти, а то и треть мест, что позволит им стать влиятельной парламентской оппозицией. Поведение своих соратников Ленин воспринял как предательство. Он поставил вопрос перед ЦК об исключении из партии Зиновьева и Каменева. Но Сталин и другие члены ЦК не поддержали Ленина. Зиновьев и Каменев сохранили свои посты в руководстве партии. Неизменным остался и курс на вооруженный захват власти.

Помимо Каменева и Зиновьева, особую позицию занял Троцкий. Он предлагал отложить начало восстания до принятия II съездом Советов решения о переходе власти в руки Советов. Свое мнение Троцкий обосновывал тем, что свержение Временного правительства, санкционированное съездом Советов, будет иметь большую законность и поддержку в обществе. Ленин, наоборот, настаивал, что восстание должно произойти до съезда. По его мысли, съезд необходимо было поставить перед свершившимся фактом, чтобы не позволить правым социалистам затянуть его работу, а правительству – перебросить в город верные ему воинские части. Очевидно, в разногласиях между Лениным и Троцким имелся элемент и личного соперничества. Троцкий в тот момент возглавлял Петросовет, непосредственно руководил подготовкой и ходом восстания. Если бы власть к Советам перешла от имени съез-

да, он становился естественным претендентом номер один на пост главы правительства. Но если бы революционная власть формировалась от имени партии, возглавившей революцию, то во главе правительства должен был оказаться вождь этой партии. Возможно, этим хотя бы отчасти и объясняется неожиданное для соратников появление Ленина в Смольном накануне восстания.

Планомерная и тщательная подготовка большевиками захвата власти позволила им создать в столице решающий перевес сил. Хотя у многих большевиков не было полной уверенности в победе, когда наступил решающий момент, Временное правительство оказалось гораздо более беспомощным, чем оппозиция. В этом смысле говорить о вооруженном восстании в Петрограде 25–26 октября можно с известной долей условности. В ответ на опрометчивую попытку Керенского силами юнкеров и женского ударного батальона нанести 24 октября превентивный удар по большевикам революционные части гарнизона и отряды Красной гвардии начинают последовательно занимать вокзалы, телеграф, телефон, мосты, а в ночь на 26 октября – Зимний дворец, где работало Временное правительство.

В те же самые часы, когда на улице уже разворачивалось вооруженное восстание, начинает свою работу II Всероссийский съезд Советов. Большинство его делегатов были большевиками и левыми эсерами. Съезд подавляющим большинством голосом поддержал решение о переходе власти к Советам. Протестуя против узурпации власти, съезд покинули некоторые представители меньшевиков, эсеров, бундовцев. В связи с уходом части делегатов съезда в исторической литературе сегодня ставится вопрос о полномочности его решений. Встречается мнение, что после этого работа съезда стала пустой формальностью. Однако, как показывают новейшие исследования, съезд покинуло не более 10% делегатов, что делает вопрос о кворуме неправомерным. На съезде остались многие рядовые члены партий, чьи руководители призвали бойкотировать съезд, вернулись на него и многие из ушедших. Меншевитский историк Н. Н. Суханов, также покинувший съезд, позже называл этот поступок ошибкой, отлучившей умеренных социалистов от реальных рычагов власти.

На II съезде Советов было принято несколько принципиальных декретов: о земле, о мире, о советском рабоче-крестьянском правительстве – Совете Народных Комиссаров (СНК, Совнарком). В состав Советского правительства вошли такие видные деятели большевистской партии, как А. И. Ры-

ков, В. А. Антонов-Овсеенко, Н. В. Крыленко, П. Е. Дыбенко, В. П. Ногин, Л. Д. Троцкий, В. П. Милютин, И. В. Сталин. Возглавил СНК В. И. Ленин. С декретов, принятых II Всероссийским съездом Советов, и начинается становление Советского государства. Некоторые историки, правда, относят момент его возникновения на более раннее время. Так, иногда первым актом Советской власти называют ленинское обращение, опубликованное 25 октября от имени ВРК либо резолюцию Петросовета, принятую в середине того же дня. Однако, как показывает историк-правовед О. И. Чистяков, это неверно как с фактической, так и с юридической точки зрения. Во-первых, ни утром, ни днем 25 октября власть полностью еще не перешла в руки восставших: в Зимнем дворце продолжало заседать Временное правительство. Во-вторых, ни Петроградский совет, ни его Военно-революционный комитет не обладали компетенцией принимать общегосударственные законы. Такую роль мог взять на себя и в действительности реализовал ее на практике только II Всероссийский съезд Советов.

Вместе с тем успех большевиков в Петрограде еще не означал их окончательной победы. Большое значение для закрепления результатов революции имели события в Москве. В ней бои за власть приняли затяжной и ожесточенный характер. В отличие от Петрограда, где в партийных верхах преобладала решительные сторонники Ленина, в Москве большинство партийных функционеров высказывались против вооруженного восстания. В свою очередь, антибольшевистские силы в Москве были более организованны и сплоченны. Поэтому, когда 25 октября 1917 г. в Москве стало известно о происшедших в столице событиях, расклад сил между сторонниками и противниками революции в ней оказался совсем иным, нежели в Петрограде. Поставленные перед фактом победы вооруженного восстания в столице, московские большевики вынуждены были также перейти к активным действиям. Но их шаги первоначально отличались некоторой нерешительностью и половинчатостью. Днем 25 октября создается партийный центр по руководству восстанием, наделенный диктаторскими полномочиями. Вечером того же дня создается Московский ВРК. Однако, в отличие от Петроградского, в который входили только безусловные сторонники решительный действий, в МКРК кроме большевиков вошли также меньшевики. Это привело к тому, что на некоторое время ВРК превратился в трибуну жарких межпартийных дискуссий. Стремясь избежать кровопролития, ВРК пошел на переговоры с командующим Московским военным округом полковником К. И. Ряб-

цевым. Необходимое для решительных действий время было упущено. Рябцеву удалось перехватить инициативу и начать боевые действия. Для руководства борьбой с большевиками в Москве 25 октября городской думой создается Комитет общественной организации во главе с городским головой эсером В. В. Рудневым.

Противоборство разворачивалось с переменным успехом. В руках большевиков находился Кремль и рабочие окраины, в руках их противников – центральные районы города. Утром 28 октября положение восставших резко ухудшилось после того, как Рябцеву обманом удалось принудить гарнизон Кремля к сдаче. Ворвавшиеся после этого в Кремль юнкера учинили массовую расправу над солдатами Кремлевского гарнизона, поддержавшими восстание. Только после этой кровавой расправы над гарнизоном Кремля МВРК наконец перешел к решительным действиям. Прежде всего им была объявлена всеобщая политическая стачка московского пролетариата. Кроме того, в срочном порядке было созвано общее собрание воинских частей гарнизона. На нем было заявлено о полной поддержке МВРК. Предпринятые меры позволили переломить ситуацию, и 29 октября обстановка уже складывалась в пользу восставших. Ими были заняты Тверская улица, Малый театр, здание градоначальства на Тверском бульваре. В окружении оказались Александровское военное училище и кадетские корпуса в Лефортово. Оказавшись в безвыходном положении, 30 октября их защитники были вынуждены сложить оружие. Однако дальнейшее наступление революционных войск было приостановлено, поскольку МВРК вновь согласился на переговоры – на этот раз с Московским губернским Советом крестьянских депутатов. Впрочем, переломить ситуацию переговоры не смогли и боевые действия возобновились с новой силой. В Москву на помощь московским большевикам начинают прибывать отряды революционных матросов из Петрограда и отряды Красной гвардии из Иваново-Вознесенска, Шуи и других городов. В результате успешных действий большевикам удалось занять центр города, окружить Кремль. Бессмысленность дальнейшего сопротивления вынудила сторонников Временного правительства заявить о своей полной капитуляции. Вечером 2 ноября МВРК издал декрет, в котором извещалось, что враг сдался и в Москве устанавливается Советская власть. События в Москве с 25 октября по 2 ноября 1917 г. в исторической литературе иногда называют «кровавой неделей», и это неслучайно – если в Петрограде в ходе октябрьского вооруженного восстания погибли с обеих

сторон было менее 10 человек, то в Москве число жертв только со стороны восставших превысило 1000.

В целом же установление власти Советов шло по стране достаточно безболезненно. Из 84 губернских и других крупных городов только в 15 она утверждалась вооруженным путем. Показательны в этом отношении события в Иваново-Вознесенске, Ижевске, Сормове. В этих городах победа Советов выросла на прочной базе разветвленных пролетарских организаций. Нередко в таких рабочих центрах реальная власть к Советам переходила раньше, чем произошло ее официальное утверждение на II съезде Советов. Во многих районах России у власти первоначально оказывались не большевистские Советы, а широкие демократические коалиции. Историк Э. М. Щагин пишет о трех типах подобных коалиций. К первой группе он относит союзы, заключенные большевиками с теми органами местной власти, в которых преобладало влияние левых радикалов. Подобные блоки существовали в Курске, Рязани, Пермской губернии. Второй тип коалиции, значительно более распространенный, означал соглашение между левыми и правыми социалистами. На такой основе власть строилась в Астрахани, Ростове-на-Дону, Томской губернии. Наконец, в Смоленске, Иркутске, Москве и некоторых других городах существовали коалиции третьего типа, возникавшие как средство быстрого прекращения боевых действий там, где становление новой государственности сопровождалось вооруженным противоборством сторон. Судьба коалиционных органов власти на местах складывалась в дальнейшем по-разному. По своей сути коалиционные формы организации местного управления обладали большим демократическим потенциалом, но нередко достигнутый компромисс оказывался временным и конфликтовавшие стороны вновь расходились по разные стороны баррикад. В начале 1918 г. большевики упразднили земства, городские думы и окончательно отказались от тактики коалиционных органов власти.

В некоторых частях страны установление Советской власти сопровождалось вооруженными выступлениями ее противников. Наиболее сильные антисоветские восстания вспыхивали в казачьих районах. Но все они были быстро нейтрализованы. Гражданская война на этом этапе была малокровной и окончилась к марту 1918 г. установлением Советской власти фактически на всей территории России. Такой исход борьбы позволил Ленину называть период с октября 1917 г. по март 1918 г. триумфальным шествием Советской власти. Долгое время это определение не критически воспринималось как

сторонниками, так и противниками нового режима. Сегодня же очевиден тот факт, что победа Советов сама по себе еще не означала победы большевистского режима. Практически до весны 1918 г. СНК и ВЦИК слабо контролировали территорию вне Петрограда и ряда крупных городов: продолжался начатый еще в феврале 1917 г. распад страны на «революционные республики», размеры которых порой ограничивались территорией одной волости. Лишь заключение Брестского мира знаменовало собой тот рубеж, когда Ленин и возглавляемая им партия переключаются с вопросов мировой революции на воссоздание основ российской государственности.

Метаморфозы курса на мировую революцию

После прихода к власти большевиков на ситуацию в Россию по-прежнему влияла мировая война. Именно ее продолжение стало одной из важнейших причин, по которым большевики смогли победить внутри страны, а затем успешно маневрировать между двумя враждующими группировками империалистических государств. В свою очередь, произошедшее в России также повлияло на положение в мире. Во многих странах ширилась революционная борьба под лозунгом «Сделаем так, как в России!». Казалось, мировая революция, о которой мечтали не только большевики, но даже умеренные социалисты, вполне осуществима. В самой большевистской партии на позициях мировой революции стояли большинство ее лидеров. В решениях VI съезда партии она начала трансформироваться в доктрину революционной войны. Только И. В. Сталин высказал тогда сомнения в ее возможности и позитивной роли для России. Он уверял, что в России база для социалистической революции шире, чем в Западной Европе, поскольку в нашей стране союзником рабочего класса могла стать многомиллионная крестьянская масса. Тем не менее революционная война все основательнее укоренялась в партийном сознании, хотя явно не состыковывалась с большевистскими обещаниями мира. Глубину возникшего противоречия большевикам пришлось почувствовать сразу же после прихода их к власти.

Уже на II Всероссийском съезде Советов по предложению Ленина был принят Декрет о мире. В нем большевики, фактически через головы правительств других стран, обращались к народам мира с призывом заключить справедливый мир. Заканчивался декрет прозрачно закамуфлированным требованием к рабочим Германии, Франции и Англии подняться на защиту своих прав и всеобщего мира. Однако рабочие этих

государств не поспешили откликнуться на призыв российских революционеров и теперь Советское правительство вынуждено было действовать согласно общепринятому дипломатическому этикету, так как реальных сил начать революционную войну у него не было.

7 ноября 1917 г. нарком по иностранным делам Л. Д. Троцкий обратился по радиотелеграфу к воюющим странам с предложением заключить мир. Главнокомандующему русской армией генералу Н. Н. Духонину было приказано выступить с аналогичными мирными предложениями. Духонин отказался, после чего принимается решение о его замещении большевиком Н. В. Крыленко. При аресте Духонин был зверски убит солдатами, заподозрившими его в стремлении продолжить войну и симпатиях к контрреволюции. После замены армейской верхушки руки у большевиков оказались развязаны, и 9 ноября между Германией и Россией подписывается долгожданное соглашение о приостановке военных действий на всем фронте, а 2 декабря – соглашение о перемирии. Однако уже 5 января делегация Германии потребовала подписать мир на очень тяжелых для России условиях. Ситуация осложнялась тем, что правительство независимой Украины выразило готовность подписать мирный договор в обход российской делегации.

В этих условиях Н. И. Бухарин и руководимые им «левые коммунисты» потребовали вспомнить о доктрине «революционной войны». Ленин, наоборот, настаивал на подписании сепаратного мира. Он был поддержан Сталиным и Зиновьевым. Третью позицию занял Троцкий. Он считал, что нужно прекратить войну, демобилизовать армию, но мира не подписывать. Троцкий, как и Ленин, считал, что Россия воевать не в силах, но что мир можно заключать лишь под прямым военным давлением, чтобы не потерять лицо перед рабочими других стран. Эта точка зрения в той или иной мере удовлетворяла многих, и Троцкий возглавил правительственную делегацию на переговорах в Бресте. Когда немцы предъявили ультиматум, он заявил, что переговоры прекращаются, а мир не подписывается. После короткого замешательства в стане германского руководства в нем побеждают сторонники жесткой линии по отношению к России. Немецкие войска переходят в широкое наступление. Видя неспособность имевшейся в тот момент у России армии противостоять нашествию, Советское правительство 3 марта 1918 г. наконец подписало мир с Германией, который все тогда называли не иначе, как «похабный» и «унизительный». Потери России составили 780 тыс. кв.

км, 66 млн населения, до 40% промышленного потенциала, около трети продовольственных ресурсов.

Вопрос о войне и отношении к миру вновь раскололи российское общественное мнение. Политические партии, находящиеся в оппозиции к большевикам, резко критиковали их курс. Если кадеты и другие буржуазные партии были запрещены и не имели возможности вести официальную пропаганду, то меньшевики и эсеры открыто протестовали против заключения мира. В партийных документах они призывали к революционной войне, верности союзникам, борьбе за независимость страны против германо-большевизма. Они доказывали, что Брестский мир нанесит непоправимый ущерб революции и рабочему классу России, подрывает пролетарский интернационализм. Борьба с Брестским миром становится одним из главных лозунгов движения рабочих уполномоченных, в руководстве которого преобладало влияние меньшевиков, правых эсеров, бундовцев, плехановского «Единства». На севере России, где умеренные социалисты контролировали Советы, меньшевики и эсеры готовы были согласиться на интервенцию союзников, чтобы только не допустить выхода России из войны с Германией. Левые эсеры, входившие в правительственную коалицию с большевиками, первоначально не выработали единой позиции по вопросу о мире. Большинство руководящих работников партии склонялись к революционной войне, но М. А. Спиридонова и некоторые другие видные деятели партии выступали за мир. Однако впоследствии Спиридонова перешла на позиции противников мира. Отношение к Брестскому миру послужило важнейшей причиной разрыва союза между левыми эсерами и большевиками.

Следует сказать и еще об одном результате выхода России из мировой войны. Брестский мир, по сути, означал, что надежды на скорую мировую революцию откладываются на неопределенное время. Во внутренней политике брестский поворот означал превращение большевиков из «партии штурма и натиска» в партию порядка и государственности. Именно в этот период идет формирование основ национал-большевизма как разновидности новой государственной идеологии, отдающей приоритет интересам России над интересами мировой революции.

Три кризиса Советского правительства

В своем развитии Советское государство прошло несколько этапов. Его становление протекало в непростой внутренней и внешней обстановке. В первые месяцы своего сущест-

воования Советское правительство, так же как и Временное правительство, пережило три серьезных кризиса, заметно повлиявших на природу большевистского режима. Первый кризис Советского правительства разразился непосредственно после Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Он был связан с потребностью расширения социальной базы революции. Первый кризис совпал с общим осложнением ситуации в стране. Утром 26 октября отдает приказ о движении на Петроград бежавший в штаб Северного фронта Керенский. После срыва 31 октября переговоров между поддержавшим петроградских большевиков Московским ВРК и ориентирующимся вправо Московским губернским Советом крестьянских депутатов возобновилось кровопролитие в Москве. Наконец, в самом Петрограде уже в ночь на 26 из ушедших со съезда Советов депутатов, гласных городской думы и представителей некоторых других организаций по типу Комитета народной борьбы с контрреволюцией периода корниловского мятежа был создан Комитет спасения родины и революции. Первейшей его целью становится подготовка на 29 октября 1917 г. антибольшевистского выступления юнкеров.

Но наибольшую опасность для большевиков представляла их слабая связь с крестьянством, а также протесты против насильственных действий большевиков со стороны некоторых рабочих организаций. В октябре 1917 г. многие рабочие организации полагали, что справедливо решить стоявшие перед революцией задачи можно только при сотрудничестве между основными социалистическими партиями, входившими в состав Советов. Именно эти настроения рабочих и легли в основу лозунга об однородном социалистическом правительстве. С требованием создания левой коалиции выступили в те дни профсоюзы Казани, Самары, Нижнего Новгорода, Астрахани, Пензы и многих других городов страны. Во главе движения становится Викжель – профсоюз железнодорожников. Викжелевцы ультимативно предупредили, что в случае отказа политических партий от коалиции в ночь с 29 на 30 октября на железных дорогах будет начата всеобщая забастовка. Они предлагали всем социалистам немедленно прислать делегатов на совместное с ЦИК железнодорожников заседание. На нем предлагалось прийти к согласию по вопросу о власти. Даже полностью большевизированный Петроградский совет профсоюзов выступил за организацию однородной социалистической власти, ответственной перед Советами. Ситуация осложнялась тем, что на город начал движение экспедицион-

ный корпус, возглавляемый бывшим премьером А. Ф. Керенским и генералом П. В. Красновым. Корпус насчитывал до 5 тыс. казаков, на вооружении у которых имелось несколько орудий, пулеметы. Уже 27 октября 1917 г. пала Гатчина, в ночь на 28 октября – Царское Село. В самом Петрограде 29 октября Комитетом спасения родины и революции был поднят мятеж юнкеров.

Понимая, что суть возникшей проблемы в узости социальной базы режима, некоторые большевики для ее расширения предложили пойти на соглашение с правыми социалистами. Среди них оказались такие видные большевики, как Каменев и Зиновьев, еще в канун переворота выступавшие с умеренных позиций. В той или иной форме их поддержали А. И. Рыков, А. В. Луначарский, В. П. Миллютин. Заявил о своей солидарности с требованием социалистической коалиции и единственный в большевистском правительстве рабочий А. Г. Шляпников, занимавший в тот момент пост наркома труда. В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому удалось быстро нейтрализовать внутривластную фронду. В результате большевики отказались от поиска соглашения с правыми социалистами. Верные большевикам части подавили мятеж юнкеров. Закончилась провалом и авантюра Керенского. Вместе с тем Ленину все же пришлось пойти на некоторые уступки. И пусть они были не столь значительны, как на том настаивал Викжель, но главное его требование оказалось выполнено – в ноябре 1917 г. режим однопартийной диктатуры в России установлен не был, большевики согласились включить в правительство левых эсеров и представителя профсоюза железнодорожников.

Окончательно первый кризис Советского правительства завершился в первых числах декабря. Этому способствовала победа на Чрезвычайном крестьянском съезде и на II Всероссийском съезде крестьянских депутатов левых эсеров. Левые эсеры с самого начала заявляли о большой вероятности своего вхождения в Совнарком, но поначалу выразили желание выступать посредниками в переговорах между большевиками и правыми социалистами. После того как левые эсеры убедились в нежелании меньшевиков и правых эсеров идти на компромисс, их вожди окончательно решились на союз с большевиками. Был сформирован объединенный ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В СНК вошли А. Л. Коллегаев, И. З. Штейнберг, П. П. Прохьян, В. Е. Трутовский, В. А. Карелин, министр без портфеля В. А. Алгасов, а также Михайлов, который в течение месяца числился в пра-

вительстве в качестве одного из руководителей военного ведомства. Окончательно состав коалиционного кабинета был закреплён 19 января 1918 г., когда вместо сложившего свой мандат Михайлова в правительство ещё одним министром без портфеля вошёл А. И. Бриллиантов. Таким образом, как и первый кризис Временного правительства, первый кризис Советского правительства привёл к формированию коалиционного министерства. Теперь Октябрьская революция в институциональном плане обрела наконец свою классическую форму рабоче-крестьянского союза.

Выйдя из первого кризиса, новая государственность, тем не менее, ещё не определила свой окончательный характер. По-прежнему не были ликвидированы все параллельные органы власти. Проблема отразилась даже в названии Совнаркома: он считался временным революционным правительством, полномочным лишь до момента созыва Учредительного собрания. Факт известный, но недостаточно осмысленный в историографии. В стране вновь складывалась ситуация двоевластия: Советы или Учредительное собрание? Все противники Советской власти в те дни связывали свои надежды с поражением большевиков на Учредительном собрании.

Выборы в Учредительное собрание состоялись 12 ноября 1917 г. по спискам, составленным ещё при правительстве Керенского. В этих списках не были отражены новые реалии, в частности раскол среди эсеров и образование партии левых социалистов-революционеров, стоявших на платформе Советской власти. Сам день выборов антибольшевистская оппозиция попыталась использовать для проведения массовых акций протеста против узурпации власти Совнаркомом. Результаты прошедших выборов 12 ноября не могут быть оценены однозначно. С одной стороны, они показали явное предпочтение, которое граждане Российской республики отдавали партиям социалистической ориентации, собравшим в совокупности более 70% голосов, тогда как буржуазные партии набрали всего лишь 16,6% голосов. Но, с другой стороны, большевиков на выборах поддержали только 24% избирателей – в основном рабочие крупных индустриальных центров, солдаты прежней царской армии и крестьяне бедных хлебом потребляющих губерний. Главные соперники большевиков по социалистическому лагерю правые эсеры набрали 40,7% голосов, и ещё 2,7% принявших участие в выборах граждан отдали предпочтение меньшевикам. Большевики не рискнули аннулировать результаты выборов, хотя во многих местах они проходили с грубыми нарушениями закона и сопровождались

многочисленными фальсификациями. Многим казалось, что дни большевистского режима сочтены.

Но события приняли иной оборот. Вскоре после того, как становятся известны первые результаты голосования, 20 ноября 1917 г. СНК постановил взять Комиссию по созыву Учредительного собрания в свои руки. На следующий день, 21 ноября, В. И. Ленин внес во ВЦИК проект декрета, по которому население получило право отзыва депутатов, не оправдавших его доверия. С помощью этого декрета большевики предполагали изменить состав Учредительного собрания в свою пользу. 26 ноября был опубликован декрет, по которому намеченное на 28 ноября Учредительное собрание могло быть признано правомочным только в том случае, если соберется кворум в 400 депутатов. Оппозиция резко воспротивилась решению Совнаркома и попыталась перехватить инициативу. Кадеты на заседании своего ЦК приняли решение несмотря ни на что начать работу Учредительного собрания 28 ноября, а также организовать в этот день демонстрацию в его поддержку. Но массовой демонстрации 28 ноября оппозиции провести не удалось. Борьба за власть вступает в новую фазу. Отряды революционных матросов по приказу большевистского руководства разгоняют собранное кадетами совещание прибывших депутатов Учредительного собрания, а уже вечером 28 ноября принимается Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции, по которому кадеты провозглашались партией врагов народа. Закрываются некоторые оппозиционные газеты.

Однако стержень мер, предпринимаемых в тот момент большевиками, лежал все же в иной плоскости. 3 января 1918 г. ВЦИК принимает написанную В. И. Лениным Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В ней Россия окончательно провозглашалась советской республикой. По мысли Ленина, будущее Учредительного собрания зависело теперь только от того, поддержат или не поддержат большинство его делегатов передачу всей полноты власти в руки Советов. Параллельно с принятием декларации было объявлено о созыве всероссийских съездов: большевистского рабоче-солдатского и левозеревского крестьянского. Именно эти меры и оказались решающими для судьбы Учредительного собрания. После ожесточенной дискуссии на нем декларация 237 головами против 138 была отвергнута. Отказавшись ее утвердить, правая часть депутатов попала в ловушку. Большевики и левые эсеры обвинили их в контрреволюции.

Под бурные аплодисменты галерки большевики зачитали подготовленное Лениным заявление о том, что они не желают

прикрывать преступления врагов народа, и покинули Учредительное собрание. Через некоторое время за большевиками последовали и левые эсеры. После этого в 4 часа утра 6 января 1918 г. начальник охраны Таврического дворца анархист А. Г. Железняков попросил собравшихся разойтись, поскольку «караул устал». В тот же день в Петрограде и Москве состоялись вооруженные столкновения между сторонниками большевиков и учредилловцев (как прежде называли сторонников Учредительного собрания). Разошедшиеся по требованию «уставшей охраны» делегаты позже собраться вновь уже не смогли: на дверях их встретил замок. Позднее депутаты Учредительного собрания пытались собраться в Киеве. Но их опередили части Красной гвардии, освободившие столицу Украины от войск Рады.

Вместе с тем роспуск Учредительного собрания сам по себе еще не означал преодоления кризиса. Теперь противостояние переносилась внутрь открывавшихся съездов Советов. Большевики и правые эсеры начали подготовку к борьбе заранее. Они рассчитывали сплотить на съездах Советов мощные фракции и по возможности повернуть их работу в нужное для себя русло. Однако на этот раз выйти из кризиса Советскому правительству оказалось значительно проще, чем в ноябре 1917 г., поскольку за большевиками и левыми эсерами теперь шло подавляющее большинство делегатов. 10 января оба съезда объединили свою работу. Был избран единый ВЦИК Советов. Существенно изменился статус Совнаркома: отныне его определение как «временного» ушло в прошлое. Совнарком становится реальным правительством. Январские события означали окончательное решение вопроса о характере революции (некоторые современники даже говорили о произошедшем как о второй, «настоящей» социалистической революции, а Октябрьская революция объявлялась ими «неполной» и «полусоциалистической»).

После того как вопрос о власти был решен в пользу Советов, новые правительственные кризисы могли происходить уже исключительно внутри самого советского блока. Это подтвердилось третьим кризисом Советского правительства, вызванным расколом блока большевиков и левых эсеров из-за расхождений по вопросу о Брестском мире. По мнению некоторых исследователей, третий кризис Советского правительства как нельзя более наглядно показывает значимость для судеб Русской революции внешнего фактора. Поводом для начала кризиса стало подписание 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске мирного договора. Для его обсуждения 14 марта 1918 г. в Мос-

кве собрался IV съезд Советов. После того как большинством делегатов мирный договор с Германией был все же ратифицирован, левоэсеровская фракция заявила о выходе их партии из Совнаркома. Решение это далось левым эсерам не просто. Не менее трети фракции высказалось за заключение мира и против выхода из СНК. Даже много позже, на II съезде Партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов (ПЛСРИ) 17–25 апреля, такие их лидеры, как М. А. Спиридонова, Колегаев, Натансон и Трутовский, все еще выступали с примирительных позиций. Тем не менее уже 15 марта 1917 г. министры от ПЛСРИ покинули свои посты (аналогичный демарш был предпринят также некоторыми левыми коммунистами). Разразился очередной правительственный кризис.

Ленину и его сторонникам и на этот раз удалось преодолеть трения в собственной партии и заняться восстановлением устойчивой власти. Вместе с тем, в отличие от двух прежних, третий кризис Советского правительства оказался необычайно затяжным. Приобретая вялотекущий характер, он то обострялся, то подавал надежды на скорое его преодоление. Окончательно завершился он трагически, левоэсеровским мятежом: в Москве вновь слышалась артиллерийская канонада, гибли ни в чем не повинные люди. Начался мятеж с провокации – убийства 6 июля 1918 г. германского посла графа Мирбаха. До сих пор не утихают споры, кто же на самом деле стоял за этой акцией. Нет полной ясности и по вопросу, существовал ли в этот период какой-то блок между левыми эсерами и левыми большевиками. Остается бесспорным лишь то, что руководству большевиков вполне удалось использовать ошибку своих прежних союзников. После мятежа 6–7 июля ПЛСРИ как единая мощная партия фактически сходит с политической сцены. Тем самым третий кризис Советского правительства можно считать одной из важнейших вех на пути формирования в России однопартийной диктатуры.

Первые шаги Советской власти

После прихода к власти большевики столкнулись с необходимостью решения многочисленных проблем в экономике и социальной сфере. На первом плане стояла задача подъема промышленности. При этом подходы к ее решению у многих большевиков основывались на утопических, далеких от реальности взглядах. Казалось, что достаточно будет легализовать рабочий контроль, взять в свои руки руководство банками, государственными и крупными предприятиями – и успех будет обеспечен. На практике даже в решении всегда острого для России рабочего вопроса все оказалось значительно сложнее.

Прежде всего, в среде большевиков не было единого понимания, что должен представлять из себя рабочий контроль после революции. Партийная пресса много писала об этом лозунге, но мало кто пытался разобраться в том, каким образом рабочие могут приступить к его реализации. На этот счет существовали самые разные мнения.

Противоречивость подходов к рабочему контролю проявилась уже в том, что декрет о нем не был принят на II съезде Советов вместе с декретами о мире и земле. Отложить принятие закона о рабочем контроле пришлось из-за неожиданно вспыхнувшей в большевистском руководстве острой полемики. Как писал впоследствии Г. В. Ципирович, дискуссия велась с двух полюсов: между теми, кто считал необходимым переход от стихийного контроля к государственному, и более умеренной ленинской позицией. По свидетельству других современников, ленинские возражения сводились к тому, что рабочий контроль нужно не сворачивать, а развивать. Принятый 14 ноября декрет о рабочем контроле неизбежно носил на себе следы этой дискуссии. В целом отношение большевиков к рабочему контролю менялось в зависимости от положения в экономике. Пока у новых властей не было никаких иных рычагов регулирования производства, сбора налогов и т.п., опора делалась на инициативу рабочих. Но когда рабочие организации показали свою недостаточную эффективность, а у государства появились другие каналы воздействия на экономику, включая механизмы чрезвычайных и карательных органов власти, в руководстве партии усилились настроения в пользу ограничения «рабочей вольницы» и подчинения ее административному аппарату. На I Всероссийском съезде профсоюзов, начавшем работу вскоре после роспуска Учредительного собрания, верх взяли сторонники огосударствления рабочих организаций.

Серьезные изменения происходили в позиции большевиков и по отношению к вопросам промышленной политики. Первоначально большевики полагали, что их вмешательство в экономику будет ограниченным. Еще до прихода к власти, 25 октября, Ленин обратился к своему советнику по экономическим вопросам Ю. Ларину с просьбой набросать программу умеренных экономических реформ в духе германского госкапитализма. Вскоре после этого Ларин печатает в «Известиях» общие контуры этого плана. В нем делался упор на синдицирование ряда отраслей, прежде всего топливного комплекса и транспорта, плановое регулирование национализированной банковской сферы и муниципализацию торговли и жилого

фонда. Предполагалось, что синдикаты будут регулировать экономику, продавая и покупая акции предприятий, а правительство, руководствуясь этой программой, сможет контролировать частное предпринимательство, не прибегая к его ликвидации. Но к моменту опубликования программы ситуация в стране изменилась. Совнаркому пришлось столкнуться, с широким саботажем служащих и предпринимателей. Некоторые фабриканты просто бросали свои предприятия. Ответом на действия торгово-промышленных кругов стала политика, названная в работах Ленина «красногвардейской атакой на капитал». Разъясняя ее содержание, Ленин писал, что в условиях, когда капитал сопротивлялся по-военному, большевики вместо методов управления прибегли к методам подавления. Первыми мероприятиями в рамках нового курса стали принятый 14 ноября 1917 г. декрет о национализации банков и постановление от 17 ноября о национализации расположенной под Орехово-Зуевым крупной Ликинской мануфактуры.

Начавшаяся национализация шла, как писал об этом В. П. Милютин, в двух направлениях: либо снизу, по инициативе областных и местных Советов, или же сверху, по решению СНК и Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ). По его данным, из 521 предприятия, перешедшего в собственность государства до 1 июня 1918 г., органами местного самоуправления было национализировано свыше 50%, в то время как Совнаркомом – только около 20%. Всего в этот период в пользу государства было отчужденно не более 10–15% имевшихся в России частных предприятий.

Очередной этап в развитии экономики начинается после заключения Брестского мира. Несмотря на потерю промышленных областей Польши, Прибалтийского края и Донбасса, мирная передышка дала возможность развернуть спасительную для российской промышленности конверсию. Переход на мирные рельсы потребовал от большевиков пойти на поиски национального примирения и классового компромисса. На этот период приходится попытки компромисса с прежними имущими слоями. Нередко первыми директорами колхозов становились в эти недели прежние помещики, а красными директорами – бывшие капиталисты. В марте 1918 г. к большевикам обратился крупный предприниматель А. П. Мещерский. Речь шла о создании советского металлургического треста с капиталом около 1 млрд рублей и с количеством рабочих 300 тыс. человек. Финансирование предполагалось наладить на паритетных началах. По всем показателям в промышленности, сфере обращения и обмена весной 1918

г. наметилась относительная стабилизация. Позже Ленин и Каменев сравнивали развитие экономики весной 1918 г. с нэпом. Однако период мирной передышки оказался непродолжительным. Уже в конце мая – начале июня начинается период крупномасштабной интервенции со стороны прежних союзников и крупномасштабной гражданской войны. В этих условиях большевики возвращаются к насильственным методам подавления буржуазии и национализации промышленности.

Другим направлением внутренней политики нового режима становится борьба за преобразования в аграрной сфере. К моменту образования Совнаркома аграрная революция успела зайти достаточно далеко, поэтому большевикам поначалу приходилось заботиться не о радикализации происходивших в русской деревне процессов, а о контроле над ними. Здесь большевикам пришлось проявить еще большую способность к компромиссам, поскольку их собственные установки по решению земельного вопроса показали свое несоответствие текущему моменту и чаяниям крестьянства еще до Октября. Поэтому уже в принятом II съездом Советов Декрете о земле большевики пошли на значительные уступки своим союзникам – левым эсерам. Написанный Лариным под непосредственным контролем Ленина декрет повторял основные положения эсеровской крестьянской программы, изложенной в так называемом Крестьянском наказе. Еще большую роль в аграрной политике Совнаркома левые эсеры получили после прихода на пост наркомзема Колегаева. Но и до этого наркомзем проводил эсеровскую политику, поскольку основное ядро его служащих сохранилось еще от Министерства земледелия, возглавляемого лидером эсеров В. М. Черновым, последовательно укреплявшим свое ведомство эсеровскими кадрами. На местах же продолжали действовать эсеровские по составу земельные комитеты.

Триумфом направляемой левыми эсерами аграрной политики Совнаркома становится Закон о социализации земли. Он был введен в действие 19 февраля 1918 г. – левые эсеры специально приурочили его принятие к годовщине отмены крепостного права. Хотя в нем сохранялись некоторые положения большевистской программы, такие как создание резервного земельного фонда и положительная оценка коллективных хозяйств, сутью закона становится ключевой пункт эсеровской земельной программы – уравнительное землепользование. Причем если большевики отдавали предпочтение уравнильно-потребительской норме (по числу едоков), то

сами эсеры считали необходимым проводить передел земли по уравниательно-трудовому принципу (по числу работников). Среди положений закона, которые были поддержаны и большевиками, и левыми эсерами, было запрещение наемного труда. Право пользоваться землей по новому закону получали только те, кто ее обрабатывал. Административно намечаемые реформы должны были возглавить Советы или земельные комитеты, становившиеся теперь отделами Советов.

После ухода левых эсеров из правительства вся земельная и продовольственная политика в центре сосредотачивается в руках большевиков. Изменению аграрной политики Советской власти способствовали и неблагоприятные последствия Брестского мира. Если в промышленности Брестский мир создавал условия для относительного подъема производства мирной продукции, совсем иначе разворачивалась ситуация в деревне. Брестский мир отрывал от России богатые хлебные районы. В распоряжении Совнаркома оставалось всего два района, где можно было взять хлеб для снабжения городов, – Северный Кавказ и Сибирь. Но в результате захвата немцами и гайдамаками Ростова продовольственный паек в центральных районах страны сразу сократился с 25 до 3 фунтов хлеба (примерно три-четыре современных батона в месяц!). Дальше события разворачивались еще трагичнее. В результате восстания чехословацкого корпуса в июне 1918 г. были отрезана и Сибирь. В своей статье «О голоде (Письмо питерским рабочим)» В. И. Ленин писал, что из-за продовольственных трудностей и охватившего многие районы страны голода Советская власть близка к гибели. Голод в городах на некоторое время становится главной опасностью для страны.

В этих условиях большевики берут курс на ужесточение политики по отношению к крестьянству. Декретами от 9 и 27 мая в стране устанавливается продовольственная диктатура. 13 мая 1918 г. ВЦИК вводится в действие декрет о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию, а 11 июня 1918 г. принимается декрет об образовании комитетов деревенской бедноты. Задачей комбедов становится разжигание классовой войны в деревне, а также изъятие хлебных излишков у зажиточных крестьян. Введение проддиктатуры, создание продотрядов и комбедов являлись проявлением кризиса аграрной политики новой власти. Являясь порождением начинавшейся гражданской войны, принятые властями меры сами способствовали ее разрастанию и вовлечению на стороне контрреволюции широких масс крестьянства.

Конституция РСФСР 1918 года

Одновременно с первыми хозяйственными и социальными мероприятиями идет законодательное оформление Советской власти. После декретов II съезда Советов, положивших начало этому процессу, выходят и другие законы, составившие каркас новой государственности: Декларация прав народов России от 2 ноября, декрет ВЦИК и СНК от 10 ноября об уничтожении сословий, декрет ВЦИК и СНК от 2 декабря об организации ВСНХ, постановление СНК от 7 декабря об образовании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) и другие. Особое значение имели решения III съезда Советов. На нем были приняты законы, носящие конституционный характер: «О федеральных учреждениях Российской республики» и Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа – последний из них в литературе по своему значению иногда называется «малой конституцией». В Декларации решались основные конституционные вопросы: о земле, о собственности, о формах организации власти, о национально-государственном строительстве, утверждались принципы внешнеполитической доктрины. Кроме того, съезд принимает постановление о создании полноценной советской Конституции и о принятии ее на очередном съезде.

Вопросы текущей политики не позволили приступить к подготовке Конституции сразу. Только 1 апреля 1918 г. была создана комиссия для подготовки полноценного проекта Конституции. Возглавил ее председатель ВЦИК Я. М. Свердлов. В комиссию вошли представители различных политических партий и государственных органов, что сделало ее крайне неоднородной и способствовало возникновению в ходе подготовки проекта Конституции многочисленных дискуссий. Материалы комиссии публиковались в «Правде», «Известиях» и местной печати. На подготовку Конституции откликнулись и оппозиционные издания, многие видные юристы, политики, правоведы. Принятие Конституции состоялось на V Всероссийском съезде Советов 10 июля 1918 г., а 19 июля с момента опубликования она вступила в действие.

Появление первой советской и одновременно первой российской Конституции стало своеобразным увенчанием сразу нескольких исторических процессов. Во-первых, свершились устремления нескольких поколений российской интеллигенции, грезившей о превращении России в конституционную державу. До революции в России существовали Основные законы Российской империи, но в то же время отсутствие до-

кумента, однозначно называемого «конституцией», создавало двойственную ситуацию. Царизм даже после 1905 г. отрицал существование в стране конституционного строя. Все это превращало требование конституции в основополагающий пункт партийных программ всех либеральных и демократических сил России. Во-вторых, с принятием Конституции 1918 г. получало свое законодательное оформление революционное государство. Наконец, в-третьих, большевики окончательно и бесповоротно заявляли о целях и методах социалистического переустройства страны, что в условиях начавшейся гражданской войны позволяло более четко провести линию водораздела между втянутыми в нее сторонами.

В первой же статье Конституции 1918 г. провозглашалось, что власть в стране принадлежит Советам. Второй статьей Россия провозглашалась федерацией. Высшим органом власти в стране объявлялся Всероссийский съезд Советов. На время между съездами этими функциями обладал ВЦИК – высший законодательный, распорядительный и контрольный орган республики. СНК должен был заниматься вопросами общего управления – то есть фактически являлся высшим органом исполнительной власти. На местах власть также принадлежала Советам. Система Советов формировалась по принципу делегирования. Это означало, что население непосредственно выбирало только депутатов Советов самого низового звена. Все вышестоящие Советы, вплоть до съезда Советов, формировались из представителей нижестоящих Советов. В соответствии с духом эпохи решались и экономические вопросы. Конституция провозглашала задачу уничтожения эксплуатации, отмену частной собственности на землю, подтверждала декрет о рабочем контроле и переход банков в собственность государства, вводила всеобщую трудовую повинность. Конституция на демократических основах регулировала национальные, конфессиональные и социальные вопросы.

Вместе с тем Конституция, принятая V съездом Советов, была неоднозначным документом, до сих пор вызывающим противоречивые оценки. В советское время ее официальные толкователи стремились «подогнать» трактовки ее статей под требования господствующей идеологии. Многие мифы, рожденные в те годы, продолжают жить и сейчас. И хотя в оценочной части знаки плюс поменялись на знаки минус, это, конечно, мало приблизило к пониманию сути происходивших в те далекие годы процессов. К примеру, в литературе, в том числе современной, часто утверждается, будто Конституция РСФСР 1918 г. закрепляла диктатуру пролетариата. Однако

это утверждение ошибочно. Девятая статья Конституции, на которую при этом обычно ссылаются, не вводила диктатуру пролетариата, а лишь провозглашала ее основной задачей. Неслучайно в Конституции 1918 г., как признавали даже некоторые советские историки, прямой формулировки диктатуры пролетариата не содержалось. Другим распространенным заблуждением являются, кочующие из учебника в учебник утверждения, что Конституция 1918 г. обеспечивала привилегированное положение рабочих по сравнению с крестьянством. Для этого, дескать, на съезд Советов от рабочих избирался 1 представитель от 25 тыс., а от крестьян – 1 от 125 тыс. Но в Конституции рабочие и крестьяне в этом контексте не упоминаются. В Конституции говорится о городских и губернских Советах. В городские Советы, как известно, избирали отнюдь не только одни рабочие. К примеру, в них широко были представлены такие многочисленные категории, как советские служащие, учащиеся, домохозяйки, а также красноармейцы – по большей части те же крестьяне, только одетые в серые солдатские шинели и получившие в руки оружие. Если кто действительно и был ущемлен в своих правах, так это представители прежних имущих (эксплуататорских) классов: помещики, торговцы, заводчики, фабриканты, служители культа и т.п. – в целом примерно 5 млн человек. Трудящимся же, наоборот, предоставлялись самые широкие гражданские права независимо от расовой, половой либо национальной принадлежности.

Оценивая значение Конституции 1918 г., некоторые исследователи подчеркивают ее переходный характер. В ней отразился начавшийся сдвиг в строительстве революционной государственности от романтической идеи «государства-коммуны» к более традиционному государственному устройству. Тем не менее, вопреки известной критике, советская Конституция не закрепляла режим однопартийной диктатуры. Напротив, она создавала предпосылки для широкого развития в России многопартийной политической системы. Другое дело, что вскоре гражданская война сильно исказит характер Советского государства, победы тенденции оттеснения конституционных органов власти всякого рода чрезвычайными неконституционными структурами, возрастет диспропорция законодательной и исполнительной власти, начнется сращивание партийного и государственного аппаратов со всеми плюсами и минусами этого процесса. Но в середине 1918 г. мало кто мог предвидеть такой исход. Само принятие Конституции в тот момент открывало дорогу к стабилизации государства и развитию граждан-

ских прав и свобод, означало немалый шаг вперед в развитии российской государственности по сравнению с предшествующими периодами его развития.

Вопросы для самостоятельной работы по теме лекции

Что, по-вашему, представляли из себя большевики в 1917 г.: обычную политическую партию, религиозный орден, тоталитарную секту, новую государственную элиту, незначительную группу политических маргиналов, что-то другое?

В чем причина кризисов Советской власти в первые месяцы ее существования, какова их природа и последствия для советского режима?

Изменило ли принятие Конституции 1918 г. характер русской революции? Большевистской партии? Советского режима?

Краткая библиография

Источники

1. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25–26 октября 1917 г.): Сб. документов и материалов. – М., 1997.

2. Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. – М., 2005.

3. Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 / Меньшевики в 1918 году. – М., 1999.

4. Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть IV. Шестая конференция ФЗК Петрограда 22–28. I. 1918. Протоколы и материалы / Сост. Е. Цудзи. – СПб., 2002.

5. Партия левых социалистов революционеров. Документы и материалы. Т. 1. Июль 1917 г. – май 1918 г. – М., 2000.

6. Петроградский совет профессиональных союзов в 1917 г. Протоколы и материалы / Сост. Е. Цудзи. – СПб., 1997.

7. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. – М., 2006.

8. Протоколы Президиума Высшего Совета народного хозяйства. Декабрь 1917 – 1918 г. – М., 1991.

9. Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. – М., 2006.

10. Чернов В. Конструктивный социализм. – М., 1997.

Исследования

1. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 2011.

2. Драма российской истории: большевики и революция. – М., 2002.

3. Ельчанинов М. С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. – М., 2005.

4. Кабытова Н. Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 году. – Самара, 2002.

5. Киселев А. Ф. Профсоюзы и Советское государство (Дискуссии 1917–1920 гг.). – М., 1991.

6. Леонов С. В. Рождение Советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. – М., 1997.

7. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. – М., 1997.

8. Филоненко А. Л. Зарождение советской системы управления промышленностью. – Магнитогорск, 2000.

9. Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого: Глядя из настоящего. – СПб., 1997.

10. Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. – М., 2004.

11. Чураков Д. О. Фабзавкомы в борьбе за производственную демократию: Рабочее самоуправление в России. 1917–1918 годы. – М., 2005.

12. Яров С. В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. – СПб., 1999.

Лекция 3.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

У истоков гражданской войны

Гражданская война в России – для историков один из самых сложных и дискуссионных вопросов. Представление о том, сколь различны подходы к его освещению, можно получить уже на примере изучения хронологических рамок гражданской войны. Так, лидер кадетов П. Н. Милюков полагал, что ее истоки берут свое начало уже в событиях февральской революции. Другие авторы, прежде всего представители меньшевиков и правых эсеров, полагали, что гражданская война началась с захвата власти большевиками либо с разгона ими Учредительного собрания. Разногласия среди советских историков, в свою очередь, была вызвана тем, что в ленинских работах определение гражданской войны применялось к двум разным временным отрезкам: периоду с 1917 по 1922 г. и периоду с 1918 по 1920 г. Поиски современных подходов к периодизации гражданской войны начались на проходившем в апреле–мае 1992 г. круглом столе в Институте российской истории РАН. Как признает историк А. И. Ушаков, уже тогда стало ясно, что при обсуждении этой темы подспудно поднимался другой вопрос – кто виноват в развязывании гражданской войны. В результате политическая предвзятость участников круглого стола не позволила им прийти к единой точке зрения, нет ее и до сих пор.

Выработать единый взгляд на хронологию гражданской войны можно будет только в том случае, если избавиться от идеологической зашоренности и строго придерживаться научного подхода. Так, свои критерии периодизации гражданской войны в России имеет социология. С социологической точки зрения под гражданской войной можно понимать высшее проявление противоборства классов за политическую власть. Тогда под гражданской войной следует понимать период с февраля 1917 по 1922 г. Свои методы имеются также и у историков. С исторической точки зрения под гражданской войной следует понимать период, когда вооруженная борьба сторон составляла основное содержание жизни страны. Характерной особенностью этого периода следует считать существование альтернативных органов власти, регулярных фронтов, мобилизацию экономики. Понимаемая так, гражданская война ох-

ватывала период с мая 1918 по 1920 г. Возможен также интегрирующий подход к гражданской войне, дающий обобщенную картину пережитой страной трагедии.

Первые очаги гражданской войны вспыхивали в России во время Первой мировой войны, задолго до февральской революции, но тогда они так и не слились в единый поток братоубийственного конфликта. Ситуация обострилась после свержения самодержавия, когда социальная напряженность проявилась массовым бандитизмом, ростом преступности, аграрными беспорядками, солдатскими бунтами и погромами на почве национальной розни. После прихода большевиков к власти эскалация насилия продолжилась. Однако широкомасштабная гражданская война развернулась не сразу. Она стала возможной лишь после того, как началось формирование вооруженных сил противоборствующих сторон – Белой армии и Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Без широкого вовлечения противоборствующими сторонами в конфликт большой массы людей с оружием гражданская война была бы немыслима. Поэтому вопрос о формировании армий большевиками и антибольшевистскими силами является одним из важнейших для изучения истоков и предпосылок крупномасштабной гражданской войны в нашей стране.

Прежняя императорская армия, в которой к 25 октября 1917 г. числилось 6388 126 солдат и офицеров во фронтовых частях и еще 1346 260 в тыловых гарнизонах, не сыграла решающей роли в начинавшейся гражданской войне. Она быстро разрушалась и в долговременной перспективе не могла стать надежной опорой в борьбе за власть. В силу этого и Советскому правительству, и антибольшевистским правительствам приходилось заниматься организацией собственных вооруженных сил. Втянутые в гражданскую войну стороны по-разному походили к их созданию. Большевики первоначально в отношении к армии стояли на точке зрения революционного марксизма, согласно которой в государстве рабочих регулярная армия должна быть заменена всеобщим вооружением народа. Народная милиция, по убеждению многих лидеров партии, могла не только подавить сопротивление свергнутых классов, но и отстоять свободу страны. Поэтому после прихода к власти большевики сочли возможным ограничиться укреплением Красной гвардии. Однако ее формирование велось стихийно, без общего плана, отдавалось на откуп местным советским органам. Как правило, красногвардейцами становились молодые рабочие, преданные революции, но не знакомые с жизнью и воинской дисциплиной. Немало в рядах

Красной гвардии было также прежних жандармов, полицейских, деклассированных элементов. Все это превращало Красную гвардию в источник постоянной головной боли для большевистских руководителей, не всегда способных наладить надежное управление отрядами красногвардейцев.

Более серьезно, со знанием дела к вопросу армейского строительства подошли противники большевиков. История Белой армии ведет отчет со 2 ноября 1917 г. В этот день в Новочеркасск прибыл родоначальник белого дела генерал М. В. Алексеев – один из ключевых участников заговора против Николая II в февральские дни. Уже за первый месяц пребывания на Дону ему удалось собрать ударную армию численностью не менее 2 тыс. человек. Вскоре к Алексееву прибыли еще несколько видных генералов. За участие в мятеже правительство Керенского заключило их в тюрьму. После прихода большевиков к власти в их среде созрел план нового заговора. Утром 19 ноября начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Духонин распорядился освободить арестантов, и в ночь на 20 ноября разными дорогами они бежали на Дон. На Рождество, 25 декабря 1917 г., в командование Добровольческой армией вступил генерал Л. Г. Корнилов – впоследствии добровольцы отмечали этот день как дату рождения своей армии. 27 декабря Корнилов обнародовал политическую декларацию белого движения. В ней была провозглашена цель добровольцев – борьба с немецко-большевистским нашествием.

Успешное строительство вооруженных сил контрреволюции и угроза немецкого вторжения заставили наконец и большевистское правительство заняться созданием регулярной армии. В одном из своих выступлений Ленину пришлось специально подчеркнуть, что революция чего-нибудь стоит только тогда, когда умеет защищаться. Декрет о создании Красной Армии был принят 15 января 1918 г. В основу Красной Армии легли отряды рабочей милиции и Красной гвардии, а также некоторые части прежней армии, сохранившие боеспособность и заявившие о своей поддержке революции. Через несколько дней, 29 января, принимается декрет о создании Красного Флота. Руководство армией осуществлялось Наркоматом по военным и морским делам, а также Всероссийской коллегией по организации и формированию РККА. Позже был образован Высший военный совет во главе с М. Д. Бонч-Бруевичем. Первоначально Красная Армия строилась на принципах классовости и добровольности. Позже в нее было привлечено более 100 тыс. бывших царских генералов и офи-

церов, что в 1918 г. составляло не менее 75% командного состава РККА. В условия гражданской войны пришлось отойти и от добровольческого принципа формирования армии – 22 апреля декретом ВЦИК вводилась всеобщая воинская повинность. Первым серьезным испытанием для Красной Армии становится наступление немцев после срыва Брест-Литовских мирных переговоров. Учитывая угрозу Петрограду, СНК 21 февраля 1918 г. обратился с призывом «Социалистическое Отечество в опасности!». По призыву СНК началась массовая запись добровольцев в Красную Армию. В честь героизма, проявленного населением в эти дни в деле защиты республики, 23 февраля стало отмечаться как день рождения советских вооруженных сил.

По мере укрепления большевистского режима накал протivостояния спадал. Уже 17 января 1918 г. в Таганроге вспыхнуло восстание рабочих. Посланные для его усмирения белые части были разбиты подоспевшими советскими войсками и красногвардейцами города. Кольцо вокруг мятежников сужалось. Поняв неизбежность поражения, 29 января сложил с себя все полномочия и покончил жизнь самоубийством атаман А. М. Каледин. 24 февраля советские отряды, поддержанные мощным революционным движением в тылу противника, заняли Ростов, а 26 февраля – Новочеркасск. Мятеж на Дону был ликвидирован. Корнилов с остатками своей армии попытался пробиться на Кубань – начался так называемый ледяной поход. Он окончился почти полным разгромом добровольческой армии. Пройдя в боях около тысячи верст, добровольцы потеряли сотни человек убитыми и ранеными. В боях в Екатеринодар 31 марта 1918 г. погиб и сам Корнилов. Успешно действовали вооруженные силы Советской республики и на востоке страны. Здесь в марте–апреле 1918 г. отряды В. К. Блюхера подавили мятеж оренбургского казачества, возглавленный атаманом А. И. Дутовым. На волне эйфории от достигнутых успехов 23 апреля 1918 г. Ленин заявил, что гражданская война в России в основном осталась за спиной. Ленин ошибался – настоящая гражданская война была еще впереди...

Влияние внешнеполитического фактора на обострение гражданской войны

К лету 1918 г. ситуация в стране вновь обостряется. Во многом разрастание гражданской войны было связано с иностранным вмешательством во внутренние дела России. Уже аг-

рессия Германии в феврале 1918 г. привела к потере промышленных и хлебных районов, что серьезно усложнило внутриполитическую обстановку. Но и потом Германия долгое время представляла немалую опасность для Советской республики. Едва заключив Брест-Литовский договор, германская сторона начала нарушать его положения. Так, в марте–апреле 1918 г. Германия оккупирует Украину, а в апреле Украина и Германия отторгают от России Крым. В апреле 1918 г. немцы и турки налаживают сотрудничество с сепаратистами в Закавказье. Однако наиболее опасной интервенция становится лишь с началом экспансии со стороны стран Антанты.

Вмешательство бывших союзников во внутренние дела России началось задолго до прихода к власти большевиков. Но после победы революции вмешательство это получает свое идеологическое оправдание и резко возрастает. Публично новый подход к взаимоотношениям с Россией был изложен в так называемых 14 пунктах Вильсона – программе, выдвинутой президентом США В. Вильсоном 8 января 1918 г. в его послании конгрессу. В документе предусматривалось создание в России «демократического» правительства, что в условиях существования Советской власти неизбежно подразумевало свержение существующего строя и вооруженную агрессию. Для понимания тогдашней позиции руководства Соединенных Штатов по отношению к России важны не только сами «14 пунктов», но и комментарии к ним советника президента полковника Хауза. Комментируя пункт 6 программы Вильсона, Хауз говорил о необходимости признания всех временных правительств, которые возникали в различных частях бывшей Российской империи. Кавказ предлагалось рассматривать как часть проблемы Турции, говорилось о предоставлении какой-либо державе мандата на управление Средней Азией, о создании самостоятельных правительств в Великороссии и Сибири. Словом, американская администрация подготовила и озвучила целую программу, направленную на расчленение России и подчинение ее бывшим союзникам.

Интересная оценка целей интервенции содержится в мемуарах яростного противника большевизма А. Ф. Керенского. В частности, он вспоминает о договоренности, достигнутой между Англией и Францией. Всего два месяца спустя после Октябрьской революции, 22 декабря 1917 г., правительства этих государств заключили тайную конвенцию о разделе сфер влияния в «бывшей Российской империи». Согласно ей сразу же после поражения Германии балтийские провинции и прилегающие к ним острова, а также Кавказ и Закаспийская об-

ласть должны были войти в английскую, а Украина и Крым – во французскую зону влияния. Границы страны отодвигались к границам допетровской Московии, а между Россией и Западом должна была протянуться цепочка малых государств, подконтрольных Западу. Следовательно, еще до Брест-Литовского договора союзники считали себя абсолютно свободными от всяких обязательств перед Россией. Как полагает Керенский, эти цели были ключевыми в политике интервенции. Не свержение большевизма, а уничтожение России – вот главная цель ее бывших союзников, утверждал он.

В марте 1918 г. англичане занимают Мурманск. При этом интервенты действовали при поддержке местных эсеров и меньшевиков. Еще 2 марта руководимый ими Мурманский совет заключил с союзниками так называемое словесное соглашение о совместных действиях против немцев. Формально мурманские власти опирались при этом на телеграмму Л. Д. Троцкого от 1 марта – в условиях наступления немцев он санкционировал принять любое содействие от союзных миссий. Но 3 марта с немцами был заключен мир, необходимость в помощи союзников отпала, правомочность «словесного соглашения» от 2 марта Совнарком подтверждать не стал. Это, однако, не остановило командование Антанты, и 6 марта в городе высадился передовой отряд британских морских пехотинцев. Вскоре англо-американский десант отторгает от Советской России Архангельск. При их непосредственной поддержке создается правительство Северной области во главе с членом Учредительного собрания Н. В. Чайковским. Некоторое время спустя, 5 апреля, британцы совместно с японцами высаживаются на и Дальнем Востоке. Позже к ним присоединятся американцы и французы. В августе 1918 г. смешанные части канадцев и англичан, дислоцировавшиеся прежде в Месопотамии, вторгнутся в Закавказье.

Уже на первом этапе интервенция способствовала обострению гражданской войны, создавала угрозу территориальной целостности государства. Однако, пока действия интервентов велись на окраинных территориях, непосредственной угрозы независимости России не создавалось. Ситуация коренным образом меняется 25 мая 1918 г., когда на востоке страны начинается мятеж легиона французской армии, состоявшего из представителей чешской и словацкой национальностей. Чехословацкий корпус вырос из чехословацкой дружины, созданной в 1914 г. в составе русской армии. За счет притока в дружину пленных чехов и словаков в 1916 г. дружина увеличилась до дивизии, а в 1917 г. – до корпуса. Октябрьскую

революцию командование корпуса встретило враждебно, не раз участвовало в подавлении революционных выступлений в Киеве и на Житомирщине. Идя на встречу французской стороне, 15 февраля 1918 г. корпус перешел под юрисдикцию Франции. С этого момента положение корпуса радикально меняется – из боевой части русской армии он превращается в вооруженное формирование иностранного государства, дислоцированное на российской территории.

Германия, находясь в состоянии войны с Францией, требовала незамедлительно вывести корпус из России, но при этом стремилась не допустить переброски его на Западный фронт. Франция, наоборот, в феврале 1918 г. была крайне заинтересована в привлечении чехословаков на запад для участия в боевых действиях против Германии. Советское правительство, лавируя между Францией и Германией, заключило соглашение о разоружении корпуса и о его переброске во Владивосток для дальнейшей эвакуации во Францию на кораблях. Однако Франция под нажимом Англии и США изменила свои первоначальные планы и согласилась задержать корпус в России для создания там антибольшевистского фронта. В Версале представители стран Антанты 27 апреля 1918 г. подписали так называемую коллективную ноту № 25, в которой предусматривалась возможность задержать корпус в России для оказания «содействия» возможным «акциям союзников». Поскольку многие legionеры не желали участвовать в гражданской войне в России, командование корпуса распространило слухи, будто Советское правительство намерено разоружить корпус лишь для того, чтобы выдать его немцам и австрийцам. Ситуация накалялась. С середины мая участились стычки legionеров и местных Советов в Сибири.

Советское правительство вынуждено было настаивать на выполнении ранее достигнутого соглашения о разоружении корпуса. После очередного приказа Троцкого от 25 мая 1918 г. о сдаче legionерами лишнего оружия началось заранее тщательно спланированное восстание чехословаков. О том, что это была не стихийная акция, свидетельствует уже тот факт, что выступление произошло практически одновременно на всей огромной территории от Волги до Владивостока. Всего в мятеже приняли участие около 35 тыс. legionеров, тогда как Советская власть располагала на всей этой территории лишь несколькими тысячами необученных бойцов Красной гвардии и красноармейцев. По своим последствиям для Советской России мятеж чехословаков оказался гораздо более страшным,

чем февральское наступление немцев. В результате мятежа от РСФСР отпала территория, в несколько раз превышающая всю европейскую часть страны.

После поражения в мировой войне Германии и ее союзников масштабы интервенции со стороны Антанты резко возросли. Для обеспечения защиты от большевиков Крыма, Украины и некоторых других территорий страны Антанты потребовали от Германии временно воздержаться от вывода ее войск с востока. В ночь с 15 на 16 ноября в Черное море вошел флот союзников под командованием французского адмирала Амета. В течение ноября интервенты заняли Новороссийск, Севастополь, Одессу, Николаев, Феодосию. К февралю 1919 г. 60-тысячная армия Антанты контролировала Крым, часть Бессарабии и Украины. Планы Антанты в 1919 г. нацеливались на полное окружение и свержение большевизма. Предполагалось использовать силы различных антибольшевистских правительств, существовавших на юге, востоке и севере страны, а также силы государств, возникших на территории разрушенной Российской империи: республик Закавказья, Прибалтики, Польши и Финляндии.

Однако эти планы оказались сорванными в результате революционного подъема в Европе. Солдаты оккупационных армий массами отказывались сражаться, требовали возвращения на родину. В целом ряде европейских стран прокатилась волна революций. Ширилась стачечная борьба. Возникло движение солидарности с РСФСР, разворачивавшееся под лозунгом «Руки прочь от Советской России!». В самой России отряды Красной Армии стремительно продвигались на юг, грозя сбросить интервентов в море. В этих условиях 27 марта в Париже страны Антанты принимают решение об эвакуации своих войск из Одессы. В сентябре 1919 г. началась массовая эвакуация интервентов из Крыма и с юга Украины. В июне 1920 г. ими был оставлен Батум. Но вплоть до октября 1920 г. страны Антанты осуществляли военную и экономическую блокаду, поддерживали с моря вооруженные силы белых.

На фронтах гражданской войны

Мятеж чехословацкого корпуса серьезно изменил внутриполитическую ситуацию в стране. Тлевшие очаги гражданского противостояния начинают быстро перерастать в общие фронты гражданской войны. С этого времени все задачи Советской власти вытесняются задачей обороны. Выступление чехословацкого легиона и других союзных войск привело к

формированию и укреплению многочисленных антибольшевистских правительств: Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), Уральского временного правительства, Сибирского правительства и других. Как правило, такие режимы формировались с опорой на штыки интервентов, хотя в ряде случаев они возникали в результате широких антибольшевистских восстаний, как это было в августе 1918 г. в Ижевске. В большинстве случаев у руля антибольшевистских правительств оказывались местные меньшевики и эсеры. Поэтому данный период гражданской войны историки вслед за бывшим министром в правительстве Самарского комуча меньшевиком В. Майским называют периодом «демократической контрреволюции».

Закрепившись на востоке страны, войска Комуча и белочехи продвигались к Москве и на север, где надеялись соединиться с англичанами. Одновременно с этим в ряде городов вспыхивают антисоветские восстания. В Ярославле 6 июля происходит выступление Союза защиты Родины и Свободы во главе с Савинковым. Особую опасность для большевиков представлял мятеж левого эсера М. А. Муравьева. Он командовал войсками Советской республики, направленными на борьбу с чехословацким корпусом. Но, прибыв 10 июля в Симбирск, Муравьев производит аресты среди советских работников и объявляет, что отныне его целью является открытие русского фронта против Германии. Хотя мятеж Муравьева был быстро ликвидирован, советские части под Симбирском оказались серьезно ослаблены и 22 июля город был занят наступавшими силами Комуча.

Летом территория Советской России сжалась до границ средневековой Московии. Это заставило Советское правительство резко активизировать усилия по строительству Красной Армии. Уже в мае начались массовые рабочие призывы и принудительные мобилизации резервистов. К осени 1918 г. РККА насчитывала уже полмиллиона человек, а к концу гражданской войны – около 5,5 млн человек. После покушения 30 августа 1918 г. на Ленина 6 сентября 1918 г. создается Революционный военный совет республики (РВС). Впоследствии, 30 ноября, образуется Совет рабочей и крестьянской обороны, ставший, по существу, высшим чрезвычайным органом власти по вопросам обороны и организации тыла. Усилия большевиков не пропали даром, и уже осенью 1918 г. РККА очистила от контрреволюционных войск Поволжье и Урал. Тогда же благоприятная обстановка складывается и на Западном фронте, что связано с поражением Германии и выходом Рос-

сии из условий Брестского договора. Красными частями были заняты Псков и Нарва, освобождены значительные районы Белоруссии. Создаются Литовско-Белорусская, Латвийская и Эстляндская советские республики. Успешно действуют советские войска и на Украине. В январе 1919 г. был освобожден Харьков, в феврале – Киев, в апреле – Одесса, откуда в срочном порядке пришлось удалиться французскому флоту. В мае 1919 г. Красная армия освобождает Дон.

Вместе с тем достигнутые в конце 1918 – начале 1919 г. победы оказались временными. Весной 1919 г. положение Советской республики вновь осложнилось. Связано это было с наметившейся в конце 1918 г. консолидацией различных антибольшевистских сил. Еще 23 сентября 1918 г. на съезде представителей соперничавших друг с другом антибольшевистских правительств в Уфе было сформировано коалиционное всероссийское правительство – Уфимская директория. В дальнейшем на смену Уфимской директории приходит прямая военная диктатура адмирала А. В. Колчака. В ночь на 18 ноября при поддержке союзников, офицерства и казачества он свергает режим Директории. Вскоре Колчак будет провозглашен Верховным правителем России. Создаются все необходимые предпосылки для нанесения по большевикам комбинированного удара со стороны белых армий. Реализация планов комбинированного удара была намечена на 1919 г. В начале 1919 г. войска Колчака начинают быстрое продвижение к Волге. На юге в апреле 1919 г. генерал А. И. Деникин предпринимает наступление сразу в трех направлениях: на Царицын, Воронеж и Харьков. Летом 1919 г. войска Деникина занимают всю Украину, а осенью начинается поход на Москву. На северо-западе армия, которой сперва командовал генерал А. П. Родзянко, а затем Н. Н. Юденич, выдвигается на Петроград. Дважды, в мае и октябре 1919 г., белые вплотную подступали к городу.

Положение большевиков становится столь критическим, что на самом верху всерьез начинают рассматриваться варианты перехода виднейших лидеров режима на нелегальное положение. Только осенью 1919 г. Колчаковский фронт был прорван в районе Бугульмы. Значительные его силы оказались окружены и уничтожены. В ноябре пала столица Колчака Омск. Колчак вынужден был сложить с себя пост Верховного правителя России. Большую роль в освобождении Сибири сыграли крестьянские партизанские отряды, действовавшие в тылу белых армий. В октябре 1919 г. под Воронежем и Орлом были разгромлены войска Деникина. Деникинская

армия стремительно покатила на юг. Юденич, разбитый у Пулковских высот под Петроградом, скрылся в Эстонии. Генерал Е. К. Миллер, потеряв поддержку англичан, не смог противостоять большевикам на севере России. Огромная территория от Байкала до Крыма была возвращена под контроль Советской власти. В советской историографии 1919 год часто назывался годом решающих побед Красной Армии.

Последнее обострение гражданской войны приходится на весну–осень 1920 г., когда Советской республике пришлось воевать против войск создавшего в Крыму свое правительство генерала П. Н. Врангеля и польского диктатора Ю. Пилсудского. Особую опасность на этом этапе представляла война с Польшей. Западные государства видели в ней противовес Советской России и оказывали ей всестороннее содействие. Только США в первой половине 1920 г. передали Пилсудскому 20 тыс. пулеметов, свыше 200 броневых автомобилей и танков, более 300 самолетов и 3 млн комплектов обмундирования. Поставки в Польшу шли также из Англии и Франции. Кроме того, в польской армии действовали многочисленные инструкторы и советники из стран Антанты. Щедрая помощь вскружила голову молодой польской элите, вспомнившей о великой Польше от моря и до моря образца 1772 г. В апреле 1920 г. польские войска без объявления войны вторглись в пределы Украины и Белоруссии.

Война с Польшей породила широкие патриотические настроения в России. Тысячи царских офицеров по призыву легендарного генерала А. А. Брусилова устремились в Красную Армию, чтобы с оружием в руках сражаться с оккупантами. На польский фронт мобилизуется свыше 24 тыс. коммунистов. Сюда прибывают отборные советские части: 1-я Конная армия, Чапаевская дивизия. В мае отряды Красной Армии перешли в контрнаступление. Но чрезмерная вера в мировую революцию привела к крупным просчетам со стороны советского командования. Во-первых, наступление на запад велось по двум расходящимся направлениям – на Львов и на Варшаву. Во-вторых, в действиях советских войск не было достаточной организованности. Передовые части, идущие на Варшаву, оторвались от своих тылов и резервов более чем на 500 км. Фактически они оказались в ловушке. Дойдя до Вислы, командующий советскими войсками на Западном фронте М. В. Тухачевский был вынужден повернуть назад. Более 100 тыс. красноармейцев оказались в польском плену, где содержались в нечеловеческих условиях. Десятки тысяч из них так никогда и не смогли вернуться домой.

Воспользовавшись катастрофой Красной Армии на Висле, Пилсудский предпринял новое наступление на восток. Польше удалось захватить обширные территории в Западной Украине и Западной Белоруссии. Однако дальнейших сил для продолжения войны ни у одной из сторон не осталось. Польша запросила мира. Советское правительство тоже понимало бесперспективность продолжения войны с Польшей, которая могла вылиться в противостояние с такими странами, как Англия и Франция. 12 октября 1920 г. в Риге были подписаны предварительные условия мирного соглашения, а 18 октября – прекращены боевые действия. В 1921 г. был заключен Рижский мирный договор. Для России он был крайне невыгоден. Граница с Польшей проходила значительно восточнее этнической границы расселения поляков – так называемой линии Керзона. Помимо этого, Украина и Россия обязывались вернуть Польше военные трофеи и культурные ценности, вывезенные из Польши начиная с 1772 г. Советская сторона обязывалась выплатить Польше 30 млн рублей золотом, соглашалась на другие уступки. Но главное было достигнуто – мир на западной границе позволил сосредоточиться на внутренних проблемах и завершить разгром Врангеля.

К моменту прекращения войны с Польшей Врангель успел распространить боевые действия на обширные территории Северной Таврии и Правобережной Украины. Сам Крымский полуостров был превращен в настоящую крепость. Врангель был убежден в неприступности воздвигнутых им укреплений и надеялся сохранить Крым для дальнейшей борьбы с большевизмом. Но окончание войны с Польшей сделало положение врангелевских армий безнадежным. Уже в сентябре большевистским руководством было принято решение взять Крым и разгромить Врангеля еще до наступления зимних холодов. В ноябре 1920 г. в результате Перекопско-Чонгарской операции Красная Армия прорвала оборону Врангеля под Перекопом и заняла Крым. Остатки врангелевской армии были эвакуированы на судах союзников в сопредельные государства. По оценкам историков, после поражения Врангеля гражданская война как самостоятельный этап отечественной истории завершилась. Военный вопрос перестал быть главным в жизни страны.

На завершающем этапе гражданской войны, в 1921–1922 гг., происходит ликвидация последних очагов интервенции и сепаратизма, закладываются основы для воссоздания единого, целостного государства. Борьба за восстановление территориального единства страны началась еще в апреле 1920 г.,

когда Советская Россия оказала содействие образованию в Средней Азии Хорезмской народной республики. В октябре 1920 г. народная республика устанавливается в Бухаре. Постепенно благоприятная ситуация для воссоединения с Россией складывается и в Закавказье. В ноябре 1920 г. происходит восстание против дашнакского правительства в Армении. 29 ноября 1920 г. Армения была провозглашена советской республикой, правительство которой тут же обратилось за помощью к Советской России. Однако только к июлю 1921 г. сопротивление дашнаков было сломлено окончательно. В феврале 1921 г. грузинскими большевиками было начато восстание, которое послужило предлогом для ввода в Грузию советских войск. К этому моменту в Грузии существовало недружественное России меньшевистское правительство. К идеологическим разногласиям с большевиками примешивались националистические устремления местной правящей верхушки. В ходе Тифлисской и Батумской операций в феврале–марте 1921 г. части 11-й армии разбили вооруженные силы Грузии, которая вскоре была провозглашена советской республикой.

Дольше всего не могла решиться судьба русского Дальнего Востока. Во избежание прямого военного столкновения с Японией, Советское правительство пошло на создание там буферной Дальневосточной республики (ДВР). Она имела свою народно-революционную армию и флот по образцу РККА и РККФ. Все попытки японцев разгромить ДВР силами белогвардейцев окончились провалом, и в июне 1920 г. Япония была вынуждена заключить с ней перемирие, а также вывести свои войска из Забайкалья. В 1921 г. части 5-й армии, армии ДВР и революционные войска монголов разбили вооруженные формирования барона Р. Ф. Унгерна и 6 июля освободили столицу Монголии город Ургу (Улан-Батор). За этим в феврале 1922 г. последовали разгромы белогвардейцев под Волочаевкой и в ходе Приморской операции. Эти победы Красной Армии заставили Японию срочно эвакуировать свои войска на острова и окончательно отказаться от продолжения интервенции против России и ДВР. 25 октября войска ДВР вступили во Владивосток, а уже в ноябре 1922 г. ДВР становится частью РСФСР.

Влияние гражданской войны на положение тыла

Впоследствии В. И. Ленин назовет курс, проводимый его партией во время гражданской войны, политикой «военного коммунизма». Название это отражало двойственный, проти-

воречивый характер экономической политики большевиков: с одной стороны, в ней явно присутствовали мероприятия, направленные на скорейший переход России к коммунизму, но, с другой стороны, многие чрезвычайные меры были обусловлены войной и разрухой. Точно такие же мероприятия, направленные на усиление государственного вмешательства в экономику, в период Первой мировой войны осуществлялись самыми передовыми странами. Созданная в них система всеобщего обобществления хозяйственной жизни получила название государственного капитализма, или «военного социализма». Именно она и стала примером для многих большевистских лидеров, легла в основу их теоретических построений и практической деятельности после прихода большевиков к власти.

Среди историков нет единого мнения о хронологических рамках политики «военного коммунизма». Некоторые авторы считают, что «военный коммунизм» начался только на последнем этапе гражданской войны, когда были предприняты первые шаги, направленные на милитаризацию труда. Другие относят начало «военного коммунизма» на январь 1919 г., когда вводится продразверстка. Встречаются авторы, утверждающие, что большевики стали проводить политику «военного коммунизма» с момента своего прихода к власти, что также противоречит имеющимся фактам. Большинство историков датируют начало «военного коммунизма» серединой 1918 г. — это есть временем начала интервенции и гражданской войны и связанных с этим изменений в политике Советского правительства.

Первым мероприятием «военного коммунизма» в промышленности явился декрет от 28 июня 1918 г. о национализации крупных промышленных предприятий. В 1920 г. постановлением ВСНХ от 29 ноября национализация была распространена на все прочие частные предприятия. Ненационализированными остались лишь самые мелкие, кустарные предприятия, преимущественно не применяющие наемного труда. Таким образом, за два года (1918–1920) была осуществлена концентрация в руках государства большого числа заводов и фабрик. На них было сосредоточено преобладающее число занятых в промышленности рабочих. Вместе с тем национализация не позволила полностью прекратить спад производства. Значительное число предприятий бездействовало, многие были разрушены или работали с неполной нагрузкой из-за недостатка рабочей силы, изношенности оборудования, из-за перебоев в снабжении сырьем, топливом, материалами, обусловленных военным временем.

К первым мероприятиям «военного коммунизма» в деревне обычно относят введение продовольственной диктатуры и комитетов бедноты в мае–июне 1918 г. Комитеты бедноты создавались с целью распространения диктатуры пролетариата на деревню и перекачки в город хлебных излишков. В начале 1919 г. Советская власть осуществила переход к новому этапу в своей аграрной политике. В ее основу была положена так называемая продовольственная разверстка. Согласно декрету от 11 января 1919 г. разверстка как метод государственных хлебозаготовок заключалась в следующем. Продовольственные органы централизованно определяли потребности городов и Красной армии в продовольствии, а потом между крестьянами развешивали (распределяли), кто сколько излишков должен сдать государству. Разверстка осуществлялась не на основе прямого подушного обложения хозяйств, а с учетом производственной мощности отдельных губерний и районов, а внутри них – между отдельными хозяйствами по классовому принципу. Разверстка производилась как в виде натурально-налога, так и с оплатой изъятого по твердым ценам.

Серьезные изменения происходили также в области финансов. Здесь государство опиралось на такие чрезвычайные меры, как конфискации и контрибуции. Кроме того, в период «военного коммунизма» многие проблемы пытались решать при помощи печатного станка. За время с 1 ноября 1917 г. по 1 июля 1921 г. бумажно-денежная масса в обращении увеличилась с 22,4 млрд до 2347 млрд рублей, или в 105 раз. Результатом растущей эмиссии стало катастрофическое падение рубля. К середине 1921 г. по сравнению с 1918 г. ценность рубля упала в 800 раз, а сравнительно с довоенным временем – в 13 тыс. раз. Процесс обесценивания национальной валюты был вызван также спадом производства. Происходила натурализация хозяйственных связей. С целью защитить население от инфляции государство пошло на отмену для некоторых категорий населения платы за отпускаемые государством продовольственные продукты и промтовары, а также за жилье, коммунальные услуги, почтово-телеграфные расходы и прочие.

Таким образом, складывается общая картина происходивших в 1918–1920 гг. экономических процессов. В отличие от системы «военного социализма» в странах Европы, «военный коммунизм» был гораздо более радикальной политикой. Это может быть объяснено как отсталостью российской экономики, так и доктринальным содержанием «военного коммунизма». В отличие от «военного социализма», он был ориентирован не на сохранение частной собственности, а на выживание

городского населения, в первую очередь промышленных рабочих. Вместе с тем мероприятия, составлявшие основу политики «военного коммунизма», не были способны привести к оживлению экономики. Страна функционировала почти исключительно за счет энтузиазма людей и «проедания» прежних запасов.

От войны к миру

В период окончания гражданской войны страна все явственнее вступала в глубокий системный кризис, охвативший практически все сферы общества: от экономики до политики, даже идеологии. В тяжелом состоянии находилась промышленность. Уже в 1919 г. из-за отсутствия хлопка почти остановилась текстильная отрасль. В 1920 г. из 287 национализированных текстильных фабрик работало 77, остальные стали. В 1919 г. в стране потухли все домы. Россия фактически не производила металлов, а жила имевшимися запасами. В начале 1920 г. удалось задуть 15 доменных печей, и они дали около 3% металлов, выплавлявшихся в царской России накануне войны. В целом же по сравнению с «эталоном» 1913 г. промышленное производство упало в 7 раз. По добыче нефти и угля Россия была отброшена к 90-м годам XIX в. Большим местом народного хозяйства был транспорт. На 1920 г. 58% паровозного парка вышли из строя. Не лучше дела обстояли с вагонами. Железнодорожные артерии постепенно отмирали. Страна переживала острый финансовый кризис. По декрету СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. страну наводнили дензнаки с астрономическими по представлениям того времени номиналами 5 и 10 тыс. рублей. За коробок спичек, сельдь, несколько картофеля людям приходилось отдавать «целые состояния», исчисляемые тысячами и миллионами обесценившихся рублей.

Разорение, хотя и не в таких масштабах, охватило деревню. Официальный лозунг, что базисом российской революции является рабоче-крестьянский союз, на деле пока не принес крестьянству ни воли, ни хлеба, а лишь землю. Валовой сбор зерновых культур в 1920 г. снизился по сравнению с 1909–1913 гг. более чем на треть. Значительная часть продуктов питания потреблялась самой деревней. Притом что на рубеже 1920–1921 гг. продразверстка составляла 80% поступлений в госбюджет (что в два раза превышало все сельскохозяйственные выплаты в 1913 г.), естественные возможности этого источника финансирования государства резко сокращались

из-за нежелания крестьянина впустую расширять свое производство.

Уже в конце 1920 г. стало ясно, что причиной переживаемых страной бед была продолжавшаяся и после гражданской войны политика «военного коммунизма». Даже основоположники и апологеты «военного коммунизма», такие как Н. И. Бухарин, чуть позже признавали его паразитический характер. Такая экономическая модель оказалась оправданной в условиях вооруженного противоборства, теперь же она оказалась опасным анахронизмом. Анализ военно-коммунистической системы, как подчеркивал в одной из своих работ английский историк Э. Карр, позволяет выделить два ее основополагающих принципа, входивших во все большее противоречие с жизнью. Первый из них сводился к резко возроставшему централизму управления, второй – к отказу от рынка как инструмента общественной регуляции. Требовалось принять срочные меры по преодолению трудностей в экономике.

Экономический кризис дополнялся кризисом управляемости общества. Он был обусловлен бюрократизацией аппарата управления. Прежде всего, бюрократизм нанес удар по самой партии. Российская коммунистическая партия (большевиков) (РКП(б)), которая, по мысли своих вождей, обязана была служить как противовес бюрократическому механизму управления, все больше превращалась в одну из его частей. В октябре 1920 г. председатель Курского губисполкома К. Юрнев так обобщил происходившее: первоначально большевики надеялись построить новую власть силами партии, «опартировать» государство; но на деле пришлось «огосударствить» саму партию. По мнению Юрнева, переход партии к работе «по-государственному» означал собой начало ее болезни. Государство, даже самое советизированное, имеет свою логику, и соприкосновение с ним не может пройти даром для коммунистов, полагал он. Когда же вдобавок верхи стали злоупотреблять привилегиями, многие заговорили о расколе прежнего большевистского «революционного монолита» на две партии.

Проблемы в экономике и политической сфере вызвали широкое недовольство населения. Протестные настроения проявились в различных формах. Самыми безболезненными из них были критика властей на собраниях и письма в различные инстанции. Эти проявления массового политического протеста служили барометром для властей, позволяли принимать своевременные решения. Но, если меры по нормализации ситуации на местах запаздывали, пассивный протест приобретал активные формы. Такие города, как Москва, Петроград,

Тула и другие, оказались охвачены забастовочной волной. В прошлом причиной стачек в конце 1920 – начале 1921 г. называлась деятельность меньшевиков и эсеров. Но чаще всего на протест рабочих толкали нужда и ущемление их интересов. Иногда причиной трудовых конфликтов было поведение властей и местных комячеек, которые подвергались рабочими критике за «буржуазное перерождение», «отрыв от масс».

Но особенно ярко кризис конца 1920 – начала 1921 г. проявился в повстанческом движении крестьянства. Наибольший размах сопротивления деревни «военному коммунизму» приходится именно на период окончания гражданской войны, когда угроза белой реставрации окончательно отпала. Практически во всех хлебопроизводящих районах страны полыхали крестьянские мятежи, из них не менее 50 – крупные. В официальной пропаганде тех лет за ними закрепилось определение «ползучей контрреволюции», а некоторые современные историки называют эти месяцы периодом «малой гражданской войны».

На юге все еще действовали отряды Н. Махно. Обширные партизанские зоны складывались на Северном Кавказе. Кровавопролитные бои шли на Тамбовщине, где мощное крестьянское движение возглавил эсер А. С. Антонов. Временами его армия насчитывала более 50 тыс. бойцов. По признанию В. А. Антонова-Овсеенко, руководившего карательными действиями Красной Армии против крестьян, причиной народного недовольства на Тамбовщине стала деятельность «военно-наезднических банд», в которые к тому времени превратились продотряды. Для подавления тамбовского восстания применялись кадровые части РККА, артиллерия, авиация. Лично Антонов-Овсеенко отдавал приказы использовать против крестьян запрещенное международным сообществом химическое оружие. В целях устрашения за связь с повстанцами выселялись жители целых деревень. Широкий размах приобрело полыхавшее в Самарской губернии восстание во главе с начальником 9-й кавалерийской дивизии А. В. Сапожковым. Повстанческое движение в Западной Сибири привело к образованию вооруженных формирований в 100 тыс. человек. Действуя в Тюменской губернии, в районе Петропавловска, Кокчетавы, некоторых других крупных центров, они на несколько недель фактически прервали железнодорожное сообщение между центром России и Сибирью. Некоторые историки, такие как М. А. Богданов, полагали, что именно это крестьянское восстание было самым опасным для Советской власти.

Недовольство все шире распространялось в армии. Так, только в самый последний момент бунт 50-тысячного гарнизона, протестовавшего, как в свое время моряки броненосца «Потемкин», против отчаянных условий существования, удалось предотвратить в Нижнем Новгороде. Аналогичные случаи были и в Смоленске. Как приговор новой власти прогремели события в знаменитой морской крепости Кронштадт. Всего за неделю до X партсъезда восставшие моряки-балтийцы – в прошлом важнейшая опора пролетарской революции – выдвинули лозунг «Советы без коммунистов!». Есть документальные свидетельства, что на это восстание большие надежды возлагали силы внутренней и внешней оппозиции. Но непрочность повстанческого тыла, а также решительные военные меры большевиков определили скоротечность Кронштадтского мятежа. Не поддержали его и рабочие Петрограда: сами страдавшие от последствий экономической разрухи, они видели в матросах «клевшиков», «несознательный элемент», пошедший на поводу у «белых генералов». И тем не менее Кронштадт стал одним из тех переломных моментов, которые заставили большевиков подвести черту под пережившей свой век политикой «военного коммунизма».

Кризис заставлял руководство страной озаботиться поиском путей стабилизации. Еще в начале 1920 г. меры, в чем-то созвучные новой экономической политике, предлагались Л. Д. Троцким. В начале февраля 1920 г., после одной из инспекционных поездок по стране, он послал в Политбюро письмо, в котором признал ущербность политики уравнилельных реквизиций. Но тогда его рекомендации не были приняты. Звучали в тот период и предложения о расширении политических свобод. С подобными идеями выступали, например, такие видные большевики, как Т. В. Сапронов, Г. И. Мясников, Н. Осинский. В апреле 1921 г. в ЦК РКП(б) пришло письмо соратника Ф. Э. Дзержинского, уполномоченного референта Всероссийской чрезвычайной комиссии Ил. Вардина. Он предлагал изменить отношение к меньшевикам, эсерам, анархистам и прочим социалистическим группировкам с тем, чтобы они могли вписаться в политическую реальность Советской России.

Первой серьезной попыткой выхода из создавшейся ситуации стал проходивший в декабре 1920 г. VIII съезд Советов. Однако основными защитниками «мягкой» крестьянской политики, а также приверженцами демократизации политической системы Советской России на нем выступали умеренные социалисты. В свою очередь, большевики прорыв в аграрном

секторе предполагали осуществлять за счет расширения продразверстки вплоть до семенного фонда, насаждения посевкомов и централизованных планов засева, преобразования единоличных хозяйств в коллективные. Апогеем военно-коммунистической ментальности становится рассмотренный на VIII съезде Советов Государственный план электрификации России (ГОЭЛРО). В прежней историографии он рассматривался как вполне реалистичный и даже успешно и в срок выполненный. Однако, как справедливо замечает современный исследователь А. К. Соколов, к таким выводам можно прийти только при условии, если низводить всю философию плана ГОЭЛРО лишь к числу построенных электростанций и количеству выработанной электроэнергии. Но в реальности план ГОЭЛРО – это комплексная программа широких коммунистических преобразований в соответствии с новейшими приемами научной организации труда и самыми современными технологиями, которые тогда отождествлялись с электрификацией. Центральной идеей плана выступала попытка обновить всю структуру производительных сил России. Предполагалось, что крупные электростанции дадут энергию фабрикам и заводам, заставят переходить на современные станки, повысят культуру и рабочую дисциплину. Малые же электростанции будут способствовать обновлению сельскохозяйственного труда, приведут к новой аграрной революции, созданию коллективных хозяйств, обеспечат прочную смычку города и деревни.

Важное место в идейных исканиях, которые были направлены на преодоление кризиса «военного коммунизма», занимала дискуссия о профсоюзах. Она развернулась в конце 1920 г. и продолжалась в течение нескольких месяцев. Завершилась она только на X съезде РКП(б), принявшем решение о переходе к нэпу. В ходе дискуссии сформировалось несколько течений. Так, «Рабочая оппозиция» настаивала на демократизации советского общества и предоставлении профсоюзам права регулировать экономику страны. Группа «демократического централизма» ратовала в основном за то, чтобы ключевое положение в государственном аппарате принадлежало не забюрократизированному центру, а местным партийно-хозяйственным элитам. Со знаменитым лозунгом «завинчивания гаек», всемерной централизации и огосударствления в дискуссии выступил Л. Д. Троцкий. С близкой к Троцкому, но более мягкой платформой (так называемой буферной) выступил Н. И. Бухарин. Наконец, «платформа десяти», которую поддерживали В. И. Ленин, И. В. Сталин, Г. Е. Зиновьев

ев, Я. Э. Рудзутак, выдвигала идею профсоюзов как «школы коммунизма», то есть фактическая власть должна была оставаться у партии, но элементы самоуправления допускались и на низовом уровне. На первый взгляд дискуссия шла о сравнительно узком вопросе – профсоюзной практике. Однако на самом деле проблема стояла шире. Рабочий класс оставался титульным для Советской власти. Расширение его демократических прав означало бы расширение демократии в жизни общества в целом. Дискуссия о профсоюзах касалась и народно-хозяйственных вопросов. Главное, что она помогла понять советскому руководству, что без выхода из системы «военного коммунизма» преодоление кризиса невозможно.

Причины победы большевиков в гражданской войне

Гражданская война, расколовшая тело нации, имела для России тяжелейшие последствия, которые были усугублены военной интервенцией иностранных государств. Не считая экономических, культурных, нравственных потерь, война принесла громадные людские жертвы. В различных научных трудах и публицистике говорится о 10, 12, 20 млн погибших. В значительной мере эти данные завышены. Характерно, что тенденция к завышению потерь в гражданской войне обнаруживается уже в советской историографии. Во-первых, это позволяло затушевывать истинные причины экономического кризиса на последнем этапе гражданской войны. Во-вторых, это помогало обличать интервентов и белогвардейцев в их зверствах. Теперь колоссальные потери в гражданской войне служат доказательством порочности революции и большевистского режима.

В действительности жертвы гражданской войны были не столь масштабны, как об этом принято было писать в прошлом и как стараются писать в наши дни. Новейшие исследования с применением комплексных методов позволяют называть точные данные демографических потерь в гражданской войне. Следует согласиться с украинским историком А. Зdroвым, который указывает, что гражданская война унесла жизни около 4,5 млн человек, или 3% населения страны. Из них боевые потери Красной Армии составляют, по подсчетам академика Ю. Полякова, 939 755 человек. Примерно такие же потери понесли и белые. Остальные потери – это жертвы красного и белого террора, умершие от эпидемий тифа и других болезней, косивших как военное, так и гражданское население,

а также умершие от голода. Таков реальный итог гражданской войны – основную массу умерших и погибших составило мирное население.

В демографических потерях гражданской войны следует учитывать также примерно 2 млн эмигрантов, среди которых не менее половины являлись представителями научной, художественной и иной интеллигенции – то есть слоев общества, до революции составлявших культурную элиту нации. Кроме того, война оставила после себя миллионы калек, беспризорных, людей, утративших кров и семью, что также еще долгие годы сказывалось на развитии страны.

Главным позитивным результатом гражданской войны явилось воссоздание единого российского государства – за исключением лишь некоторых окраинных территорий – фактически в прежних его границах. Но теперь это была уже не императорская, а Советская Россия. В чем же крылись причины поражения антибольшевистских сил и победы большевиков? Их было несколько. Можно выделить внешние и внутренние факторы, повлиявшие на окончательный исход противоборства тех и других.

Среди внешнеполитических факторов победы большевиков в советской историографии чаще всего называлась поддержка, которую трудящиеся разных стран оказывали Советской России. Придя к власти, большевики открыто выступили глашатаями и проводниками идей мировой революции. Пытаясь кругам Запада удалось подавить очаги революционного брожения вне России, но они не смогли ликвидировать симпатию к русской революции и чувства солидарности с ней значительной части трудящихся своих странах. В тот период многие передовые люди верили, что социально-политический эксперимент, начатый русской революцией, способен открыть новую, более совершенную и справедливую эру мировой истории. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что русская революция победила в условиях мировой войны, острейшего соперничества между ведущими державами Запада. Отсутствие между ними единства позволило большевикам активно маневрировать на международной арене, сталкивая интересы отдельных стран, отстаивая национально-государственные интересы страны.

Отсутствие единства называют и среди внутривнутриполитических причин слабости антибольшевистских сил. Кроме того, белому движению не удалось выработать собственной эффективной политики по аграрному, национальному, рабочему и другим важнейшим для России того времени вопро-

сам, в то время как большевики, напротив, предпринимали энергичные усилия, направленные на их решение, а также на создание новой – советской – государственности взамен разрушенной революцией. Близки оказались людям и идеи социальной справедливости, которые отстаивали большевики. До сих пор остается спорным вопрос о роли красного террора как фактора победы большевиков. Одни исследователи отмечают его решающее значение, другие находят, что по масштабам он отличался от белого террора не принципиально и потому не может всерьез рассматриваться в качестве одной из причин того, что верх в борьбе оказался на стороне большевиков. Другое дело, что постепенно красный террор из формы классовой борьбы превращался в политику навешивания элементарного порядка, что в стране, раздираемой противоречиями, не только не вызывало осуждения, но и находило сочувствие у части населения. Среди обстоятельств, которые способствовали успеху большевиков, называют и неприятие населением прежних, дореволюционных порядков, всего «старорежимного».

Наконец, среди обстоятельств, способствовавших упрочению Советской власти, можно указать на несколько моментов военно-стратегического характера. Изначально большевики смогли закрепиться в самых густонаселенных губерниях. Эта территория была наиболее развита как в социально-экономическом, так и в духовно-культурном отношении. Подконтрольные большевикам районы обладали развитой транспортной системой, позволявшей быстро перебрасывать большие массы вооруженных людей с одного фронта гражданской войны на другой. В Петрограде и Московском промышленном регионе действовало большинство военных предприятий. Здесь концентрировалось наибольшее число промышленных рабочих. Именно на этих территориях меньше шести десятилетий назад существовали крепостнические порядки, память о которых все еще жила в местной деревне. В этих великорусских губерниях Столыпин проводил перестройку аграрной сферы, что тоже не прошло бесследно для большинства местного крестьянского населения. Все отмеченные факторы способствовали устойчивости советского тыла.

Назовем еще одну причину победы красного проекта, о которой в наши дни предпочитают умалчивать творцы черной мифологии о нашей истории XX в. А вот прежде противники большевизма говорить о ней не стеснялись. Так, крупный деятель эмиграции, один из теоретиков сменовеховства, профессор Н. Устрялов в своих работах сформулировал ее с пре-

дельной откровенностью и четкостью. «Противобольшевистское движение, – признавал он, – <...> слишком связало себя с иностранными элементами и потому окружило большевизм известным национальным ореолом, по существу, чуждым его природе».

Большевикам удалось убедить огромные массы людей, прежде всего крестьянства как носителя традиционного народного патриотизма, что именно они являются защитниками целостности и независимости России. «Живой и понятный лозунг, умело брошенный большевиками, имеющий конечной целью объединение России и сохранение ее целостности, сам собой поднимает народ и заставляет его братья за оружие. А тот же призыв за “единую неделимую” в устах вождей антисоветского движения оставался в большинстве случаев немым для широких масс населения», – должен был признать, осмысливая причины неудачи белого движения, видный участник антибольшевистского подполья, а затем главнокомандующий вооруженных сил коалиционной Уфимской директории генерал В. Г. Болдырев. Это и было одним из решающих факторов успеха большевиков. Даже такой, казалось бы, тактический эпизод первых месяцев гражданской войны, как перенос большевиками столицы в Москву, помог им закрепить представление о себе как о единственной подлинно национальной силе. Большевики, укрепившись в древней русской столице, стали восприниматься населением в качестве наследников прежней русской государственности, их режим выглядел гораздо более легитимным в сравнении с многочисленными антибольшевистскими правительствами, появлявшимися, как правило, на окраинах страны, которые воспринимались населением как сепаратистские. Существование множества националистических и белых правительств вело к распаду единого геополитического пространства, тогда как большевики, вожди которых хотя и грезил идеями мировой революции, способствовали его сплочению и консолидации.

Вопросы для самостоятельной работы по теме лекции

Можно ли в наши дни ответить на вопросы о причинах, характере и виновниках гражданской войны?

Какое событие гражданской войны можно назвать решающим, или важнейшим?

Достижима ли победа в гражданской войне?

Краткая библиография

Источники

1. Антибольшевистское правительство (Из истории белого движения): Сб. документов. – Тверь, 1999.
2. Ижевско-Воткинское восстание. – М., 2000.
3. *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция: В 2 т. – М., 1990.
4. Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917–1922. Документы и материалы. – М., 1990.
5. Пилсудский против Тухачевского. – М., 1991.
6. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. – М., 1991.
7. Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. I–II. – Архангельск, 1993.
8. *Ефимов А. Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками. 1918–1920. – М., 2008.
9. Ярославское восстание. Июль 1918. – М., 1998.
10. *Врангель П. Н.* Воспоминания. Кн. 1–2. – М., 1992.

Исследования

1. *Гимпельсон Е. Г.* Советские управленцы. 1917–1920 гг. – М., 1998.
2. *Голуб П. А.* Мятеж, взорвавший Россию. – М., 2003.
3. *Давыдов А. Ю.* Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. – СПб., 2002.
4. *Ильюхов А. А.* Политика Советской власти в сфере труда (1917–1922 гг.). – Смоленск, 1998.
5. *Литвак А.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. – М., 2004.
6. *Молчанов Л. А.* Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). – М., 2002.
7. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М., 2001.
8. *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России. Власть и массы. – М., 1997.
9. *Трукан Г. А.* Антибольшевистские правительства России. – М., 2000.
10. *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. Т. 1–2. – М., 2008–2009.
11. *Цветков В. Ж.* Белые армии юга России. 1917–1920. – М., 2000.
12. *Яров С. В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. – СПб., 1999.

Лекция 4.

СОВЕТСКАЯ СТРАНА В 20-Е ГОДЫ ХХ ВЕКА

Основные черты и направления реформ

В марте 1921 г. в жизни страны происходит резкий поворот. На X съезде РКП(б) принимается решение о переходе к новой экономической политике. Новый курс означал отход от методов чрезвычайщины. Разъясняя в одном из выступлений природу нэпа, В. И. Ленин отмечал, что политика «завинчивания гаек» первоначально не планировалась большевиками, а была вызвана гражданской войной: разрухой и сопротивлением свергнутых классов. При этом он ссылаясь на плодотворный опыт мирной передышки весной 1918 г., когда большевики смело шли на сотрудничество со всеми, кто готов был работать на восстановление страны. Предвидя возможные возражения партийных доктринеров, Ленин подчеркивал, что в руках государства останутся важнейшие отрасли производства (по терминологии тех лет – командные высоты). Тем самым получалось, что строительство социализма по-прежнему оставалось целью большевиков.

Ленин выделял пять условий для этого: индустриализация, коллективизация, решение национального вопроса, культурная революция, реформа государственного аппарата. С точки зрения В. И. Ленина, сущность нэповского маневра заключалась в подведении экономического фундамента под «союз рабочего класса и трудящегося крестьянства», иначе говоря – предоставление известной свободы хозяйствования преобладавшей в стране многомиллионной массе мелких товаропроизводителей с тем, чтобы снять их острое недовольство властью и обеспечить политическую стабильность в обществе. С переходом к нэпу предполагалось двигаться к социализму не методом «штурма и натиска», а путем «постепенных», как тогда говорили, реформ. Больше внимание предполагалось уделять объективным законам, прежде всего экономическим. Гражданская война должна была уступить место гражданскому миру и согласию.

В советской и современной историографии акцент делался именно на эту «миротворческую» составляющую нэпа. Нэп многим авторам представлялся самой спокойной, бескризисной исторической вехой в отечественной истории всего ХХ в. Такой взгляд слабо соответствует той тяжелой, драматичес-

кой ситуации, в которой страна оказалась после окончания гражданской войны. Гражданская война стала следствием очень серьезных, глубоких причин. По сути, она означала, что в обществе сложились группы, совершенно по-разному видящие свое будущее. В ходе боев можно было лишь подавить одну из сторон, заставить ее считаться с мнением другой. Но преодолеть причины раскола силой оружия было невозможно. Заряд ненависти, приведший российское общество к братоубийственному противостоянию, с исчезновением фронтов гражданской войны никуда не девался. Просто конфликты и противоречия уходили вглубь, становились менее различимыми, но отнюдь не менее острыми. По сути, на протяжении всего нэповского времени шло изживание этого наследия минувшей эпохи. При этом противостояние продолжалось, принимая новые формы: бытового насилия, бандитизма, экстремизма в идеологии, экономического соревнования. Все это превратило нэп в одну из самых сложных, взрывоопасных эпох в истории России. По своему драматизму она ничем не уступала предшествующему периоду революции, являясь мирным этапом переживаемого нацией разлома.

За 1–2 года реформы затронули самый широкий спектр сфер общества. В управлении предстояло перейти от органов власти военного времени к гражданским. Перемены назревали в правящей партии. Отшумевшая дискуссия о профсоюзах выявила неизбежность реформы массовых организаций. Переход от войны к миру требовал появления новых ориентиров в идеологии и пропаганде. Не за горами были перемены в системе образования, в культуре в целом. Широкий комплекс мероприятий был вызван переходом к рыночным, товарно-денежным отношениям в экономике: организация производства времен «военного коммунизма» необратимо уходила в прошлое, но что должно было прийти ей на смену? Какие механизмы регулирования, оплаты труда, управления способны были, не нарушая принципов социальной справедливости, содействовать поднятию эффективности производства? Ситуация осложнялась тем, что, приступая к нэповским реформам, советское руководство вступало в область неведомого: если нечто подобное «военному коммунизму» в виде системы «военного социализма» существовало во многих странах, то о создании социально ориентированной рыночной экономики раньше никто даже и не помышлял, все задуманные начинания приходилось осуществлять впервые в мировой истории.

В конечном итоге приоритетом стали реформы именно в народном хозяйстве. Это было понятно – без прорыва на

этом «фронте» нельзя было решать ни политических, ни чисто культурных задач. Именно в экономике решался вопрос о сохранении России как самостоятельного, сильного государства. Экономическая система, которая должна была сложиться в результате реформ, по мысли инициаторов нэпа, прежде всего В. И. Ленина, должна была опираться на несколько экономических укладов. Идеи о будущем развитии страны были изложены им в работах 1922–1923 гг., часто называемых «ленинским завещанием». Наибольший интерес из них представляли дневниковые заметки и статьи «К вопросу о национальностях или автономизации», «Письмо к съезду», «О кооперации», «Странички из дневника», «О придании законодательных функций Госплану», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать рабкрин» и некоторые другие.

Согласно теории многоукладности, основы которой прослеживаются в последних ленинских работах, однородных общественно-экономических формаций в реальности никогда не существовало. Экономика каждой страны и каждой эпохи включает в себя множество различных экономических укладов. Формационная принадлежность общества при этом определяется тем, какой экономической уклад является господствующим. В Советской России, по мысли Ленина, таким укладом был социалистический. Но существовали и другие: государственно-капиталистический, капиталистический, мелкотоварный, натуральный. Дальнейшее развитие должно было идти не через уничтожение всех этих укладов, а через их постепенную ассимиляцию социалистическим укладом.

Основные принципы нэпа в народном хозяйстве

Среди первоочередных задач, заявленных X съездом РКП(б), было возрождение деревни. В марте 1921 г. специальным декретом уничтожалась продразверстка. Она заменялась продналогом. Сумма продналога примерно вдвое уступала продразверстке. Уже это существенно облегчало положение крестьян. Но главное заключалось в создании материальной заинтересованности крестьянства в расширении производства: продналог определялся заранее, а все излишки оставались в крестьянском хозяйстве. Именно эта мера в массовом сознании тех лет и последующей научной литературе стала символом перехода к нэпу.

Вместе с тем введение новой экономической политики не было одnorазовым актом. Время весны–лета 1921 г. в этом смысле можно было бы условно назвать «пред-нэпом». В эти

месяцы освобождение товарно-денежных отношений в полном объеме реализовано еще не было. Крестьянам разрешалось торговать продуктами своего труда только в пределах местного оборота неподалеку от места проживания. Главным направлением смывки определялся прямой товарообмен между городом и деревней при посредничестве Наркомата продовольствия и кооперации. Только к осени 1921 г. права крестьян по реализации продукции были расширены.

В дальнейшем принципы нэпа в сельском хозяйстве последовательно расширялись. Первоначально продналог взимался по классовому принципу, с учетом урожая, числа едоков и прочего. Кроме зерновых, такая же система отчислений распространялась и на производимые крестьянским двором молоко, яйца и другие продукты. Декретом ВЦИК от 2 марта 1922 г. эта дробная система натуральных налогов заменялась натуральным налогом, но взимавшимся только основной культурой для каждого района страны. Через год вводится единый сельхозналог, который вскоре начинает взиматься исключительно в денежной форме. Вплоть до 1925 г. делаются послабления для тех хозяев, кто использовал наемный труд, сложные сельскохозяйственные механизмы. Упрощаются арендные отношения. Все это способствовало быстрому развитию в деревне рыночных отношений.

Восстановлению сельского хозяйства нанес тяжелейший урон голод, охвативший 34 губернии Поволжья, земледельческого Центра, Северного Кавказа, Украины. Всего в этих губерниях проживало 30 млн человек. Главной причиной голода стала небывалая ситуация, когда подряд два года (1920 и 1921) выдались неурожайными. Кроме того, и в советской, и в современной исторической науке среди причин голода называют громадные разрушения, обескровившие деревню в годы гражданской войны. Очевидно и другое: трудности, связанные с преодолением голода, усугублялись неподготовленностью к нему органов управления. Система управления народным хозяйством в тот момент находилась в состоянии трансформации – новые экономические рычаги еще не успели заработать, тогда как прежние, административные, оказались уже разрушены.

Нэповские реформы не ограничивались аграрным сектором экономики. В промышленности государство избрало более сложный путь реформ. Предполагалось, что в промышленной сфере удастся сочетать как плановые, так и рыночные механизмы. В русле создания механизмов планового регулирования 22 февраля 1921 г. принимается декрет о формировании

Государственной плановой комиссии (Госплана). Разворачиваются работы по реализации экономической части плана ГОЭЛРО. В электроэнергетику направлялись самые крупные капиталовложения. Начинается строительство новых электростанций. Первенцами ГОЭЛРО становятся две электростанции в Подмосковье – Каширская, давшая первый ток уже в 1922 г., и Шатурская, вошедшая в строй в 1925 г. Внедрение в экономику плановых начал осуществлялось в нашей стране впервые в мировой истории и позволило существенно ускорить и оптимизировать восстановительные процессы в народном хозяйстве.

Начало рыночных реформ было закреплено в августе 1921 г. решениями СНК и Совета труда и обороны (СТО). Согласно одобренному руководством страны замыслу предполагалось перевести промышленность на самофинансирование. Система главков, ставшая символом «военного коммунизма», упразднялась. Ей на смену шло трестирование важнейших предприятий. С этого времени трест становился основной производственной единицей в государственной промышленности. Согласно закону 1923 г. тресты должны были действовать на принципах коммерческого расчета. В 1927 г. права треста и входивших в него предприятий были сокращены, но и после этого тресты по-прежнему обладали широкой производственной инициативой. Для оптимизации их рыночной деятельности создавался специальный снабженческо-сбытовой аппарат, то есть осуществлялась политика синдицирования. Синдикаты представляли собой всесоюзные торговые объединения трестов. Финансовая база синдикатов формировалась за счет паевых отчислений входивших в них трестов. Синдицирование позволило устранить конкуренцию между трестами и овладеть рынком, тем самым не допустив во взаимоотношения между государственными предприятиями частного спекулянта.

Частный капитал получил другое поле деятельности. В промышленности частники могли вкладывать средства в развитие мелких и средних предприятий. Эти предприятия сдавались частникам в аренду или полностью передавались в их руки в результате проведенной в 1921 г. масштабной денационализации. Частновладельческие предприятия в большинстве представляли собой мелкие предприятия – маслобойни, мельницы, пивоварни, галантерейные фабрики, ремонтные мастерские и т.д. Число рабочих на них редко превышало 50 человек. Наиболее активно частный капитал развивался в легкой промышленности: если в черной металлургии существовало лишь одно частное предприятие, то в таких отраслях, как мукомольная, маслобойная и другие, частный сектор мог

временами производить до 1/3 всей продукции. Существование частного капитала создавало материальную базу имевшихся в обществе оппозиционных настроений, вызывало обеспокоенность большевистского руководства.

Одной из форм присутствия частного капитала в советской экономике 1920-х годов становятся концессионные предприятия, передававшиеся на определенных условиях в пользование иностранным предпринимателям. В стране ощущалась острая нехватка валютных средств, поэтому декрет о концессиях появился еще до перехода к новой экономической политике – 23 ноября 1920 г. Предполагалось, что концессии будут выдаваться прежде всего тем зарубежным предпринимателям, которые имели свою собственность в дореволюционной России, что хотя бы отчасти должно было смягчить звучавшие в тот период со стороны Запада требования возместить ущерб, нанесенный революцией частным лицам. Тем самым создание совместных предприятий должно было стать важным инструментом прорыва внешнеэкономической блокады.

Многие советские лидеры приняли личное участие в создании концессионных предприятий. Так, по данным отечественных и зарубежных историков, Л. Д. Троцкий имел долю 80 тыс. рублей в «Москусте» – акционерной компании, контролирующей ткацкие, бумажные и обувные фабрики, кожзаводы и т.д., доля его заместителя на посту председателя РВС Э. М. Складского оценивалась в 45 тыс. рублей; долей в одном из концессионных предприятий обладал командующий Московским военным округом Н. И. Муралов. Г. Е. Зиновьев имел интересы в «Аркосе» и Ленинградском табачном тресте, а также располагал 45% акций Волховской акционерной компании; у Г. В. Чичерина был вклад в смешанной компании «Тюршелк», а Ф. Э. Держжинский являлся председателем Каменноугольной совместной акционерной компании и владел в ней долей 75 тыс. рублей.

В основном концессии возникали не в центре страны, а на периферии. Наиболее привлекательными для иностранного капитала оказались легкая, горная, деревообрабатывающая и некоторые другие отрасли промышленности. По ряду товаров, таких как карандаши или стальные перья для ручек, совместные предприятия полностью покрывали потребности страны и даже экспортировали свою продукцию в Англию, Персию, Китай и другие страны. Тем не менее в целом концессионная политика не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Неурегулированность отношений между СССР и ведущими экономически развитыми странами, взаимное недоверие, неразви-

тость концессионного законодательства замедляли рост числа концессий: в 1921 г. действовало 5, в 1922 г. – 10, в 1923 г. – 32, а в середине 1926 г. – 52 концессионных предприятия. В совокупности они производили около половины процента от стоимости валовой продукции промышленности СССР.

Предпринятые для оживления промышленности шаги дали позитивные результаты. Особенно успешно шло восстановление легкой промышленности. Уже к 1922 г. удалось в 2,5 раза поднять производство хлопчатобумажных и льняных тканей. Несколько медленнее, но тоже поступательно продвигалась развитие тяжелой промышленности. В течение 1–2 лет ее продукция возросла не менее чем на треть. К 1922 г. во всех отраслях промышленности увеличилась производительность труда. Ее рост составил более 100% относительно показателей 1921 г. Возрос грузооборот транспорта, почти сравнявшись с довоенным. В насыщении рынка, что признавалось одной из ключевых задач нэпа, активно участвовали и частники. В 1923 г. им в аренду было сдано 6220 предприятий. Государство сохраняло ведущую роль в оптовой торговле, но в розничной доля частника достигла 83%. Налоги на частника приносили казне свыше 70 млн рублей, которые шли на социальные нужды и развитие тяжелой промышленности.

Успехи, достигнутые в области промышленности и сельского хозяйства, позволили провести денежную реформу, которая, в свою очередь, стала важным элементом начатых преобразований. Реформа проводилась в 1921–1924 гг. и включала несколько этапов. С 1921 г. возобновил свою работу Государственный банк, были завершены подготовительные мероприятия в области стабилизации финансов. Первым шагом к проведению реформы становится проведение двух деноминаций денежных знаков. Первая состоялась в 1922 г. Были выпущены новые денежные знаки образца 1922 г. – так называемые совзнаки. Один новый рубль обменивался на 10 000 старых. Следующая деноминация прошла в 1923 г. Один совзнак образца 1923 г. обменивался на 100 совзнаков образца 1922 г., или 1 млн прежних рублей. Одновременно с этим с октября 1922 г. Госбанк осуществил выпуск новой денежной единицы, обменивавшейся на золото, – червонца. В обращение вводились банковские билеты достоинством 1, 3, 5, 10 и 25 червонцев. С 1923 г. для некоторых внешних расчетов была отчеканена золотая монета достоинством в один червонец. По своему содержанию советский червонец был равен 10 царским рублям. Таким образом, в стране сложились две денежные системы: падающие совзнаки образца 1922–1923 гг., и твердый золотой червонец.

Выпуск червонца означал начало реформы. Подготовка к ней шла заблаговременно. В 1921 г. восстанавливается демонтированный в предшествующие годы Монетный двор. На нем был налажен выпуск серебряной монеты для создания необходимого в будущем запаса разменных денег. На монетах достоинством 1 рубль, 50, 20, 15 и 10 копеек помещалось изображение герба РСФСР. Позже, с 1924 г., на серебряных монетах, а также на медных монетах достоинством 5, 3, 2, 1 и 1/2 копейки, выпуск которых был начат с этого года, изображался уже герб СССР. По своему весу, пробе, а некоторые монеты даже по внешнему виду напоминали царские серебряные и медные монеты. Помимо экономических это преследовало и психологические цели: появление привычной разменной монеты должно было заставить население поверить, что развал в экономике остался позади и жизнь начала налаживаться. В 1924 г. реформа была завершена. Накопленная разменная монета образца 1921–1923 гг. и 1924 г. была запущена в обращение. Одновременно с этим в обращение поступали казначейские билеты достоинством 1, 3 и 5 рублей золотом. Проводился обязательный обмен старых денег на новые по курсу 1 рубль 1924 г. – 50 тыс. рублей совзнаками образца 1923 г., или 50 млрд неденоминированных рублей. Правительственным декретом запрещалась денежная эмиссия для покрытия бюджетного дефицита.

Основные противоречия и кризис нэпа

Переломным не только для денежной реформы, но и для всей нэповской экономики становится 1925 год. К этому времени задачи восстановления народного хозяйства были в основном завершены.

Восстановительный период проходил в тяжелейших условиях, когда приходилось рассчитывать только на старое оборудование. В стране не было свободных средств на внедрение новых технологий и новой техники. И тем не менее в Советском Союзе восстановительный период занял всего 3–5 лет, тогда как Германия и Франция, существенно меньше пострадавшие от войны, на свое восстановление затратили более 10 лет. К 1925 г. советская промышленность освоила все имевшиеся в стране производственные мощности, оставленные или пострадавшие в период войны. Промышленное производство составило 75% от довоенного. Еще быстрее возрождалось село.

Однако восстановление народного хозяйства на старой технической и организационной основе не устранило диспропор-

ций, существовавших в отечественной экономике с дореволюционного времени.

Поэтому на протяжении всего нэповского времени идет поиск наиболее оптимальных механизмов управления народным хозяйством, которые позволили бы ускорить экономическое развитие страны на рельсах индустриализации.

В условиях новой экономической политики принципы работы государственных хозяйственных органов и предприятий, как известно, меняются – их взаимоотношения начинают строиться не только на принципах административного подчинения, но и на рыночных принципах. Теоретически считалось, что в результате того, что к прежним административным скрепам советской экономики добавятся новые для нее рыночные, стабильность и управляемость народного хозяйства повысятся. Под сочетание административных и товарно-денежных рычагов создавалась совершенно новая система государственных хозяйственных органов (схема 1). В ней место упраздняемых забюрократизированных главков заняли тресты, деятельность которых должна была строиться на принципах коммерческого расчета и широкой самостоятельности отдельных предприятий, входивших в трест в качестве его структурных звеньев.

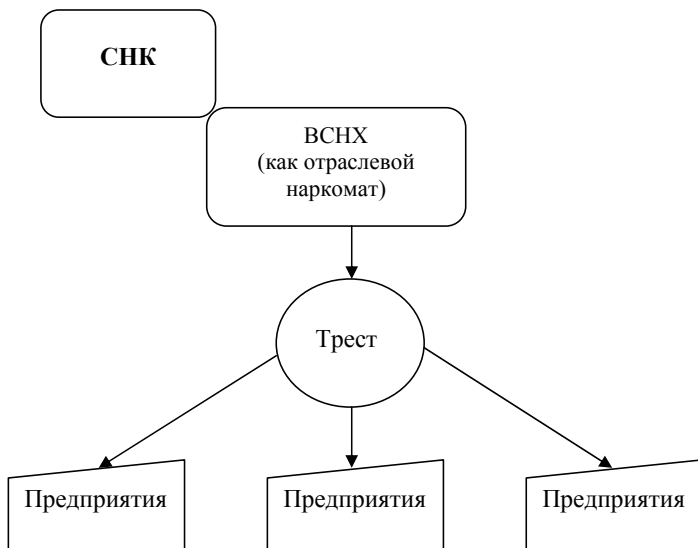

Схема 1. Система государственных хозяйственных органов, созданная в период новой экономической политики

Почему же нововведения оказались неэффективны и даже, наоборот, разрушительны?

Во-первых, в условиях блокады, устроенной Советскому Союзу его экономическими и геополитическими конкурентами, рыночные рычаги в полном объеме заработать не могли. Разоренная страна самостоятельно, даже восстановив финансовую систему, не могла поддерживать стабильность своей валюты без внешних вливаний. Проще говоря, без иностранных кредитов и займов советские банки оказались обескровленными, а биржи – маломощными. Через них нельзя было контролировать и направлять экономическое развитие, что автоматически вело к повышению роли административных принципов управления народным хозяйством. Мир к 20-м годам XX в. уже вступил в фазу начальной глобализации (создания мирового рынка), и принудительная изоляция СССР от процессов мировой рыночной интеграции могла привести и привела исключительно к неэффективности современных рыночных механизмов и стагнации всей нашей экономики, ориентированной на реанимацию товарно-денежных отношений.

Во-вторых, само по себе введение новых рыночных принципов управления советской экономикой никоим образом не улучшало функционирования существовавших прежде рычагов административного воздействия, и они по-прежнему требовали усовершенствования и отладки.

Следствием указанных обстоятельств становится нарушение связей и взаимодействия по всей вертикали управления народным хозяйством. Между его отдельными элементами на практике образовался опасный вакуум. Кризисные моменты дополнялись коррупцией, которая прежде имела куда меньшие размеры. Управляемость экономикой падала, а потребность в модернизации и защите национальной независимости сохранялись в не меньшем объеме. Нэпом были решены лишь две текущие задачи, связанные с переходом от войны к миру и восстановлением уже имевшегося прежде экономического потенциала. Все остальные, более глубокие и масштабные, задачи нэпом решены не были. Использовать мировой опыт организации государственно-монополистического капитализма в условиях блокады со стороны ведущих стран капитализма с выгодой для себя не получалось, для России-СССР этот опыт оказался малоприменимым, заводящим в тупик. Обострилось важнейшее противоречие нэпа, на котором следует остановиться подробнее.

В последние годы стало расхожим утверждение, что основным противоречием нэпа являлось противоречие между либеральной экономикой и авторитарной политической системой. Любопытно, что авторы, отвергающие марксизм в данном вопросе, во всех остальных вопросах дословно повторяют слова Маркса о противоречиях между базисом и надстройкой. На практике это противоречие не было ни главным, ни даже второстепенным, его значение сегодня резко, можно сказать спекулятивно, преувеличивают. Либеральная экономика и авторитарное управление вообще не могут считаться чем-то противоречащим одно другому, что легко подтверждается примером таких разных стран, как коммунистический Китай и Чили времен генерала Пиночета.

Противоречий нэпа было несколько, и если уж выделять главное, то это противоречие между низкими стартовыми возможностями и грандиозными задачами предстоящей социально-экономической реконструкции, которое проявилось в целом ряде вытекавших из него второстепенных противоречий, таких как противоречие между современной, но слабой промышленностью и отсталым, но доминирующим сельским хозяйством; между низким органическим строением капитала и необходимостью повышения нормы прибыли; между внедрением рыночных механизмов в сельское хозяйство и падением его товарности; между ростом внутреннего потребления и необходимостью наращивать экспорт зерна и т.д.

Именно следствием противоречий, имманентно присущих нэповской экономике, стал разразившийся в 1923 г. кризис перепроизводства. Разумеется, о реальном насыщении рынка товарами не могло быть и речи. Затоваривание происходило, как это всегда и случается в условиях рынка, из-за падения спроса. В свою очередь, спрос падал из-за низкой покупательной способности населения, прежде всего крестьянства, и обострившейся диспропорции цен на сельскохозяйственные и промышленные товары. Цены на продукцию крестьянского хозяйства стали падать, а на продукцию государственной промышленности – расти. Один гвоздь или молоток стал стоить дороже мешка картошки. Ножницы цен привели к кризису сбыта и затовариванию промышленной продукции. Заводы оказались без денег и не могли платить рабочим зарплату. Кризис был ликвидирован лишь путем административного понижения цен на продукцию заводов и за счет импорта нужных селу товаров. Но вывод об ускоренном развитии промышленности сделан не был. Наоборот, появилась вера в разовые командно-административные меры и стихийную способность

рынка в дальнейшем сгладить возникшие диспропорции. С целью совершенствования рыночных механизмов снимались некоторые существовавшие прежде ограничения с зажиточного крестьянства. Им, в частности, предоставлялись кредиты и льготы при закупке импортной техники. Эти послабления привели, например, к тому, что более 2/3 ввозимых за золото машин попадали в частные руки.

Новый кризис, потрясший до основания нэповскую систему, приходится на 1925 г. Он был связан с провалом мероприятий по хлебозаготовкам. В рамках проводимого курса хлебозаготовительная компания 1925 г. должна была опираться на частных заготовителей, которым вновь предоставлялся широкий кредит. Предполагалось, что это приведет к увеличению закупок зерна и падению цен на него. Но в действительности произошло все наоборот. Частные заготовители в городе и деревне быстро уяснили свой общий экономический интерес, и цены взметнулись вверх. План по сбору и экспорту зерна был сорван. Промышленность оказалась без средств к развитию, а крестьянство в целом – без промышленных товаров. Разразился мощнейший кризис 1925 г., потрясший весь фундамент нэпа. С того времени при сохранении курса на рыночные реформы началось свертывание прав частника.

В 1927 г. разразился новый кризис, когда цены на продукцию города вновь стали опережать цены на продукцию села. К тому времени все возможные ресурсы мелкого и среднего крестьянского хозяйства были исчерпаны. С 1927 г. страну поразила депрессия. Стагнацию дополняли ежегодные (1927, 1928, 1929) кризисы хлебозаготовок. Необходимо было искать иные пути развития деревни. Модель нэпа к этому пригодна не была. К тому же неожиданно высокой оказалась социальная цена нэповских реформ. Переход к миру не смог автоматически преодолеть в массовом сознании низов и верхов психологию гражданской войны. Более того, прежде сдерживаемая государственным (красным либо белым) террором низовая агрессия теперь могла почти свободно выплескиваться наружу. Массовая деструкция дополнялась ожившими в массах надеждами на свое, доброе государство, способное решить все проблемы, стать арбитром во всех возникавших в обществе спорах. К существовавшим прежде противоречиям добавлялись новые, возникавшие в ходе начавшегося переустройства общества.

Противоречия новой экономической политики вызывали серьезное социальное напряжение в обществе.

Особенно при переходе к нэпу оказались ущемлены интересы рабочих, что имело и экономические, и социально-пси-

хологические причины. Привыкшие считать себя хозяевами страны, победителями в революции, рабочие с ненавистью смотрели на лоснящиеся витрины магазинов, цены в которых были недоступны для них, на проносящихся в легковых авто разодетых нэпманов, на «красных управляющих», вышедших из рабочей среды и теперь полностью порвавших с ней, на «спецов» – бывших хозяев и мастеров, за хорошую плату пошедших на службу к Советам. Годы нэпа становятся временем роста стачечной активности рабочего класса. Пик стачечной волны нэповского времени приходится на 1923 г. С апреля по сентябрь 1923 г. состоялось не менее 5611 трудовых конфликтов, в том числе 191 забастовка. А в период наивысшего обострения кризиса «ножниц цен», по данным ОГПУ, состоялось 217 забастовок, в которых приняли участие 165 тыс. человек.

В последующие годы количество бастовавших сокращается, но это происходит в большей степени за счет затухания импульсов гражданской войны, нежели благодаря улучшению жизни рабочих. Зарплата и другие способы мотивации труда, конечно, совершенствовались. Вместе с тем для нэповской экономики были характерны такие явления, как постоянные задержки зарплаты, отставание темпов ее роста от темпов роста цен, а также безработица – к концу нэпа число безработных достигло уже 2 млн.

Социальная напряженность росла и в деревне. Противоречия новой экономической политики вызывали серьезное социальное напряжение в обществе. Частники были недовольны сворачиванием рыночных начал в экономике. С другой стороны, бедное и среднее крестьянство не всегда было способно прокормить себя. При этом в результате законов рыночной экономики бедность средних и нижних слоев деревни не преодолевалась, а консервировалась. В тоже время на другом полюсе происходило обогащение 5–10% кулацких хозяйств. Следствием этого становится набирающий обороты процесс социального расслоения, обострявший противоборство между бедными и зажиточными крестьянами.

Возрождение империи или прообраз мировой коммуны?

XX век стал веком разрушения империй. Первыми не выдержали хода истории Османская империя, Австро-Венгрия, Россия. Такого мощного импульса распада национального организма, как в 1914–1918 гг., Россия прежде никогда не испытывала. Нужен был новый стержень, новая национальная

идея, чтобы сплотить рыхлое государственное тело. В пылу мировой революции ни сам В. И. Ленин, ни большинство его сторонников не задумывались о будущих границах государства. Когда же надежды на немедленную победу западного пролетариата не сбылись, Ленину пришлось более внимательно отнестись к проблеме национально-государственного устройства России.

На обломках еще недавнего громаднейшего государства возникло много мелких, слабо приспособленных к самостоятельной политике стран: Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и другие, которые сразу подпадали под влияние других держав. Некоторые из них попытались воспользоваться временной слабостью своего великого соседа. Польша успела не только отделиться, но и захватить часть украинских и белорусских территорий. Поживилась за счет России Румыния, оккупировав часть Молдавии. Кроме нейтральных и враждебных государств, на территории Российской империи возникло несколько дружественных советских государств, но проводящих свою собственную политику: Украина, Белоруссия, Армения, Грузия, Азербайджан. Несколько государственных образований укрепилось в Средней Азии, куда сразу устремились англичане. На территории собственно великорусских губерний в годы гражданской войны тоже существовало несколько «независимых» советских, федеративных и прочих республик.

Но в разлуке и опустошении гражданской войны начали пробиваться ростки новой государственности. Их основой стали Советы рабочих и крестьянских депутатов. Шедшее из основ народного самоуправления, новое государственное устройство позволяло найти общий язык между народами прежней державы. Неслучайно основой для возрождения национального организма стали советские республики: Россия, Украина, Белоруссия. Условиями их объединения стали единство политического устройства, общие цели общественного переустройства, общая экономическая база социализированной промышленности и сельского хозяйства.

На этой основе в 1918–1921 гг. начинает складываться союз между этими государствами. РСФСР заключает с Белоруссией, Украиной, Грузией, Азербайджаном и Арменией союзные договоры. Система договоров оформляла отношения в военно-хозяйственной и дипломатической сферах. Все эти договоры предусматривали равноправие сторон, сохранение их независимости, совместную оборону. Союзные социалистические республики добровольно объединяли под руководством высших государственных органов РСФСР деятельность вооруженных

сил, крупной промышленности, финансов, транспорта, почтово-телеграфной связи. Украина и Белоруссия объединяли с Россией еще и внешнюю торговлю. Представители всех советских государств входили во ВЦИК РСФСР и принимали участие в работе всероссийских съездов Советов. По сути, в 1921–1922 г. наметился процесс вхождения независимых советских республик в РСФСР на правах автономий. Необходимость создания единого государства определялось серьезными причинами. Нужно было объединить скудные в то время экономические ресурсы для более успешного восстановления разрушенного народного хозяйства и осуществления нэпа. Объединение республик обеспечило бы их независимость и позволило бы успешнее решать и внешнеполитические задачи: оборонные, дипломатические.

Вопрос о государственном оформлении союза советских республик становился все более актуальным. Первоначальный план такого объединения был разработан наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным. Еще в 1917 г. он относился к идеям мировой революции скептически, выдвигая на первый план интересы Советской России. И в последующие годы он оставался последовательным сторонником государственного единства. Летом 1920 г. Сталин писал Ленину, что для наций, прежде входивших в состав Российской империи, новый, советский тип федерации можно и нужно считать целесообразным как путь к интернациональному единству. Сталин убеждал лидера партии, что такой тип федерализма не ущемит прав национальных меньшинств и не вызовет у них особых трений. Разработанный Сталиным план получил название «плана автономизации». По этому плану независимые советские государства становились автономиями в рамках РСФСР. Позиция Сталина была одобрена в центре и большинстве союзных республик. Разногласия с Х. Г. Раковским, Г. И. Петровским и М. В. Фрунзе, которые защищали независимость Украины, удалось загладить. Но против плана автономизации активно выступил ЦК грузинской компартии во главе с П. Г. Мдивани и Ф. И. Махарадзе. Конфликт стал известен Ленину.

С характерной для него настойчивостью Ленин поддерживал грузинскую сторону. Он понял, что «план автономизации» подрывает тот общий курс на либерализацию советского режима, который проводился в рамках нэпа. Ленину также стал известен так называемый грузинский инцидент. Суть случившегося сводилась к личному конфликту лидера Закавказского бюро ЦК С. Орджоникидзе с руководством грузин-

ских коммунистов. В ходе очередной дискуссии один из них назвал Орджоникидзе «сталинским ишаком», за что получил пощечину. Комиссия во главе с Ф. И. Дзержинским не нашла в действиях Орджоникидзе ничего предосудительного. Совсем иное впечатление о случившемся сложилось у Ленина. Позицию Орджоникидзе, Дзержинского, а заодно и Сталина, чье влияние Ленин усматривал в поведении Орджоникидзе, руководитель большевистской партии посчитал проявлением великорусского шовинизма. По его мнению, никто не подвержен великорусскому национализму больше, чем обрусевшие инородцы. Проявлением великодержавности Ленин посчитал и «план автономизации». Ленин выдвинул собственный план, согласно которому новое государство должно было создаваться как союз равноправных республик.

Ленинская критика заставила серьезно пересмотреть основы намечавшегося объединения. 6 октября 1922 г. Пленум ЦК РКП(б) одобрил предложения, высказанные вождем. Было решено, что советские республики не станут входить в состав России. Вместо этого будет создан евразийский союз государств. Он должен будет состоять из четырех независимых республик: России, Украины, Белоруссии и Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (куда входили Грузия, Азербайджан, Армения). В ходе развернувшихся после этого широких консультаций идея образования СССР была одобрена партийными и государственными органами всех республик.

29 декабря в Москве открылась конференция полномочных представителей делегаций независимых республик РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР. На ней были подписаны Декларация и Договор об образовании СССР. На следующий день, 30 декабря 1922 г., открылся I Всесоюзный съезд Советов. Доклад о Декларации и союзном договоре сделал на съезде И. В. Сталин. Следует подчеркнуть важность ратификации союбообразующих документов I Всесоюзным съездом Советов. Своим решением съезд юридически оформил образование СССР. Тот факт, что учредительные документы были не только подписаны представителями республик, но и утверждены Всесоюзным съездом, повышало их статус, делало обязательными для участников объединительного процесса. Тем самым делался пока еще половинчатый, но существенный шаг от договорной федерации, близкой к конфедерации, к федерации конституционной. Съезд также выбрал руководящие органы нового государства. Первыми председателями ЦИК СССР на нем были избраны председатели ЦИК союзных республик:

М. И. Калинин, Г. И. Петровский, А. Г. Червяков, Н. Н. Нариманов. Главой первого союзного правительства становится В. И. Лениным.

Создание нового союзного государства требовало своего конституционного оформления. Работа над проектом Конституции СССР начинается, по сути, с момента принятия I Всесоюзным съездом Советов Декларации об образовании СССР и Договора об образовании СССР. Декларация и Договор затем стали основой будущей Конституции СССР. В соответствии с решениями I съезда Советов и ЦИК СССР Президиум ЦИК СССР 10 января 1923 г. образовал шесть комиссий для подготовки проекта союзной Конституции. В их работе участвовали такие видные партийные и общественные деятели, как М. И. Калинин, Н. В. Крыленко, В. П. Ногин, Я. Э. Рудзутак, И. В. Сталин, М. В. Фрунзе, А. Д. Цюрупа. Работа над проектом завершилась только через полтора года. 6 июля 1923 г. он получил одобрение ЦИК СССР. Окончательно черта под созданием первой Конституции СССР была проведена на II съезде Советов СССР, и 31 января 1924 г. она была единогласно утверждена делегатами съезда.

По своему содержанию Конституция СССР 1924 г. очень специфична. Фактически она состояла из двух ранее принятых документов: Декларации и Договора об образовании СССР. Поэтому она целиком посвящена вопросам соотношения прав союзного центра и республик, а также системе высших органов власти и управления союзного государства. В отличие от других конституций, в ней не содержатся характеристики общественного устройства, прав и обязанностей граждан, конструкции местных органов власти, избирательной системы. Все эти вопросы оставались в компетенции республиканских конституций. Однако принятие Конституции 1924 г. означало еще один важный шаг на пути превращения СССР из договорной в полноценную конституционную федерацию. По сути, Конституция 1924 г. делала устаревшими Договор и Декларацию об образовании СССР, хотя и сохраняла в себе дух этих документов. Тем самым выход из СССР теперь не мог быть осуществлен простым расторжением или денонсацией союзообразующих документов ни на уровне республик, ни на уровне союзного центра. Для реализации права республик на выход из СССР теперь требовалось создание новой процедуры, ее законодательного закрепления. Объективно это способствовало укреплению государственного единства.

Высшим органом власти в СССР по Конституции 1924 г. становился Съезд Советов СССР. В период между съездами

высшим органом власти являлся ЦИК СССР, состоявший из двух равноправных палат: Союзного Совета и Совета Национальностей. ЦИК СССР избирал по числу союзных республик четырех председателей из состава своего Президиума, что должно было служить еще одним проявлением равноправия союзных республик. ЦИК СССР созывался на сессии Президиумом ЦИК три раза в год. Конституцией предусматривались и чрезвычайные сессии. Инициатива по их созыву могла исходить от Президиума ЦИК СССР, Президиумов Союзного Совета и Совета Национальностей, а также ЦИК одной из союзных республик. В период между сессиями ЦИК СССР высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти СССР являлся Президиум ЦИК СССР, избираемый на совместном заседании Союзного Совета и Совета Национальностей. Высшим органом управления СССР Конституция называла СНК СССР. Формирование СНК СССР входило в компетенцию ЦИК СССР. Особенностью Конституции 1924 г. было закрепление в ней единства законодательной и исполнительной власти. В этом нашли свое воплощение представления Ленина о социалистическом государстве и пагубности существовавшей в буржуазных государствах практики разделения законодательной и исполнительной власти.

Общественно-политическая жизнь в годы нэпа

Серьезные сдвиги в годы нэпа происходили не только в экономической и социальной, но и в политической сфере. В годы нэпа продолжался вызванный революцией передел собственности и власти, что уже само по себе подразумевало обострение политической борьбы. Не было единства и в вопросе о будущем устройстве страны, что также вызвало ожесточенные столкновения. Как это нередко случается в истории, борьба по принципиальным вопросам общественного устройства осложнялась личным соперничеством. Все это и создавало тот неповторимый колорит общественной жизни, который до сих пор воспринимается многими историками и публицистами как расцвет либерализма и духа свободы. По сравнению с годами гражданской войны и сталинских репрессий, когда несогласные могли поплатиться за свою позицию жизнью, нэп действительно представляется оазисом свободомыслия. Но хотя либеральные свободы в 1920-е годы реально получили определенный простор для развития, идейная и политическая борьба не становилась от этого менее напряженной и драматичной. Разрушительные импульсы гражданской войны в

политике, так же как и в экономике, изживались обществом болезненно и постепенно.

В то же время полностью отрицать смягчение режима и политических нравов в годы нэпа также было бы ошибкой. Многие меры по либерализации проводимого большевиками курса были вызваны уже самим переходом от войны к миру. В этих условиях отказ от некоторых одиозных черт «военного коммунизма» в политической сфере был неизбежен. Среди первых мероприятий в области государственного строительства при переходе от войны к миру была замена чрезвычайных органов управления, таких как ревкомы, Советами. Одновременно с возвращением власти гражданским учреждениям идет реформа самих Советов. Став в годы гражданской войны бюрократической, малоэффективной, оторванной от народа структурой, Советы утратили свой прежний авторитет.

Одним из основных направлений реформирования Советов должно было стать разграничение советских и партийных органов. Другим направлением реформы явилась политика укрупнения Советов, объединения нескольких мелких советских административных звеньев в одно. Тем самым большевики пытались решить противоречие между необходимостью укрепления аппарата и отсутствием средств и кадров. Целям сближения Советов с населением должна была служить также компания по перевыборам низовых Советов. В конце декабря 1924 г. во исполнение этих планов Президиум ЦИК постановляет отменить результаты выборов там, где в них приняло участие менее 35% избирателей, или в случае жалоб граждан на незаконные действия органов, руководивших выборами.

Важным нововведением периода нэпа явилась судебная реформа. Первым ее шагом становится слияние в 1921 г. трех систем трибуналов – гражданских, военных и транспортных. Важнейшим актом судебной реформы современники считали ограничение прав ВЧК. Серьезные изменения затронули прокуратуру. Они были направлены на ужесточение прокурорского контроля за правильностью выполнения законов всеми юридическими инстанциями. Важным дополнением судебной реформы становится правовая реформа. Первостепенное значение этой реформе придавал сам Ленин. Он полагал, что с переходом к нэпу только отказ от абсолютизации в законодательной сфере принципа «революционной целесообразности» и четкое следование букве закона способны обеспечить прочность смычки между городом и деревней. Без восстановления разумного правопорядка он не видел действительного перехода от войны к миру.

Одним из компонентов преобразований становится военная реформа. Она не только служила экономическим и оборонительным целям, но и должна была доказать и населению уставшей от войны России, и всему миру, что большевистский режим готов убрать милитаризм из арсенала средств осуществления своей политики. Важнейшим мероприятием реформы становится сокращение Красной Армии почти ровно в 10 раз: с 5,5 млн человек в конце 1920 г. до 561 тыс. человек к 1923–1924 гг. Кроме того, менялся принцип комплектования советских вооруженных сил. РККА переходила на смешанную милиционно-кадровую систему. Профессиональные части по новой системе составляли только часть вооруженных сил республики. В основном они сосредотачивались в приграничных округах и на флоте. Кроме того, на профессиональной основе комплектовались технические рода войск. Весь офицерский корпус также комплектовался на регулярной основе. Другая часть армии, по численности составлявшая примерно половину, состояла из временных территориальных ополчений. Такое устройство армии позволяло подготовить достаточное количество резервистов, но в то же время экономило существенные материальные ресурсы, которые шли на мирные цели.

Либерализация коснулась также сферы культуры, науки, образования. Культурная жизнь страны в годы нэпа представляла собой переплетение множества самых разнообразных тенденций. С одной стороны, продолжались развиваться процессы, бравшие свои истоки в Серебряном веке русской культуры. С другой стороны, шло становление самых разнообразных художественных направлений, порожденных революционной эпохой. Литература, публицистика, новая школа, общественные науки стали полигоном, на котором проходили проверку временем передовые представления о роли культуры в жизни общества, о новой культуре, о новом человеке. Власть в значительной мере способствовала культурному подъему, стремилась к сотрудничеству с представителями интеллигенции. В стране выходили журналы неправительственной ориентации, в которых нередко звучали в адрес властей даже критические выступления. Многим ученым несмотря на разруху, переживаемую страной, создавались благоприятные условия для работы.

Перелом наступает и в образовательной политике. Впервые в человеческой истории государство ставит своей задачей полную ликвидацию неграмотности населения. Последствия этого шага имели поистине революционное значение и неслучайно получили название «культурной революции». Курс на

обязательное приобщение к человеческой культуре Ленин объяснял тем, что неграмотный человек стоит вне политики, является удобной мишенью для манипуляции его сознанием. В 1923 г. создается массовое общество «Долой неграмотность». Одновременно с этим целью культурной революции становится создание новой советской трудовой интеллигенции. В ее состав должны были влиться дети рабочих и крестьян, доступ к образованию которым при старом режиме был затруднен. Создаются новые вузы и рабфаки. На базе 2-го МГУ создается первый в стране педагогический факультет – кузница первого поколения советского учительства.

Смягчение политики большевиков, особенно послабления в области свободы слова, были благожелательно встречены в кругах небольшевистской интеллигенции. Неслучайно в 1920-е годы среди интеллигенции набирает силу сменовеховское движение, направленное на поиск компромисса с Советской властью. Многие сменовеховцы, даже успевшие выехать из страны, спешили вернуться на Родину. Характерно также, что многие сменовеховцы вслед за основоположником этого течения Н. В. Устряловым сами себя называли еще «национал-большевиками», что иногда вызывало ощутимую неприязнь большевиков-интернационалистов, таких как Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин.

Но либерализация политической жизни в 1920-е годы не была беспредельной. Далеко не все представители старой интеллигенции готовы были идти на сотрудничество с большевистской властью. Многие поступали к ней на службу только в силу материальных затруднений или из-за стремления способствовать перерождению режима изнутри. Тактика «облакивания» власти некоторым деятелям оппозиции в условиях нэпа казалась более действенной, чем военная интервенция и организация внутренних восстаний. Что же касается партии большевиков, то и в ней почва для компромиссов с остальным обществом была не слишком широкой. Многие руководители и рядовые члены партии понимали ленинскую характеристику нэпа как отступление буквально и всемерно стремились не допустить, чтобы это отступление зашло слишком далеко. В партии росла ностальгия по временам «военного коммунизма». По свидетельству меньшевика Н. В. Валентинова, некоторым большевикам было легче отрезать себе губы, чем произнести лозунги, подобные ленинскому призыву учиться торговать. Сам Ленин признавал, что многим партийцам, которых он называл поэтами, в затхлой атмосфере нэпа становилось неуютно. Логика этих коммунистов была проста: в

годы гражданской войны в Москве было, конечно, холодно и голодно, но чисто и красиво, а с приходом нэпа от нее стал исходить смрад...

С самых первых месяцев нэпа выявилась вся его противоречивость. Уже в 1922 г. на так называемом философском пароходе из страны были высланы видные деятели науки и культуры, пытавшиеся открыто критиковать проводимую большевиками политику. Среди них были такие известные фигуры, как Н. А. Бердяев, П. А. Сорокин, С. Н. Булгаков, Л. П. Карсавин, Е. Н. Трубецкой, Ф. А. Степун, – всего 160 ученых, имевших мировую известность. В том же, 1922, году состоялся открытый судебный процесс над лидерами партии эсеров. Как показывают исследования голландского исследователя М. Янсона и современного российского историка Н. Д. Ерофеева, судилище носило ярко выраженный политический характер. Процесс 1922 г. над эсерами стал прообразом всех последующих показательных судебных процессов. В годы нэпа проходили и другие судебные политические процессы, в частности широкий резонанс имели Шахтинское дело, дело патриарха Тихона и т.п. Подвергалась преследованию религия, в особенности православие. Росло количество осужденных за контрреволюционную деятельность. В годы нэпа получает печальную известность концлагерь на Соловецких островах. С середины 1920-х годов ужесточается цензура, закрываются оппозиционные издания. Постоянным гонениям подвергается церковь. К концу нэпа исчезают все оппозиционные большевикам партии.

Положение дел в большевистской партии

В годы нэпа серьезные перемены происходят и в самой большевистской партии, которая окончательно превращается в ключевое звено советской политической системы. Прежде всего меняется социальный облик партии. Демократические веяния затронули в первую очередь саму правящую партию. Разгромив на X съезде «рабочую оппозицию», Ленин, тем не менее, счел полезным согласиться с некоторыми рецептами оппозиции по оживлению демократических начал в жизни партии. Весомые результаты дала предпринятая в этом русле генеральная чистка партии 1921 г.: среди исключенных 33,8% составляли пассивные, никак не участвующие в партработе, элементы, 24,7% были исключены за карьеризм, пьянство, и шкурничество и еще 8,7% – за взяточничество. Чистки случались в партии и в дальнейшем.

При помощи чисток РКП(б) пыталась освободиться от случайных людей. Но эффект чисток всегда оказывался временным. Партийный билет открывал доступ к руководящим постам и манил к себе тех, кто стремился заручиться им не по идейным соображениям. Тем не менее партия, чтобы не выродиться в замкнутую касту управленцев, вынуждена была расширять свои ряды и социальный состав. Партийных руководителей тревожило, что в 1923 г. лишь 17% членов РКП(б) трудились на заводах. Старая ленинская установка на ограничение численности партии предается забвению, и разворачивается широкий прием в РКП(б) «рабочих от станка», а позже и «крестьян от сохи». В 1924 г., после смерти В. Ленина, начинается кампания по массовому привлечению в партию рабочих, получившая название Ленинского призыва. В партию было принято более 240 тыс. рабочих, что позволило поднять удельный вес «пролетарской прослойки» в РКП(б) до 44%.

В 1925–1927 гг. расширяется доступ в партию крестьян, представители которых составили 35% нового приема. В 1926 г. РКП(б) насчитывала в своих рядах более миллиона человек, то есть выросла с 1924 г. в два с лишним раза. Тем самым расширилась сеть парторганизаций и партячеек на фабриках и заводах, на селе, в армии и на флоте, в государственных учреждениях, вузах, сфере культуры, что, безусловно, укрепило партийное влияние в обществе. Новые члены партии составили около 60% ее состава. Поколение большевиков с до-революционным стажем не превышало 1% партийцев. Только у трети коммунистов партстаж исчислялся с революции и гражданской войны. Менее 1% коммунистов были с высшим образованием, около 63% закончили лишь начальную школу, а 26% значились самоучками.

В силу этого большинство членов обновленной РКП(б) разбиралось в вопросах «теории социализма» на уровне курсов элементарной политграмоты, организованных партийными органами. Основная партийная масса слабо представляла суть политических и идеологических дискуссий, развернувшихся в РКП(б), и не оказывала на них серьезного воздействия.

Вместе с тем в партии было немало честных, беззаветно преданных Отечеству людей, трудившихся не за привилегии, не ради карьеры, а на совесть, руководствуясь не сиюминутной конъюнктурой, а интересами возрождения страны. Из их среды впоследствии выросло много талантливых организаторов народного хозяйства, военачальников, ученых.

С переходом к нэпу ЦК РКП(б) провозгласил курс на разграничение полномочий партии и государственных органов, искал такие формы руководства советскими структурами, которые не подменяли бы их деятельность и не выливались в командно-директивные методы взаимодействия партии с Советами. Считалось, что партия проводит «свою линию» в Советах и государственных учреждениях через коммунистов, работающих в сфере государственного управления.

Одной из главных функций правящей партии становится подбор и расстановка руководящих кадров. Этими вопросами ведали Орграспредотдел и Учраспредотдел ЦК РКП(б). Только с апреля 1920 г. по март 1921 г. они произвели 40 тыс. назначений на различные должности. После XI съезда партии Генеральным секретарем ЦК РКП(б) стал Сталин, а В. Молотов и В. Куйбышев – секретарями ЦК. У Сталина появились широкие возможности по регулированию состава руководящих партийных кадров. В 1922–1923 гг. было заменено большинство секретарей губкомов и укомов партии, причем из 191 нового руководителя местных парторганизаций только 97 были избраны на партконференциях, остальные назначены «сверху».

Порядок назначения «сверху» возмущал коммунистов. В 1922 г. активные деятели «рабочей оппозиции» обратились в Коминтерн с заявлением, в котором с горечью сообщали, что «опека и давление бюрократии доходит до того, что членам партии предписывается под угрозой исключения и других репрессивных мер избирать не тех, кого хотят сами коммунисты, а тех, кого хотят <...> верхушки. Такие методы работы приводят к карьеризму, интриганству и лакейству...» Но, несмотря на протесты коммунистов, практика назначенчества на партийные должности методично продолжала внедряться в партийную жизнь. В принятом XII партконференцией (1922) новом Уставе партии было записано, что отныне секретари губернских и уездных партийных комитетов должны утверждаться в должности вышестоящим органом. В июне 1926 г. на места было расслано утвержденное Секретариатом и Оргбюро «Положение об ответственных инструкторах ЦК РКП(б)». Инструкторы наделялись широкими полномочиями в отношении выборных партийных органов на местах и были обязаны обеспечить реализацию директив «центральных партийных органов».

В 1926 г. специальное постановление ЦК ВКП(б) «упорядочило» назначение на ответственные партийные посты. Теперь все кандидаты на ключевые партийные должности

отбирались и назначались ЦК ВКП(б). Обкомы и райкомы формировали нижестоящие кадровые звенья. Формально все должности в партии были выборными. Однако решающее слово принадлежало не коммунистам на партсобраниях, конференциях и съездах, а партаппаратчикам, тщательно готовившим кадровые назначения. Роль партаппарата в жизни партии все более возрастала. Росло и влияние И. В. Сталина, руководившего в качестве Генерального секретаря ЦК ВКП(б) работой партийного аппарата и уделявшего особое внимание кадровым проблемам.

Менялись представления о руководящей роли партии в обществе. Если в 1918–1920 гг. в пропаганде упор был сделан на руководящую роль рабочего класса и его авангарда – партии большевиков, то в начале 1920-х годов подчеркивалась ведущая роль ЦК ВКП(б), а затем «коллективного руководства» в лице Политбюро ЦК партии. Все это отражало не только эволюцию политических взглядов большевистских лидеров, но и практику сосредоточения полноты власти в руках узкого круга партийных руководителей. Кроме того, в этот период интенсивно разворачивается процесс сращивания партии с государством. Партийное руководство всех уровней все больше занималось не собственно партийными, а хозяйственными и административными вопросами. Так, в работе пленумов ЦК и Политбюро ЦК ВКП(б) с 25 апреля 1926 г. по 1 мая 1927 г. удельный вес решений составил: по хозяйственным вопросам – 26,8%, по вопросам государственного строительства – 13,5%, международных отношений – 17,2%, а по собственно партийно-политическим вопросам – 7%. Партия, срачиваясь с государством, приобретала черты, роднившие ее с государственно-чиновничьими организациями. В ВКП(б) сложилась строгая иерархия партийных органов с жесткой дисциплиной выполнения распоряжений и директив вышестоящих парторганизаций. Сформировался достаточно широкий слой профессиональных управленцев. В 1925 г. на оплачиваемой партийной работе находились 25 тыс. чел. – по одному на каждые сорок коммунистов. Партийный аппарат, занимаясь по преимуществу административно-хозяйственными делами, быстро бюрократизировался.

Заметным элементом партийной жизни нэповского времени становятся многочисленные внутрипартийные дискуссии, острота и принципиальность которых не раз ставили ВКП(б) фактически на грань раскола. Внутрипартийная борьба тех лет охватывала не только руководящие верхи большевиков, но временами проникала и на уровень первичных партий-

ных организаций, поскольку затрагивала наиболее важные и болезненные вопросы развития Советского государства. Столкновениями был отмечен уже X съезд РКП(б), на котором принималось решение о переходе к нэпу. В. И. Ленин, желавший превратить партию в надежный инструмент, способный обеспечить проведение курса нэповских реформ, пошел на радикальные изменения. В первую очередь они коснулись руководящих органов партии. Так, в связи с тем, что основным его соперником на партийное лидерство в ходе дискуссии о профсоюзах и самого съезда был Л. Д. Троцкий, имевший прочную базу в Оргбюро и Секретариате, после съезда Ленин усиливает позиции выступавшего на его стороне Политбюро и серьезно реформирует секретариат. Не ограничившись этим, в противовес Троцкому он начинает продвигать по партийной иерархии давнего соперника Троцкого И. В. Сталина. В 1922 г. Сталин становится Генеральным секретарем ЦК РКП(б), оставаясь одновременно членом Политбюро и Оргбюро. Контроль над несколькими ключевыми постами позволяет Сталину сконцентрировать в своих руках такие организационные возможности, которыми в партии не обладал больше никто.

Важным итогом X съезда становится принятие резолюции о единстве партий, на основе которой в дальнейшем развернется борьба против внутрипартийной оппозиции. Резолюция осуждала «заблуждения» нескольких старых большевиков, лидеров «рабочей оппозиции», обвиненных в «анархо-синдикалистском» уклоне. Кроме этого, резолюция высказалась в целом против фракционности. Объясняя, почему в условиях экономической либерализации большевики пошли на ужесточение режима внутри партии, некоторые историки пишут о вынужденном, но необходимом с точки зрения характере предпринятых мер. Парадоксальной либо непоследовательной позиция большевиков может показаться только на первый взгляд. Экономическая либерализация 1920-х годов создавала сильнейшее давление на партию со стороны различных социальных и политических сил, поднявшихся на волне нэпа. Только единство рядов партии могло спасти ее от полного разложения и развала, а страну – от нового хаоса.

Опасения возможных осложнений ситуации внутри партии оказались не напрасными. Уже в момент болезни Ленина начинается борьба между членами его ближайшего окружения. В верхах партии к 1922 г. складывается несколько группировок. Корни и причины их возникновения уходили далеко в годы гражданской войны и даже предреволюционной истории партии. Каждая из этих групп имела свои подходы к ос-

новным практическим и теоретическим вопросам, стоявшим перед большевистской партией. Идеи, изложенные в последних работах Ленина, полностью не совпадали с позицией ни одной из фракций. Поэтому первоначально борьба разворачивается вокруг так называемого ленинского завещания, судьба которого в СССР складывалась непросто, подчас драматично. Долгое время замалчивалось само его существование. Отдельные части «завещания» если и попадали в печать, то с запозданием и в сокращениях. В наше время изучения этого пласта ленинского наследия дало вообще сенсационные результаты. Как доказано (в частности, историком В. А. Сахаровым в его докторской диссертации, а затем и монографиях), значительная часть документов, которые в прошлом неkritично считались ленинскими, на проверку оказалась плодом политических интриг и инсинуаций, банальными фальшивками. За фабрикацией этих фальшивок стоят фигуры Л. Д. Троцкого и ряда других деятелей, среди которых с прискорбием приходится называть фамилию даже в прошлом верной соратницы Ленина, его жены Н. К. Крупской. Используя поддельные ленинские документы, они рассчитывали развернуть симпатии партийных масс в свою сторону.

В центре дискуссий 1920-х годов стояли вопросы будущего страны: возможно или невозможно в СССР построение социализма? Сосредоточиться ли на подъеме страны из разрухи или необходимо держать курс на мировую революцию? На точке зрения мировой революции стоял Л. Д. Троцкий. Он возглавлял левую оппозицию. К нему примыкали Е. А. Преображенский, К. Б. Радек, А. А. Иоффе, Х. Г. Раковский и другие. Левая оппозиция опиралась на старую партийную интеллигенцию с дореволюционным стажем, бывших межрайонцев, влившихся в ВКП(б) бундовцев и представителей некоторых других партий, а также на радикально-настроенную часть студенческой молодежи, часть рабочих. Помимо мировой революции Троцкий и его сторонники выступали за так называемую пролетарскую демократию, свободу дискуссий в партии, развитие промышленности, плановый контроль над рыночными отношениями. Троцкий, опираясь на сугубо материальную точку зрения, считал, что о социализме можно будет говорить только тогда, когда производительность труда и жизненный уровень в СССР будут выше, чем в США. Но при этом троцкисты предполагали смело использовать ресурсы СССР для подталкивания революции в других странах.

В 1922–1924 гг. Троцкому противостояла так называемая тройка, в которую входили Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев и

Сталин. Идеино Каменев и Зиновьев были близки к левой оппозиции, но не доверяли Троцкому, который постоянно напоминал об их соглашательской тактике накануне Октябрьской революции. Между Троцким и Сталиным также существовала давняя личная неприязнь. Но причины их соперничества имели все же гораздо более глубокий и принципиальный характер, нежели сведение личных счетов в борьбе за единоличную власть. В 1924 г. Сталин окончательно сформулировал свои взгляды на природу переживаемого СССР исторического периода. Он утверждал, что возможно не только строительство, но и построение социализма в одной отдельно взятой стране. Аналогичную позицию занял в тот момент и Н. И. Бухарин, увлеченный вопросами хозяйственного развития страны.

На почве общности позиций Сталина и Бухарина идет формирование своеобразного «теневого Политбюро», или, как его еще называют, «семерки». В нее входили члены «большого Политбюро» Сталин, Каменев, Зиновьев, Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский, а также председатель Центральной контрольной комиссии (ЦКК) В. В. Куйбышев. Таким образом, семерка объединяла всех высших руководителей партии, за исключением Троцкого. По свидетельству Зиновьева, «семерка» стала складываться в начале 1924 г., а окончательно сформировалась во время августовского пленума ЦК РКП(б) 1924 г. Объединенными усилиями центристов и правых в партийном руководстве к 1925 г. троцкистская оппозиция была разбита. Троцкий и его сторонники лишились важных постов в партийном, хозяйственном и военном руководстве.

Усиление позиций Сталина в ходе дискуссии с троцкистами вызвали опасения у Зиновьева и Каменева. В 1925 г. они совместно с Н. К. Крупской и наркомом финансов Г. Я. Сокольниковым возглавили так называемую новую оппозицию. Троцкий не присоединился к ней, поскольку считал «новую оппозицию» искусственной, сугубо аппаратной, бюрократической. В этих оценках «новой оппозиции» со стороны Троцкого было много верного. Когда один из лидеров «новой оппозиции» Зиновьев был главой ленинградских коммунистов, он имел возможность контролировать административную машину северной столицы. Неудивительно поэтому, что делегация от Ленинграда на XIV съезде ВКП(б) была целиком на стороне оппозиции. Но понадобилась всего одна неделя – и подавляющее большинство коммунистов города на Неве включились в компанию поддержки ЦК и травли оппозиционеров. Причиной такого «резкого прозрения» явились аппаратные перестановки в руководстве ленинградской парторганизации.

Пока зиновьевцы возглавляли партаппарат в городе, вся партийная организация была в рядах оппозиции. Когда же Сталин поставил руководить партаппаратом в Ленинграде своих сторонников, «зиновьевский монолит» стал сталинским.

Потерпев поражение на XIV съезде партии, левая оппозиция не сложила оружие. В 1926–1927 гг. происходит объединение троцкистской и «новой» оппозиций под идейным лидерством наиболее авторитетного своего участника – Л. Д. Троцкого. «Оппозиция большевиков-ленинцев», как стали называть себя противники сталинской линии, подготовила альтернативную официальной программу реформ. В основном она лежала в русле идей, высказанных Троцким ранее, в период дискуссий первых лет нэпа. Главным ее положением стало решительное отрицание возможности построения в СССР социализма: «Необходимо прежде всего целиком и полностью подтвердить и укрепить курс на международную революцию и дать решительный отпор всем “стабилизационным” и мнимо-“государственным” настроениям <...> “Теория” социализма в одной стране теперь играет уже прямо разлагающую роль», – подчеркивалось в ней. Платформа оппозиции была размножена в подпольной типографии и нелегально распространялась среди ее сторонников.

Важные последствия имела также альтернативная демонстрация, проведенная оппозицией в день празднования 10-й годовщины Октябрьской революции. Эта акция становится кульминацией легальной деятельности левой оппозиции. На XV съезде ВКП(б), проходившем в декабре 1927 г., оппозиционеры подверглись острой критике. В принятой по итогам жаркой дискуссии резолюции съезда утверждалось, что троцкистско-зиновьевская оппозиция «идейно разорвала с ленинизмом, <...> стала на путь капитуляции перед силами международной и внутренней буржуазии и превратилась объективно в орудие третьей силы против режима пролетарской диктатуры». Не ограничиваясь «идейным разгромом», сторонники «генеральной линии» обрушили на оппозицию всю карующую мощь государства. Виднейшие оппозиционеры были изгнаны из партии, оказались под арестом. Сам Троцкий оказался сперва в ссылке в Алма-Ате, а затем, в 1929 г., был выслан в Турцию.

Расправившись с левой оппозицией, Сталин и Бухарин перестали нуждаться в поддержке друг друга. Бухарин возглавил внутрипартийное течение, получившее название «правого уклона». Правые выступали за более медленные, «черепашьи» темпы развития тяжелой промышленности, отдавая

приоритет легкой промышленности и сельскому хозяйству. Они были против чрезмерного нажима на кулака и перекачки средств из деревни на нужды индустриализации. Их идеалом была органическая индустриализация на базе растущего сельского хозяйства. Правые пользовались симпатиями и поддержкой среди многих деятелей антибольшевистской ориентации как внутри страны, так и за рубежом. Н. В. Устрялов, Е. Д. Кускова, А. В. Чайнов, Н. Д. Кондратьев и многие другие готовы были видеть в усилении бухаринцев развитие тенденций перерождения советского режима. Совершенно иной, по сравнению с правыми, позиции придерживался Сталин. Залог независимости СССР на внешнеполитической арене и победы социализма внутри страны он видел в индустриализации, прежде всего в развитии тяжелой промышленности. В этом его взгляды напоминали позицию левых большевиков, но, в отличие от них, Сталин выступал за большую независимость советской экономики от внешнего рынка и полагался на внутренние ресурсы страны.

Правые упрекали Сталина в идейной смычке с левой оппозицией. Для них этого казалось достаточным, чтобы поставить вопрос о недопустимости лидерства Сталина в партии. Но они не учли тех настроений недовольства нэпом, которые к концу 1920-х годов стали преобладающими в партии и в обществе. Не учли правые и силу административного ресурса, которым активно пользовался Сталин. Все это делало позиции Бухарина и его сторонников уязвимыми. Открытые столкновения начались в период хлебозаготовительного кризиса 1928 г. Бухарин настаивал на пагубности постоянного применения против деревни чрезвычайных мер, напоминающих времена продразверстки. В апреле 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) Сталину еще пришлось считаться с позицией Бухарина. Но на очередном Пленуме ЦК в июне 1928 г. он уже открыто говорил о том, что нэп зашел в тупик и нужно пересматривать приоритеты хозяйственного развития. По словам самого Бухарина, он пришел в ужас от речи Генсека. Бухарин решает перенести полемику в массы и публикует 30 сентября 1928 г. в подконтрольной ему газете «Правда» статью «Заметки экономиста». В ней в завуалированной форме он подверг критике платформу Сталина и выступил с изложением своих представлений о нэпе.

Ответной мерой Сталина стало принятое на Пленуме ЦК в ноябре 1928 г. решение осудить образовавшийся в партии правый уклон. Его лидеры пока открыто не назывались, однако Бухарину, А. И. Рыкову и М. П. Томскому пришлось при-

соединиться к осуждению правого уклona и отмежеваться от него. Но борьба продолжилась. Томскому вскоре после Пленума пришлось оставить пост руководителя советских профсоюзов. Потеряли правые и контроль над московской парторганизацией, от руководства которой был отстранен их сторонник Н. А. Угланов. Ослабленная правая оппозиция уже не могла активно сопротивляться. На заседании Пленума ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г. Сталин уже открыто раскритиковал позицию Бухарина, припомнив ему все ошибки начиная с 1915 г.: от оппозиции Ленину до «поддержки кулака». Окончательно правый уклон был разгромлен в ноябре 1929 г. На проходившем в те дни Пленуме ЦК дискредитированные лидеры оппозиции подвергли себя унижительной самокритике, а их лидер Бухарин был исключен из Политбюро. Сталинская фракция окончательно взяла вверх во внутрипартийной борьбе, что по времени совпало с фактическим окончанием нэпа.

Новые веяния во внешней политике

Внешняя политика каждого государства есть отражение его внутренней политики. В силу этого нэп сопровождался не только внутренней либерализацией, но и смягчением внешнеполитического курса большевиков. Необходимо было нормализовать отношения с Западом или хотя бы прорвать внешнеэкономическую блокаду. Это удалось сделать в 1922 г. на Генуэзской конференции (Италия). На конференции западные державы попытались вырвать у Советского правительства согласие выплатить царские долги, на что руководитель советской делегации, наркоминдел Г. В. Чичерин потребовал у стран Запада покрыть расходы Советов на отражение военной интервенции и на борьбу с белыми правительствами, существование которых без материальной поддержки с Запада было невозможно. Сумма, названная Чичериным, во много раз превосходила задолженность России. Переговоры зашли в тупик. Но, кроме стран победительниц, на Генуэзскую конференцию приехала делегация Германии. Перед ней стояли те же проблемы, что и перед Россией. Возникли условия, способствовавшие сближению позиций двух стран, результатом чего стал Рапальский мирный договор. В 1923 г. он был дополнен подписанным между Россией и Германией секретным военным договором – пактом Радека – фон Секта, по которому Германия получала возможность развивать на территории Советской России те виды вооружения, которые ей запрещалось иметь по Версальскому мирному договору. Германия раз-

вернула на советской территории производство химического оружия, имела аэродромы и танковые полигоны, каждый 3-й снаряд, поступавший на вооружение германской армии, производился в СССР.

Постепенно начинают налаживаться отношения СССР и с другими странами. Этому способствовала стабилизация большевистской власти внутри страны. Важное значение для СССР имело сближение с Великобританией. В феврале 1924 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения. Вслед за Великобританией в том же, 1924, году СССР признали Италия, Норвегия, Австрия, Греция, Швеция, Франция. В исторической литературе этот период получил название «полосы признания» СССР мировым сообществом. Вслед за дипломатическим признанием, а нередко еще и до него налаживались экономические связи СССР с другими странами. Так, несмотря на то что в 1920-е годы США официально отказывались признавать СССР, к 1929 г. 40 крупных американских фирм активно сотрудничали с Советским правительством. Среди американских предпринимателей, не боявшихся упреков в сотрудничестве с большевиками, были такие крупные бизнесмены, как А. Хаммер и Г. Форд.

В то же время не все в большевистском руководстве приветствовали экономическое и политическое сближение со странами Запада. Официальная политика государства находилась под постоянной критикой левой оппозиции. Для многих ее сторонников нормализация отношений с капиталистическими странами представлялась отступлением от классовых позиций, предательством мировой революции. Может показаться странным, что, выступая за экономическое сотрудничество с западными государствами, левые усматривали отход от идеалов Октября в политическом сближении с ними. Но на самом деле парадокса в их воззрениях не было. Левые полагали, что капитализм вошел в новую стадию своего развития, когда шло образование мировой экономической системы и мирового рынка. Соответственно, на международный уровень выносились и внутренние противоречия капитализма, возникали страны-капиталисты, страны-рабочие, страны, игравшие роль мировой аграрной периферии. СССР должен был превратиться в лидера мирового пролетарского движения, а следовательно, никакие политические компромиссы с противниками пролетарской революции во всемирном масштабе были недопустимы. Инструментом, направленным на проведение классовой политики вне пределов СССР, для радикальных течений в большевизме становится Комин-

терн. Тем самым и во внешней политике сказывалось наследие периода гражданской войны и военной интервенции. По сути, как показывают новейшие исторические исследования, в частности российского историка А. Ю. Ватлина, в 1920-е годы Коминтерн становится вторым, наряду с Наркоматом иностранных дел, внешнеполитическим ведомством, принимающим важнейшие решения.

Оживление деятельности Коминтерна приходится на 1923 г., когда, по мнению его лидера Г. Е. Зиновьева, сразу в нескольких европейских государствах складывается революционная ситуация. Особый интерес у левых вызывала Германия. Несмотря на тесное сотрудничество с официальными властями Веймарской республики, руководство Коминтерна продолжало поддерживать германских коммунистов. Подталкиваемые стратегами мировой революции из Москвы, в 1923 г. германские коммунисты решились начать в стране социалистическую революцию. Германская революция 1923 г. не получила достаточной поддержки среди немецких рабочих. Не последовала и обещанная помощь из Москвы – коминтерновская верхушка проявила свою полную беспомощность и в решительный момент испугалась международного скандала. Германские коммунисты оказались в изоляции, и революция была жестоко подавлена. В том же году провалилась и болгарская революция. Политика Коминтерна была изменена только в 1926 г., когда Зиновьева отправили в отставку с поста его председателя. Но и потом призывы к мировой революции служили одним из лозунгов во внутривластной борьбе.

Переломным в определении внешнеполитического курса СССР становится 1927 год. Наиболее жаркие дискуссии внутри большевистского руководства в это время шли вокруг развития китайской революции и отношений с Великобританией. Советское вмешательство в китайские дела закончилось полным провалом. Развитие революции в Китае было прервано фашистским переворотом во главе с лидером китайского националистического движения Гоминдан Чан Кайши. Сотни китайских коммунистов и рабочих были уничтожены гоминдановцами. В СССР поражение революции в Китае вызвало настоящий политический скандал и нескончаемые взаимные обвинения между властями и оппозицией. На восточных границах страны возник обширный очаг напряженности. Китайская сторона устраивала частые провокации против СССР, самым крупным из которых стало вооруженное столкновение на КВЖД в 1929 г.

Не менее драматично складывались отношения с Великобританией. В 1926 г. Англию потрясла грандиозная стач-

ка горняков, которым значительную помощь оказали советские профсоюзы. Правительство Великобритании обвинило СССР во вмешательстве во внутренние дела Объединенного Королевства. В мае 1927 г. британская полиция разгромила советское торгпредство в Лондоне и штаб-квартиру советского кооперативного общества по торговле с Англией («Аркос»). После этого последовал разрыв дипломатических отношений с СССР. Дипломатический скандал произошел и в отношениях с Францией. Французская сторона потребовала отозвать советского посла Х. Г. Раковского. Будучи последовательным сторонником Троцкого, он видел перспективы СССР только в победе революции в развитых странах Европы. В один из своих приездов в Москву он поставил подпись под документом, в котором звучал призыв к солдатам капиталистических стран в случае войны с СССР переходить на сторону Красной Армии. Такая позиция советского посла не могла встретить сочувствия французских официальных кругов. Сохранение двойственности советской внешней политики становилось все более чревато осложнением внешнеполитической ситуации, что позволило Сталину окончательно порвать во внешней политике с идеями мировой революции и расправиться с ее сторонниками в руководящих органах ВКП(б) и Коминтерна.

Вопросы для самостоятельной работы по теме лекции

По отношению к чему нэп может считаться новой экономической политикой? Какие общие черты можно выделить в курсе на создание в России системы государственного капитализма, проводимом большевиками весной 1918 г., и первыми мероприятиями в рамках нэпа?

Назовите основные факторы, обусловившие воссоздание единого государства на территории бывшей Российской империи.

Как вы считаете, были ли неизбежна внутривнутрипартийная борьба в годы нэпа и была ли предрешена победа в ней сталинской фракции?

Краткая библиография

Источники

1. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927: В 4 т. – М., 1990.
2. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927: Сб. документов. – М., 1996.

3. *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. – М., 1988.
4. *Валентинов Н. (Вольский Н.)*. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. – М., 1991.
5. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. – М., 1997.
6. Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. – М., 1997.
7. Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы: В 2 кн. – М., 1999.
8. РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923. – М., 2004.
9. Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. – М., 1998.
10. Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги. Ч. 1–2. – М., 2011–2012.

Исследования

11. *Голанд Ю.* Кризисы, разрушившие НЭП. – М., 1991.
12. *Епихин А. Ю., Мозохин О. Б.* ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). – М., 2007.
13. *Ильина И. Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. – М., 2001.
14. *Краус Т.* Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота. 1917–1928. – Будапешт, 1997.
15. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. – СПб., 1999.
16. *Роговин В.* Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. – М., 1992.
17. Россия нэповская. – М., 2002.
18. *Фейнсон М.* Смоленск под властью Советов. – Смоленск, 1995.
19. *Шишкин В. А.* Становление внешней политики после революционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир. – СПб., 2002.
20. *Яров С. В.* Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. – СПб., 2006.

Лекция 5.

СССР В 1930-Е ГОДЫ: ОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ

На стройках коммунизма

В 1930-е годы СССР переживал ключевой период своего становления. В эти годы шло зарождение самобытного явления, названного уже в наши дни «советской цивилизацией». Результаты развития страны в то время до сих пор являются предметом ожесточенной полемики. И это неслучайно – годы, предшествовавшие Второй мировой войне, носили неоднозначный и противоречивый характер. Общество переживало переход от аграрного типу развития к индустриальному. В современной историографии этот процесс нередко называют новым для нашей исторической науки термином «модернизация». Но на практике происходившее имело гораздо более сложную природу. Под процессом модернизации принято подразумевать повторение отстающими странами опыта передовых, однако СССР не только копировал известные модели цивилизационного развития. В нем шел широкомасштабный поиск новых общественных форм. Переход к индустриальному обществу во все времена и во всех странах сопровождался большими трудностями. В большинстве государств он затягивался на десятилетия или даже на столетия. В СССР переходный период удалось сократить до нескольких лет. Одной из причин этого была возможность использования мирового опыта. Второй – целенаправленная политика Советского государства. В результате в нашей стране сложилась особая система «государственного социализма». Ее основные черты сохранялись потом почти в неизменном виде на протяжении нескольких десятилетий. Тем самым в 30-е годы XX в. был осуществлен выбор, с которым было связано все последующее развитие страны.

Начальный период форсированного социально-экономического развития СССР нередко называют «сталинской революцией» или «революцией сверху». Термин «революция сверху» пришел в отечественную науку из западной (несмотря на то что применительно к описываемым ниже событиям этот термин использовал сам Сталин, а возможно, именно поэтому; во всяком случае, в советской науке считалось, что революции совершают только народные массы). Понятие «революция сверху» теперь в социологии означает радикальные структур-

ные изменения, начатые по инициативе самой власти. Точно так же, как и реформы, «революция сверху» служит сохранению существующего режима, хотя по своим масштабам, темпам и широте социальной базы существенно превосходит любую реформу. Невозможно не согласиться, что завершение нэповской эпохи действительно может быть определено как «революция сверху». В то же время, как и в случае с понятием «модернизация», советская действительность была не столь одномерной и складывалась из тенденций, нередко совершенно противоположных и даже сталкивающихся друг с другом.

В ходе предстоявших обществу социально-экономических преобразований нужно было решить несколько сложных задач. Требовалось не просто увеличить мощности имевшихся в стране сырьевых и промышленных центров, резко поднять товарность сельского хозяйства, а серьезно преобразовать сам тип экономического развития. Для успеха реформ подобного размаха требовалось постепенно сместить центр тяжести экономической политики из традиционно ведущего в России сельскохозяйственного сектора экономики в промышленный. Внутри самой индустрии предполагалось сконцентрировать первостепенное внимание на тяжелой промышленности – прежде всего на горнодобывающей, металлообрабатывающей и машиностроительной отраслях. Без этого, без создания собственных станков, тракторов, электротурбин, без повышения товарности села дальнейшее развитие было бы невозможно. Нереальным становилось бы также соблюдение стратегического паритета с внешним миром: в 20-е годы XX в. СССР все больше и больше отставал по основным показателям от ведущих мировых держав.

Предстояло решить еще одну непростую задачу. Как известно, до революции и в годы нэпа основной промышленный потенциал концентрировался в европейской части страны: в Южной и Северной промышленных зонах, Баку, на Урале. Крупнейшей промышленной базой оставался Московский промышленный район. Занимая всего 3% территории республики, район давал 25% национального дохода. Здесь было сосредоточено 30% капиталов, промышленных предприятий и около 40% рабочей силы, причем значительную ее часть составляли кадровые рабочие с дореволюционным стажем. Такое положение ни в коей мере не устраивало тогдашнее партийное руководство. Уже в июне 1925 г. И. В. Сталин доказывал, что строительство новых заводов в приграничных районах не соответствует геополитическим («географически-стратегическим», по определению самого Сталина) потребнос-

тям СССР. Экономическая модернизация ориентировалась на освоение новых, «тыловых» областей России, Сибири и Средней Азии. Тем самым решались не только вопросы создания резервных экономических баз на случай войны, но и задачи освоения слабозаселенных территорий. Как отмечает в своей книге Дм. Верхотуров, главными районами экономического роста становились те территории СССР, «до которых из Европы не дойдет ни одна армия». Позже Сталин неоднократно будет возвращаться к проблеме освоения восточных территорий СССР, в частности в 1934 г. он поставит задачу создания не только новых промышленных баз, но и новой мощной аграрной базы за Волгой.

Первые решения о переходе страны к политике ускоренного развития появляются в середине 1920-х годов. «Съездом индустриализации» становится XIV съезд ВКП(б), проходивший 18–31 декабря 1925 г. Именно на нем была одобрена стратегическая формулировка всей модернизационной стратегии большевиков: СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, необходимо превратить в страну, производящую машины и оборудование. Тот же курс был продолжен и на следующем, XV партсъезде, состоявшемся 2–19 декабря 1927 г. Позже XV съезд ВКП(б) будет назван «съездом коллективизации». На нем были намечены основные ориентиры модернизации в области сельского хозяйства. Ставилась задача не только усовершенствовать материально-техническую оснащенность села, но и повернуть его к преобладанию коллективистских форм организации производства. В современной историографии расхожим стало утверждение, что коллективизации проводилась для обеспечения индустриализации. А сама индустриализация шла за счет коллективизации. В действительности многое имело гораздо более сложную природу. Индустриализация проводилась для обеспечения потребностей коллективизации. Без индустриализации коллективизация была бы в СССР невозможна. Сам факт, что индустриализация началась раньше, говорит о ее характере рабочего инструмента аграрных преобразований, а не наоборот.

Что касается перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность, то это тоже слишком большое упрощение действительности. Люди, сводящие все исключительно к этому, либо лукавят, либо просто слабо понимают природу явлений, о которых говорят. Мы можем говорить как об историческом законе, что индустриализация страны невозможна не только без источников финансирования – это проблема подчиненная, – но и без рынка сбыта – и ее создание носит куда

более важный, принципиальный характер! А таким рынком сбыта для советской промышленности могла стать только своя же советская деревня. Причем хозяйственно крепкая, платежеспособная. Как показала практика, создать постоянный платежеспособный спрос крестьянства можно было, только коллективизировав его и постепенно повышая средний уровень жизни на селе. Параллельно приходилось решать и политические проблемы.

Началом проведения курса на ускоренное развитие СССР становится 1929 год. Советская печать того времени называла его вслед за Сталиным «годом великого перелома». В этом году преобразования затронули все отрасли советской экономики. Важнейшие из них касались аграрного сектора, который должен был стать базисом всего модернизационного проекта. На проходившей в апреле 1929 г. XVI партконференции был принят план, по которому в течение пяти лет 85% крестьянских хозяйств должны быть охвачены всеми видами кооперациями, а шестая их часть – коллективизирована. Однако трудные условия, в которых развивалась страна Советов, серьезно исказили первоначальные планы в области коллективизации.

Уже в декабре 1929 г. было решено ускорить темпы создания колхозов, а 5 января 1930 г. принимается постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Согласно этому плану сроки коллективизации заметно сжимались. По темпам коллективизации выделялись районы трех типов. К первой группе относились такие крупные зерновые районы, как Северный Кавказ и Поволжье, где коллективизацию требовалось закончить к 1931 г. Во вторую группу входили все другие зерновые районы страны: Украина, Центрально-Черноземная область, Сибирь, Урал, Казахстан. Здесь считалось возможным закончить коллективизацию к весне 1932 г. В остальных же краях, областях и национальных республиках намечалось завершить коллективизацию к 1933 г.

За три месяца 1929 г. (июль–сентябрь) путем развернутой агитации или прямого нажима в колхозы было объединено около миллиона крестьян, а к концу года – еще около 1,5 млн. Январь–февраль 1930 г. становятся временем самого быстрого роста колхозов, и к 20 февраля они объединяли уже 14 млн, или 60%, крестьян. Хотя «сплошная коллективизация» осуществлялась под популярным в то время лозунгом «ликвидации кулачества как класса», каток модернизации прежде всего прошелся по середняцким слоям деревни. Из существовав-

ших перед началом коллективизации крестьянских хозяйств только около 5% можно было отнести к кулацким. Вместе с тем раскулачиванию и прочим формам давления со стороны государства подверглись 15% крестьян, а в некоторых областях страны, например в Подмосковье, процент пострадавших был еще значительнее. Перегибы с обобществлением имущества при образовании колхозов привели к тому, что крестьяне стали забивать скот: в 1929/30-м хозяйственном году поголовье крупного рогатого скота сократилось с 60,1 млн до 33,5 млн, свиней – с 22 млн до 9,9 млн, овец – с 97,3 млн до 32,2 млн, лошадей – с 32,1 млн до 14,9 млн.

К весне 1930 г., то есть очень быстро, Сталин начинает осознавать всю ошибочность осуществлявшейся траектории преобразований в деревне. Упреждая возникновение массовой оппозиции, 2 марта 1930 г. в «Правде» он публикует свою статью «Головокружение от успехов». Вся вина за «перегибы» в ходе коллективизации в ней возлагалась на местные органы власти. В развитие идей сталинской статьи 14 марта принимается специальное постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». В ней власть шла на серьезные уступки крестьянству. Начался массовый выход крестьян из колхозов, и к лету 1930 г. их численность в колхозах упала до 6 млн человек. Однако маховик колхозного строительства уже не мог остановиться. В сентябре 1931 г. коллективные крестьянские хозяйства объединяли уже 60% крестьян, в 1934 – 75%. К концу 1930-х годов колхозное крестьянство составляло уже свыше 96% аграрного населения.

Одной из самых трагических страниц коллективизации стал голод 1932–1933 гг., поразивший основные хлебные районы страны: Украину, Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, Южный Урал, Казахстан. Информация о произошедшем не доходила не только до мировой общественности, но и до большинства советских граждан. Сегодня страшную беду тех лет некоторые нечистоплотные историки, политики и публицисты стали называть «голодомором», причиной которого якобы стала сознательная политика геноцида. Еще Геббельс попытался использовать тему голода 1933 г. в своих политических инсинуациях. В фашистских листовках впервые была озвучена взятая неизвестно откуда цифра в 7 млн умерших. Сегодня отдельные западные, украинские и даже, что особенно прискорбно, российские авторы не только повторяют геббельсовскую выдумку, но и превосходят своего духовного учителя, называя еще большие цифры потерь.

Спекулятивные атаки ведутся и по другим направлениям. В частности, многие сегодняшние авторы убеждают, что, в отличие от 1921–1922 гг., когда помощь оказывались по линии государства, международных и российских общественных организаций, в начале 1930-х годов деревня фактически осталась один на один со своей бедой. Более того, даже в районах, охваченных голодом, продолжались обязательные государственные хлебозаготовки – подразумевается, что это делалось и в разгар бедствия. К сожалению, подробно в данной книге мы не можем остановиться на всех аспектах тех событий. Поэтому предлагаю всем, заинтересованным знать не выдумки, а правду о голоде 1933 г., обратиться к работам объективных зарубежных и российских авторов, таких как М. Таугер, Т. Мартин, С. Миронин, Ю. Мухин, И. Чигирин и другие.

Разоблачая старые и современные черные мифы о коллективизации, нельзя закрывать глаза и на серьезную цену, которую приходилось платить нашему народу за экономическое развитие страны. Ответом деревни на методы, которыми проводилась коллективизация, стал рост социальной напряженности. В январе–марте 1930 г. прошло не менее 2200 массовых выступлений с участием почти 800 тыс. крестьян. Секретное письмо ЦК от 2 апреля 1930 г. признавало в этой связи, что, если бы процесс насильственной коллективизации не оказался временно приостановлен, добрая половина низовых работников партийного и хозяйственного аппарата была бы перебита крестьянами. Для подавления беспорядков применялись воинские части вплоть до авиации. Недовольство крестьян нередко выплескивалось в насильственные действия и в последующие годы, хотя общий накал сопротивления деревни постепенно снижался.

Коллективизация, осуществленная подчас насильственными методами, тем не менее, благодаря мужеству и трудолюбию русского мужика имела существенные положительные результаты, среди которых важнейшим был переход сельского хозяйства на коллективные рельсы. И хотя в этот период рост сельскохозяйственного производства шел невысокими темпами, те же хозяйственные результаты теперь достигались значительно меньшим количеством рабочих рук: в течение первых пятилеток из аграрного сектора высвободились более 20 млн человек. Таким образом, речь шла о существенном увеличении производительности труда в деревне. Резко поднялась товарность сельского хозяйства. Началось постепенное восстановление поголовья скота. Основные ориентиры модернизации деревни к концу 1930-х годов в целом были достигнуты.

Еще большее место в политике форсированного рывка заняла реконструкция промышленности. В нэповское время в стране существовало несколько подходов к политике промышленного переустройства. К концу 1920-х – началу 1930-х годов в высшем партийном руководстве остались сторонники только двух вариантов дальнейшего развития страны: приверженцы так называемой генеральной линии во главе со Сталиным и обвинявшиеся в правом уклоне деятели во главе с Бухариным (третья, троцкистская, альтернатива существовала только подспудно, ее явные сторонники не были представлены ни в Политбюро, ни в СНК). И сталинская группа, и правые большевики не связывали перспективы внутреннего развития СССР с подстегиванием мировой революции. Такая позиция резко отделяла правых и центристов от разгромленной левой оппозиции. Но на этом близость их подходов заканчивалась.

Группа «правых большевиков» склонялась к так называемому органическому варианту модернизации. В своих представлениях о будущем индустриализации Бухарин и его сторонники опирались на взгляды известных экономистов, таких как А. В. Чаянов и Н. Д. Кондратьев. В их трудах, а также в трудах некоторых представителей русской эмиграции социалистического и республиканско-демократического лагеря допускалась возможность постепенного развития СССР с опорой на рыночные отношения, крепкого хозяина в деревне, широкое кооперативное движение. Они видели венцом такого развития мирное перерождение режима большевиков в обычную демократическую республику. Бухарин, наоборот, рассчитывал на постепенное укрепление социалистического сектора экономики и победу в СССР социализма, но в практической плоскости между ним и экономистами «старой» школы было много общего.

В отличие от Бухарина, Сталин предусматривал ускоренные темпы индустриализации, даже более форсированные, чем ранее предлагали троцкисты. Он объяснял свой выбор внешнеполитической ситуацией. В феврале 1931 г. Сталин заявил: «Задержать темпы – значит отстать. А отстали бьют. Но мы не хотим оказаться битыми <...> Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». По сути, сталинский вариант был невозможен без перекачки средств из деревни в город, административного вторжения в экономику, а также без подкрепления всех этих мер самыми жесткими формами принуждения к труду (ГУЛАГ), однако прогноз Сталина оказался реалистичным – если бы к 1941 г.

СССР не стал в индустриальном отношении вровень с передовыми странами, противостоять объединенным силам всей Европы у него не оказалось бы ни малейших шансов.

Поворотным в промышленной реконструкции также становится 1929 год, когда на XVI партконференции принимается первый пятилетний план экономического развития, рассчитанный на 1928–1933 гг. Подготовка заданий первого пятилетнего плана велась несколько лет – с 1923 г. Начиная с 1926 г. Госплан и ВСНХ в атмосфере острых дискуссий вели обсуждение различных моделей пятилетки. Постепенно чаша весов стала склоняться в пользу сторонников ускоренного варианта развития во главе с крупным экономистом С. Г. Струмилиным, в прошлом меньшевиком. На обсуждение XVI партконференции Госпланом СССР было подготовлено два варианта плана – «отправной» и «оптимальный», показатели которых различались примерно на 20%. Конференция осудила сторонников правого уклона и одобрила «оптимальные» задания на первую пятилетку. После утверждения их V съездом Советов СССР в мае 1929 г. первый пятилетний план стал законом, обязательным к исполнению.

Свою роль в выборе именно «оптимального плана» сыграл фактор международной обстановки. В 1929 г. экономике стран Запада поразил глубочайший за весь межвоенный период кризис. Похоже, что о его приближении Сталин знал заранее, поскольку уже в 1928 г. он высмеивал слова Бухарина о бескризисном развитии на Западе. Мировой экономический кризис, во-первых, резко сокращал возможности нашей страны использовать экспорт из-за рубежа машин и станков, на что делался расчет при составлении планов пятилетки. Приходилось налаживать выпуск необходимого оборудования у себя в стране, форсируя развитие базовых отраслей промышленности. Во-вторых, мировой экономический кризис усиливал военную угрозу, что также заставляло ускорять темпы индустриализации. В связи со сказанным стоит отметить, что в годы нэпа советская экономика являлась хоть и относительно изолированной, но все же частью мировой капиталистической экономики. Делая ставку на ускоренное внедрение плановых начал и экономический рывок, Сталин сознательно или интуитивно создавал над СССР антикризисный «зонтик», гораздо более эффективный, нежели тот, которым мы якобы обладаем в наши дни в виде довольно скромных и быстро тающих (в карманах чиновников и олигархов) золотовалютных резервов и различных стабилизационных фондов...

Предусматривалось, что за годы первой пятилетки ежегодное производство электроэнергии будет доведено до 22 млрд кВт/ч, угля – до 75 млн т, чугуна – до 10 млн т, стали – до 10 млн т, тракторов – до 53 тыс. штук, автомобилей – до 100 тыс. штук. В целом национальный доход должен был возрасти на 103%, объем промышленной продукции – на 180%, производство средств производства – на 230%, производительность труда в промышленности – на 110%, реальная зарплата рабочих – на 71%. Для осуществления задач пятилетнего плана выделялись огромные по тому времени капитальные вложения – 64,6 млрд рублей, из которых 16,4 млрд рублей должно было пойти на совершенствование промышленности, и еще 10 млрд рублей – на совершенствование транспорта. Около 75% всех средств, направляемых в промышленность, предназначалось для развития стового хребта индустриализации – тяжелой промышленности.

Оценивая первый пятилетний план, ряд историков подчеркивают вклад в его разработку старых опытных экономистов, многие из которых имели еще дореволюционный опыт. Отмечается сбалансированность, научная обоснованность плановых показателей, которые, несмотря на их масштабность, были вполне выполнимы. Другие исследователи, наоборот, обращают внимание на отсутствие опыта долгосрочного планирования, просчеты разработчиков, нереальность заданий. Кто бы ни был прав, жизнь вскоре внесла коррективы в проведение первой пятилетки. Успехи первых месяцев индустриализации породили у советского руководства уверенность в возможности еще более быстрого развития страны, первоначальные расчеты были отброшены, и началось административное подстегивание темпов роста промышленности.

В декабре 1929 г. на съезде ударников Сталиным был выдвинут лозунг «Пятилетку в четыре года!». Правая оппозиция к этому времени была разбита, и призыв вождя не нашел серьезного сопротивления. Летом 1930 г. на XVI съезде ВКП(б), вошедшем в историю как «съезд развернутого наступления социализма по всему фронту», форсированный вариант индустриализации был закреплен окончательно. В своем выступлении Сталин провозгласил, что к концу пятилетки ежегодное производство чугуна может и должно составлять 17 млн т, тракторов – до 170 тыс. штук, автомобилей – до 200 тыс. штук. Тем самым и без того напряженные задания пятилетки были подняты в среднем в два раза.

Непоследовательность в вопросах экономического строительства привела к перенапряжению сил страны и породила

острые негативные явления. Так, в 1932 г. фактический прирост промышленности составил всего 14,7%, тогда как намечалось 32%. Особенно катастрофически упали темпы роста в 1933 г., составив всего 5%. Росла себестоимость промышленной продукции, ее энергоемкость; качество, наоборот, падало. Как результат ошибок в планировании и просчетов в экономике в упадок стала приходить финансовая система страны. В результате потребовалось прекратить финансирование 613 из 1659 основных строящихся объектов. Из-за нехватки ассигнований приходилось сворачивать намеченные планы, в том числе в таких ключевых отраслях промышленности, как металлургия.

Накапливались и другие трудности. От постоянно растущих темпов индустриализации отставала система коммуникаций – узким местом оставались железнодорожный, морской и речной транспорт. Из предусмотренных планом строительства новых транспортных путей была сдана в эксплуатацию только треть, а радикальная модернизация транспорта так и не началась. В народном хозяйстве складывались серьезные диспропорции: легкая промышленность фактически приносилась в жертву тяжелой и стала все быстрее отставать от нее. Именно в годы «большого скачка» сформировались многие глубокие диспропорции, которые несколько ближайших десятилетий будут присутствовать в экономике СССР.

Возникшие проблемы советское руководство нередко стремилось решать за счет ужесточения дисциплины. В феврале 1931 г. вводятся трудовые книжки для работающих в промышленности. Теперь переход рабочих с одного предприятия на другое в поисках лучших условий труда был затруднен. Другой ограничивающей свободу рабочих мерой явился закон от 15 ноября 1932 г., по которому отсутствующий на рабочем месте в течение одного дня мог быть уволен. Вслед за увольнением он терял и все свои права, которые давала работа: на бесплатное жилье, продовольственную карточку, бесплатный отдых и т.д. 4 декабря 1932 г. СНК и ЦК ВКП(б) издают еще один указ, направленный на устранение пережитков «революционной вольницы» в трудовых отношениях: продовольственное снабжение рабочих ставилось в зависимость от соблюдения дисциплинарных норм и отдавалось под контроль дирекции.

Именно в годы первой пятилетки, столкнувшись с экономическими трудностями, советское руководство попыталось найти выход за счет применения принудительного труда заключенных. В апреле 1930 г. принимается указ о расширении

трудовых лагерей, которые передавались в ведение Главного управления лагерей – печально знаменитого ГУЛАГа. Труд заключенных применялся в строительстве, на осушении болот, лесозаготовках и промышленных объектах. Их руками были возведены многие важные объекты народного хозяйства.

Вместе с тем реализация планов пятилетки продолжалась. Миллионы людей были проникнуты настроем трудового подвига. В стране разворачивалось социалистическое соревнование, главной формой которого в эти годы являлось ударничество. К третьему году пятилетки в ударных бригадах трудилось не менее миллиона человек. Еще одной формой социалистического соревнования становится встречное планирование, когда трудовые коллективы выдвигали встречные, более высокие обязательства. Встречное планирование базировалось на использовании внутренних резервов производства и породило широкое рационализаторское движение. Для руководства изобретательской и рационализаторской деятельностью в апреле 1931 г. был образован специальный Комитет по изобретательству при СТО СССР. В течение первой пятилетки в него поступило более 40 тыс. заявок на различные изобретения. Экономия в результате внедрения в производство технических новшеств рабочими и инженерами за этот период составила не менее 370 млн рублей.

Страна буквально превратилась в единую строительную площадку. Шла реконструкция старых заводов в Москве, Ленинграде, Горьком, на Урале и в Донбассе. Строились новые предприятия. Их оснащали самой совершенной по тем временам техникой, на приобретение которой не жалели средств. Проекты многих первенцев советской индустриализации заказывали за границей: в Америке или Германии. Для многих иностранцев, побывавших в те годы в СССР, эти грандиозные «стройки социализма» казались чудом. Новые проекты советской индустрии часто начинали строиться в голой степи, где не было ни инфраструктуры, ни местной энергетической базы, ничего, но скоро вырастали корпуса новых заводов, плотины электростанций, целые города. Всего в годы первой пятилетки было возведено около 1500 важных промышленных объектов. Среди них были такие гиганты, как Днепрогэс, Магнитка, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Московский и Горьковский автомобильные заводы. Открылось движение на Туркестано-Сибирской железной дороге. На востоке страны была создана новая мощная угольно-металлургическая база – Урало-Кузбасс.

В 1932 г. сталинским руководством было заявлено, что первая пятилетка выполнена досрочно – за 4 года и 3 месяца. В действительности задания по первому пятилетнему плану удалось выполнить всего на 93,7%, но и подобные результаты были в ту пору беспрецедентны в мировой истории. В среднем объем продукции крупной промышленности в 1932 г. превысил более чем вдвое довоенный уровень и больше чем в два раза уровень 1928 г. Ее удельный вес в валовой продукции народного хозяйства достиг 70%. К 1932 г. производство электроэнергии составляло 13,5 млрд кВт/ч, угля – 64,4 млн т, чугуна – 6,2 млн т, стали – 5,9 млн т, тракторов – 49 тыс. штук, автомашин – 24 тыс. штук. Основная цель первой пятилетки – перевести отечественную экономику на рельсы интенсивного индустриального движения – была достигнута. СССР из страны, ввозящей промышленное оборудование, превращался в страну, производящую оборудование. Трудом миллионов людей в стране была создана передовая техническая база, способная обеспечить дальнейшую реконструкцию народного хозяйства с опорой преимущественно на собственные силы.

Уроки первой пятилетки заставили советское руководство скорректировать свои подходы к методам индустриализации. Выступая в январе 1933 г. на Пленуме ЦК ВКП(б), Сталин заявил, что больше нет необходимости «подхлестывать и подгонять страну» и следует отказаться от завышенных темпов промышленного переустройства. Второй пятилетний план развития народного хозяйства на 1933–1937 гг. был утвержден на проходившем в январе–феврале 1934 г. XVII съезде ВКП(б), названном «съездом победителей». Заложенные в нем итоговые показатели были существенно выше, чем в первом пятилетнем плане. Производство электроэнергии к концу пятилетки планировалось довести до 38 млрд кВт/ч, чугуна – до 16 млн т, стали – до 17 млн т; нефти и газа – до 46,8 млн т. Предполагалось повысить производительность труда в промышленности на 63%, а себестоимость продукции снизить на 26%. В годы второй пятилетки был продолжен курс создания новых опорных баз индустрии на востоке страны. В районы Урала, Западной и Восточной Сибири, Средней Азии направлялось до половины всех капиталовложений на новое строительство в тяжелой промышленности.

В то же время плановые задания второй пятилетки носили более сбалансированный характер. Так, среднегодовые темпы прироста промышленной продукции снижались до 16,5% против 30% в первой пятилетке. По сравнению с первой пятилеткой, ощутимо увеличивались средства, направляемые в

легкую промышленность, что должно было дать ей развиваться более высокими темпами, чем тяжелая промышленность (соответственно 18,5 и 14,5% прироста в год), и обеспечить население достаточным количеством товаров народного потребления. В соответствии с этим предусматривались установки на значительный рост жизненного уровня населения. Планировалось, что за счет повышения зарплаты, снижения на 35% розничных цен и других мероприятий уровень потребления в стране поднимется в 2–3 раза.

Изменились методы осуществления политики индустриализации. В отличие от военно-коммунистических методов первой пятилетки, в годы выполнения второго пятилетнего плана происходит определенная реанимация экономических методов управления и стимулирования трудовой деятельности. Упор делается на хозрасчет, хозяйственную самостоятельность предприятий и материальную заинтересованность рабочих в увеличении производства и улучшении его качества. В очередной раз как «левацкие» были осуждены идеи отмирания денег и вытеснения их прямым продуктообменом и централизованным распределением. С высоких трибун заговорили о необходимости оздоровления финансов и укреплении рубля как основы экономической самостоятельности страны.

На производстве широко проводились эксперименты, призванные совершенствовать систему хозяйственного руководства промышленностью. За многими начинаниями тех лет стоял руководитель ВСНХ, а затем Наркомата тяжелой промышленности С. Орджоникидзе. Так, в 1934 г. он поддержал предложение представителей Макеевского металлургического завода, заявивших о готовности перейти на работу без государственных дотаций. Через три месяца макеевцы доказали свою правоту. Тогда НКТП постановил распространить опыт Макеевского завода на всю тяжелую промышленность, что позволило к концу 1936 г. существенно снизить объемы государственных средств, отпускаемых на развитие отрасли. В 1936 г. опыт экономического регулирования экономики был расширен. В соответствии с принятым в этом году законом «О хозрасчетных правах главных управлений» главам промышленных наркоматов предоставлялось право распоряжаться оборотными средствами, иметь счета в Госбанке, заниматься сбытовой и снабженческой деятельностью.

Новый курс не означал легализации частного капитала, тем не менее мероприятия в сфере государственной промышленности напоминали экономический либерализм 1920-х годов. Политика реформ затронула и простых граждан. Еще в

1931 г. Сталин заявил, что размер оплаты труда должен зависеть от его производительности. В годы второй пятилетки делается ставка на борьбу с «обезличкой» и «уравниловкой». В 1935 г. в промышленности, строительстве и на транспорте внедряется сдельная оплата труда, повышавшая заинтересованность рабочих в увеличении количества и качества выпускаемой продукции. Одновременно был совершен переход на систему дифференциации труда – теперь размер зарплаты увязывался с условиями работы, степенью ее сложности, квалификацией и стажем работников. Возникла система материального стимулирования труда, которая побуждала не только ударников, но и всех рабочих повышать свою квалификацию, ответственнее подходить к порученному делу, бороться за повышение производительности труда. В справке сектора Госплана СССР в 1935 г. по этому поводу отмечалось: «На всех участках народного хозяйства, где применялась прогрессивно-сдельная оплата труда, мы получили громадный хозяйственный эффект, выразившийся прежде всего в огромном росте производительности труда <...> Особенно большой эффект дала прогрессивно-сдельная оплата труда в отраслях тяжелой индустрии, черной и цветной металлургии, каменно-угольной, машиностроении и химии».

Предпринятые меры привели к стабилизации экономического положения и улучшению условий жизни. 1 января 1935 г. были отменены карточки на хлеб. Вслед за этим с 1 октября 1935 г. отменяются карточки на мясные продукты, жиры, сахар, картофель, а с 1 января 1936 г. ликвидируется система карточного распределения и непродовольственных товаров. Потяжелевший, вернувший реальное содержание рубль становится действенным средством для более глубокого внедрения экономических стимулов. Возрастает и моральный престиж добросовестного труда. Вместо лозунга первой пятилетки «Техника решает все», в годы второй пятилетки Сталин выдвигает новый: «Кадры решают все». Хороший труд становится престижным. Передовики производства делаются героями газетных очерков, их портреты украшают «Доски почета» у заводских проходных и на центральных улицах городов. Советский патриотизм, стремление помочь Отечеству догнать и перегнать развитые страны мира, доказать, что советский рабочий ни в чем не уступает европейскому или американскому, выступают важными мотивами высокопроизводительного труда.

В этой атмосфере середины 1930-х годов возникает стахановское движение, сыгравшее важную роль в выполнении

планов второй пятилетки. Имя движению дал донецкий шахтер Алексей Стаханов. Он стал инициатором внедрения на своей шахте бригадной организации труда, когда каждый рабочий специализировался на выполнении только определенного вида работы. Это позволило экономить общее время работы и поднять ее качество. В ночь с 31 августа на 1 сентября Стаханов со своими товарищами установил мировой рекорд, перекрыв дневную норму выработки угля в 14 раз. 19 сентября Стаханов установил еще один рекорд, выдав за смену 207 т угля (при норме 7 т). Подвиг Стаханова и его бригады показал, что едва ли не любой рабочий (Стаханов в то время не был членом партии, вступив в нее в 1936 г.) может добиться повышенных результатов.

Стахановский опыт получил всесоюзную известность. В целях его всемерной пропаганды в 1935 г. ЦК ВКП(б) провел Всесоюзное совещание стахановцев. В том же году Пленум ЦК ВКП(б) обязал все партийные и советские органы на местах оказывать стахановцам всемерную поддержку. Стахановское движение быстро распространялось по всем отраслям промышленности. Ему нашлось место даже в системе ГУЛАГа. За свой труд стахановцы получали повышенное материальное вознаграждение. Современный американский историк С. Коткин, глубоко проанализировавший историю Магнитки как своеобразную «витрину» сталинской системы 1930-х годов, в целом позитивно оценивает стахановское движение и приводит следующие данные о материальном положении наиболее знатных стахановцев Магнитки: Михаил Зуев за 1936 г. заработал 18 524 рубля (при среднем заработке 170 рублей в месяц), а вся рабочая семья Зуевых (сам Михаил и его три сына, Федор, Василий и Арсений, тоже стахановцы) за год заработала 54 тыс. рублей; вторым после Зуева по уровню зарплаты был оператор блюминга Огородников, заработавший в том же году 17 774 рубля; еще один стахановец, Владимир Шевчук, в 1935 г. в месяц зарабатывал около 935 рублей, а в 1936 г. – 1169 рублей. Стахановцев премировали путевками, мотоциклами, машинами, квартирами, денежные премии иногда достигали 10 000 рублей.

Имелись у стахановского движения и свои оборотные стороны. Погоня за рекордами рождала приписки, случалось, что результаты целых бригад выдавались за достижение одного человека, выполнявшего конечную операцию в длинном производственном цикле. Бывали «примерь», когда для достижения отдельного рекорда все ресурсы перебрасывались на узкий участок, что сопровождалось общим отставанием

предприятия. Эти и многие другие явления были осуждены в верхах партии уже в 1935 г., но полностью искоренить их не удалось и позже. Кроме того, стахановское движение имело свои технологические границы. Например на Магнитке (и не только там) стремление к рекордам упиралось в возможности техники. Игнорирование технических предписаний вело к разрушению дорогостоящего оборудования, а тех, кто предупреждал об опасности, объявляли «контрреволюционными элементами» или малOVERами.

Разным было отношение к стахановцам со стороны рабочих. Для привыкших работать по старинке, с ленцой, достижения стахановцами новых, повышенных норм производительности труда оборачивались необходимостью преодолевать собственную расхлябанность и некомпетентность. Но в целом стахановское движение встретило горячую поддержку со стороны трудящихся. Сочетание моральных и материальных стимулов в стахановском движении существенно расширяло базу социалистического соревнования по сравнению с годами первой пятилетки. Количество стахановцев постоянно возрастало, стахановскими становились целые участки, бригады, цеха. Начинают создаваться так называемые стахановские школы, где передовики непосредственно на рабочих местах передавали свой опыт другим рабочим. Первая такая школа была создана в 1935 г. на обувной фабрике «Парижская коммуна» стахановцем-орденоносцем С. И. Якушиным, и вскоре они возникают на многих промышленных предприятиях столицы и других городов. К 1 января 1938 г. стахановцем считался примерно каждый четвертый советский рабочий. Сам Стаханов, а также его последователи – кузнец А. Бусыгин, машинист П. Кривонос, машиностроитель И. Гудов, текстильщицы Евдокия и Мария Виноградовы – становятся, по сути, национальными героями и символом своего времени.

Наряду с массовым энтузиазмом и подвижничеством в годы второй пятилетки продолжается использование сферы принудительного труда. К концу форсированной модернизации в местах лишения свободы содержалось 1668 200 заключенных, труд которых широко применялся при строительстве Беломоро-Балтийского канала, канала Москва–Волга, Магнитки, на других ударных стройках. Кроме того, на принудительных работах использовался труд спецпереселенцев (с 1934 г. их стали называть трудпоселенцами). В 1934 г. в трудпоселки было направлено 255 тыс., в 1935 г. – 246 тыс., в 1936 г. – 165 тыс., в 1937 г. – 128 тыс. человек. Общая численность трудпоселенцев по сравнению с 1931 г., когда она достигала максимума,

снизилась почти на 450 тыс. и составила 878 тыс. человек. Условия труда трудпоселенцев и заключенных были невероятно тяжелы, но окрестить его рабским, как это делается в современной публицистике, тоже было бы несправедливо. Лица, проявившие себя с лучшей стороны, могли рассчитывать не только на досрочное освобождение, но и на получение орденов и медалей, высокое материальное вознаграждение, дальнейшую благополучную карьеру. Вместе с тем непосильная работа, издевательства и бытовая неустроенность вели к несколько большей, нежели на свободе, смертности среди населения ГУЛАГа и трудпоселенцев, а принудительный характер труда резко снижал его производительность. За годы второй пятилетки советская держава сделала большой шаг вперед. Несмотря на то что планы развития легкой промышленности и роста благосостояния населения в полном объеме выполнить не удалось, результаты второго пятилетнего плана оказались более впечатляющими, чем показатели первой пятилетки. Стахановское движение позволило увеличить производительность труда не на 63%, как предполагалось по плану, а на 82% против 41% в первой пятилетке. За счет роста производительности труда удалось получить 2/3 всего прироста промышленной продукции. Валовая продукция промышленности выросла в 2,2 раза против двух раз в первой пятилетке, хотя численность рабочих и служащих теперь росла в 4 раза медленнее. В строй вступило 4500 крупных предприятий. В машиностроении, например, к 1937 г. удельный вес новых либо полностью реконструированных заводов составлял 88,6%, тогда как заводов с преимущественно дореволюционным оборудованием оставалось всего 11,4%. Производство нефти удалось поднять приблизительно в 1,4 раза, угля – в 2 раза, электроэнергии – в 2,7 раза, а производство проката возросло более чем в 3 раза. Одним из важнейших итогов второй пятилетки, по мнению современных историков, были успехи, достигнутые в становлении военно-промышленного комплекса, включавшего теперь десятки самых современных заводов по всей стране.

Позитивные сдвиги в развитии отечественной промышленной базы позволили отказаться от экспорта зерна ради покупки машин и промышленного оборудования. Затраты на ввоз черных металлов снизились с 1,4 млрд рублей в первой пятилетке до 88 млн рублей во второй. Импорт станков для машиностроительной промышленности сократился в общем объеме с 66% в 1928 г. до 14% в 1935 г. В целом в годы второй пятилетки импорт машин уменьшился более чем в 10 раз

по сравнению с последними годами первой пятилетки, а потребность во ввозе в страну тракторов и автомобилей отпала совсем. В 1936 г. удельный вес импортируемой продукции в общем потреблении страны составил менее одного процента. С 1934 г. СССР уже имел активный внешнеторговый баланс, а задолженность по иностранным кредитам с 6300 млн рублей в 1931 г. снизилась до 400 млн рублей в 1936 г. Все эти показатели говорили об обретении страной экономической самостоятельности и о высокой результативности выбранного варианта социально-экономического развития.

Индустриализация самым серьезным образом изменила облик советского общества. За годы первых пятилеток СССР из страны, ввозившей станки и машины, превратился в страну, производящую их. Численность рабочего класса за это время увеличилась примерно на 20 млн человек. Были освоены новые промышленные районы на востоке страны. В стране возникли целые отрасли, которых не было в царской России: авиационная, тракторная, электроэнергетическая, химическая и другие. По объему продукции страна в результате успехов индустриализации вышла на 1-е место в Европе и на 2-е место в мире. Советский Союз стал одним из государств, способных обходиться без импорта существенно необходимых товаров и самостоятельно производить любой вид продукции, известной в ту пору человечеству, и этот статус сохранялся на протяжении нескольких десятилетий – в период всего последующего существования СССР как единого государства.

Однако главным достижением социально-экономического переустройства 1930-х годов становится принципиально новый хозяйственный механизм на основе перспективного планирования, что делало СССР полностью застрахованным от пагубного воздействия на него внешних кризисов мировой капиталистической системы. Не менее важно, что новая система управления делала гораздо более сбалансированным и предсказуемым развитие самой советской экономики. Это означало, с одной стороны, обеспечение подлинной экономической независимости, а с другой – создание условий для внутреннего устойчивого развития.

Как уже говорилось выше, к концу 20-х годов XX в. экономическое отставание СССР от прямых геополитических конкурентов вновь стало увеличиваться. Стране требовались нетрадиционные решительные шаги. Ими и стало рождение в конце нэповской эпохи первого пятилетнего плана народно-хозяйственного развития.

Сегодня советский опыт с большим или меньшим успе-

хом стремятся повторить все ведущие страны и корпорации мира, но тогда мы выступили абсолютными первопроходцами. Нигде в мире ничего, подобного советским пятилеткам, не существовало. Учиться было не у кого. И тем не менее риск полностью оправдался: уже само по себе внедрение перспективного планирования делало экономическое развитие СССР более осмысленным и предсказуемым; наконец, была решена нерешаемая прежде задача повышения управляемости народным хозяйством.

Выработанная в ходе непростых поисков система планирования позволила соединить личные и общественные интересы еще на этапе принятия решений, что, естественно, не исключало конфликта интересов хозяйствующих субъектов, но существовавшие механизмы регулирования позволяли не доводить их до антагонистических, а многие эффективно преодолевать. В общих чертах ее можно представить следующей схемой (схема 2).

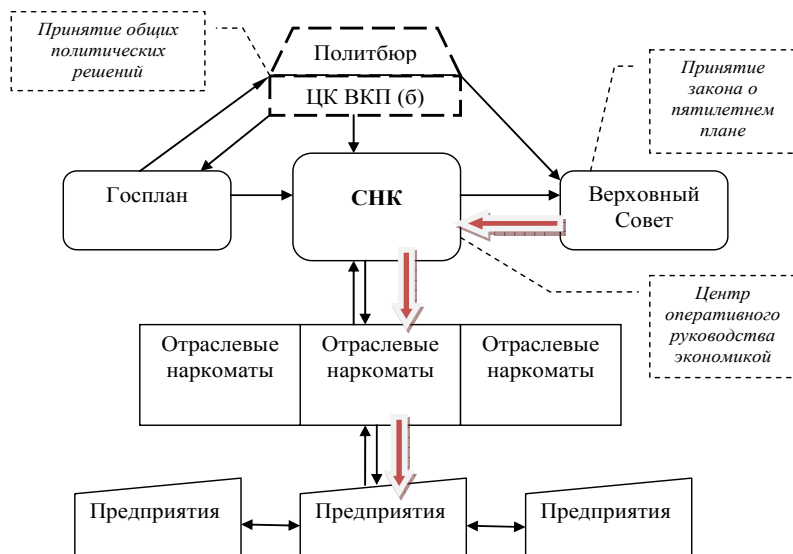

Схема 2. Система хозяйственного регулирования 1930-х годов

Реформы 1930-х годов привели к созданию уникальной общенациональной корпорации. Мощь ее постоянно возрастала. Возрастали и ее масштабы, что имело и свою негативную сторону, поскольку неизбежно вело к разрастанию управлен-

ческого аппарата, в частности на протяжении всех тридцатых годов идет бурный процесс образования все новых и новых ведомств и министерств. Однако сводить хозяйственный механизм только к росту бюрократизма, как это принято сегодня среди сторонников тоталитаристской историографической школы, в корне неверно.

В этой связи важно обратить внимание на такой уникальный орган, у истоков создания которого стоял непосредственно В. И. Ленин, как Госплан, или, иначе, Государственный плановый комитет. Он был создан в 1921 г. Это была принципиально новая для мировой практики специальная экономическая структура, хотя отдельные плановые и прогнозирующие органы существовали и прежде, в том числе и в России. Очень хорошо и одновременно емко о значимости Госплана сказано в исследовании С. Кара-Мурзы и Г. Осипова. Вот что они пишут:

«Экономика – арена конфликта интересов (социальных групп населения, отраслей, регионов). Эти интересы воздействуют на соответствующие государственные органы, возникают объективные противоречия в их политике, иногда конфликты. Это происходит при любом экономическом строе. Разница в том, что при малой степени огосударствления хозяйства разрешение значительной части противоречий и конфликтов (хотя далеко не всех) возлагается на стихийно действующий механизм рынка. А в Советском государстве, роль которого в экономике резко возросла, стало необходимым создать авторитетное ведомство без своего особого “интереса”. Его задачей было находить приемлемый или даже хороший способ удовлетворения многочисленных конкурирующих между собой экономических интересов.

Таким ведомством и был Госплан. Главной его функцией было изучение и согласование экономических интересов. Разумеется, значимость тех или иных интересов определялась политическими условиями. На первом месте стояла, конечно, оборона, а значит, развитие обеспечивающих ее отраслей промышленности и т.д. Но это были осознанные политические решения, которые Госплан вписывал в общую систему всех других интересов. Советские плановики разработали и главный методологический инструмент – межотраслевой баланс. Госплан рассчитывал баланс потребностей и ресурсов, предвидя социальную и экономическую динамику.

Конкретные задания Госплана в количественном выражении часто выполнены не были, но это чисто формальная оценка планирования. Важно, в какой мере решались структур-

ные задачи, поставленные пятилетними планами. Предвоенные пятилетки, которые должны были превратить Россию в индустриальную страну, полностью выполнили эту свою задачу. В советском хозяйстве были спроектированы и построены большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма начала XX в., стать промышленно развитой и научной державой и в исторически короткий срок подтянуть тип быта всего населения к уровню развитых стран».

Система государственного управления экономикой в результате внедрения плановой дисциплины выглядит гораздо более жесткой, нежели в 1920-е гг., но в действительности становится гораздо более действенной. Увеличивается ее гибкость и приспособляемость к решаемым задачам. Между ведомствами и отдельными предприятиями начинают устанавливаться деловые контакты, имевшие вспомогательную, но, тем не менее, важную роль. Следует согласиться с теми авторами, которые называют советское народное хозяйство экономикой согласований и ищут о сильных горизонтальных связях, существовавших в СССР. Но и по вертикали отдельные звенья системы управления советской экономикой, в отличие от «военного коммунизма», крепились между собой не жестко, а по принципу шарнира в механике, когда нижестоящие звенья получали возможность искать самостоятельные хозяйственные решения в рамках предоставленной им компетенции. Эта компетенция не была величиной постоянной, она то расширялась, то снова сужалась, но всегда оставляла за предприятием свободу маневра.

Более того, эта свобода маневра, активное участие в создании плановых заданий, низовая инициатива изначально предполагались, вменялись в обязанность хозяйствующим субъектам уже на заре развития в СССР плановых рычагов управления экономикой. В этом ключе очень интересен и показателен случай, приводимый Г. С. Струмилиным и Полом Грегори в их исследованиях. Когда (еще в 1925 г.) хозяйственники пожаловались на то, что Госплан не устанавливает для них конкретных производственных заданий, руководство Госплана ответило предельно ясно: «Конечно, для многих ведомств это было бы большим облегчением – получить без всяких усилий со своей стороны вполне готовый план с детальнейшими заданиями по каждой группе производства, по каждому тресту <...> Легко себе представить, что это за архибюрократическое произведение получилось бы, если бы Госп-

лан, сидя у себя в Москве, на Воздвиженке, взял на себя роль всесоюзной няньки или какого-то попечительного провидения по отношению к каждому захолустному тресту, до которого и в три года не доскачешь».

Оставаясь страной с ограниченным прибавочным продуктом, что по-прежнему определялось климатическими и географическими условиями, СССР получил универсальный инструмент мобилизации необходимых ресурсов для решения не только общегосударственных, но и общенациональных задач мобилизационного плана.

Парадоксы политического развития СССР в 1930-е годы

Одним из наиболее ключевых и принципиальных вопросов для новейшей историографии является вопрос о социальной природе и характере той системы, которая сложилась в нашей стране в 30-е годы прошлого века. Волновал этот вопрос и современников тех грандиозных событий. В странах капитализма в переменах, проходивших в СССР, виделась угроза стабильности и самому существованию Западного мира. Следствием этого становится появление концепций, пытавшихся объяснить новейший этап развития цивилизации и роль в ней Советского Союза. Звучали предвидения разных по своим идеологическим воззрениям мыслителей, которые уже в первой трети XX в. на все лады писали о появлении в ближайшей перспективе нового типа государства, поглощающего гражданское общество. Так, социолог Р. Бруно писал о новой общественно-экономической формации – «бюрократическом коллективизме», черты которого – вмешательство в экономику и частную жизнь со стороны государства – он видел не только в сталинской России, но даже в Америке Рузвельта с проводимым там «новым курсом». Единственное, что соответствовало действительности во взглядах радикалов, подобных Р. Бруно, было усиление в нашей стране в период ускоренного социально-экономического развития СССР роли государства в жизни общества. Но признания этого факта еще недостаточно для понимания сущности протекавших в сталинской России процессов. Попытаемся разобраться в них самостоятельно. А для этого сначала посмотрим на фактическую сторону политического развития СССР предвоенного времени.

Наиболее важным, что определяло все развитие страны, было зарождение в СССР плановой экономики. В силу этого на протяжении всех 30-х годов XX в. в Советском Союзе идет

становление политической системы, полностью ориентированной на осуществление форсированного индустриального рывка. Развитие этого процесса сталкивалось с несколькими сложнейшими проблемами. Из них особо следует выделить три, носивших общий, системный характер и поэтому влиявших на все стороны жизни страны. Первая из них заключалась в противоречии между революционными настроениями в обществе и потребностями стабилизации страны. В чем была ее острота? Сохранившийся с 1917 г. революционный энтузиазм масс в свое время помог Сталину совершить так называемый Великий перелом, расправиться с правым уклоном в партии, решить многие экономические проблемы первой пятилетки. Но затем пережитки революционной психологии разрушения, сохранявшиеся в самых различных социальных слоях, начали угрожать уже не оппозиции, а стабильности самого сталинского режима.

Вторая проблема, ждавшая своего решения, была связана с так называемой исторической усталостью советского общества. Вынесшие на своих плечах две революции, Первую мировую и гражданскую войны, ожесточенную политико-идеологическую борьбу 1920-х годов, люди остро нуждались в своего рода «социальном перемирии». Но, с другой стороны, экономические противоречия нэпа и международная ситуация требовали принятия нестандартных, радикальных политических решений, что грозило возрождением наиболее авторитарных методов «военного коммунизма» и новым перенапряжением сил.

Наконец, предстояло решить вопрос и о социальной базе ускоренного социально-экономического рывка. Индустриализация осуществлялась с опорой на унитарную, а именно государственную, собственность. Это действительно, как подчеркивал Р. Бруно, неизбежно укрепляло позиции советской бюрократии. Но любая бюрократия в силу присущих ей инертности и консерватизма не могла обеспечить долгосрочного прогресса в экономике. С другой стороны, опора на демократические рычаги управления позволяла расширить социальную базу режима, придать курсу реформ дополнительную устойчивость. Однако в дальнейшем соблюдение формализованных демократических процедур не гарантировало сохранения высоких темпов перевода страны на новую, индустриальную ступень развития.

Неоднозначность и противоречивость тенденций, влиявших на положение в государстве, предопределяло и тактическое многообразие принимаемых в то время управленческих

решений. В арсенале тогдашней политики были как сугубо карательные, так и направленные на широкий общественный компромисс меры. Различное их сочетание вело то к росту общественной напряженности, то к некоторой стабилизации, снижению конфронтационности, даже частичной демократизации. Обобщив выводы современных историков, в развитии советской политической системы за десятилетие с 1929 г. до начала в 1939 г. Второй мировой войны, можно выделить четыре самостоятельных периода:

1) 1929–1933 гг. – временный возврат к чрезвычайным методам в экономике, первая волна репрессий;

2) 1933–1936 гг. – в экономике соответствует так называемому сталинскому неонэпу, время смягчения государственно-вмешательства в экономику, упор на личную инициативу и заинтересованность, широкие политические реформы, включая принятие демократической Конституции 1936 г.;

3) 1937–1938 гг. – срыв курса на демократизацию, обострение политической борьбы и социальной напряженности, вторая, более мощная, волна репрессий;

4) 1938–1941 гг. – предвоенная консолидация общества, осуждение массовых репрессий и частичная реабилитация их жертв.

Первый этап. Для первого из этих этапов было характерно наибольшее за всю историю СССР доминирование партийных органов над государственными. Юридически власть в стране по-прежнему принадлежала Советам, но фактически высшая власть (законодательная, исполнительная и распорядительная) в это время концентрировалась в партии, а внутри партии – в руках Политбюро. Именно Политбюро предопределяло все основные направления развития и партии, и страны, а заодно рассматривало массу сравнительно мелких, второстепенных проблем. Рычагами, посредством которых Политбюро осуществляло свою власть, являлись высшие государственные органы и правления общественных организаций. В начале 1930-х годов значительное количество принципиальных решений и акций, формально исходивших от различных государственных учреждений, будь то ВС СССР, СНК СССР, СТО СССР, Генштаб или Госплан, на самом деле осуществлялось по инициативе и по указанию Политбюро.

Политбюро не являлось монолитным органом. Хотя документы не подтвердили существования в Политбюро оппозиции в лице так называемых мягких сталинцев, в начале 1930-х годов отдельные его члены располагали значительным влиянием и свободой действий. Политический вес отде-

льных членов Политбюро в немалой степени определялся силой и значимостью возглавляемых ими ведомств. Некоторые исследователи сравнивают их с некими полуфеодальными «вотчинами», другие – с новейшими сверхкорпорациями. Чем сильнее были те или иные ведомства, тем более могущественны были опиравшиеся на них политические группы. Среди подобных ведомственных гигантов можно назвать, например, Наркомат тяжелой промышленности, возглавляемый С. Орджоникидзе. Большой вес в структуре Советского государства военного ведомства определял и достаточно сильные позиции в Политбюро К. Е. Ворошилова и т.д. Будучи «хозяином» на своем участке, каждый из членов Политбюро в той или иной мере придерживался общих правил игры и был готов к компромиссу и подчинению высшему авторитету – Сталину. Однако и Сталину приходилось считаться с наличием этих своеобразных «сфер интересов».

Ощутимая власть, помимо членов Политбюро, концентрировалась у чиновников рангом пониже, своего рода вождей второго уровня. К ним принадлежали руководители наркоматов, центральных органов общественных организаций, видные военачальники, а также лидеры регионов. Что касается последних, то у себя на местах они прибирали к рукам все ветви власти, подчиняя себе деятельность партийных, советских, судебных, правоохранительных органов, а также прокуратуры и общественные организации. Лидеры регионов обрастали связями, «своими людьми». В этом им помогала такая практика, как «кооптация» – введение нужных людей в советские органы без процедуры выборов. Бичом становились такие явления, как «кумовство», «круговая порука», несменяемость руководящих кадров. В начале 1930-х годов, пока не началась целенаправленная политика по разукрупнению регионов и созданию новых областей, количество таких региональных лидеров было весьма невелико, а следовательно, их влияние и самостоятельность были чрезвычайно существенны. Центр почти не имел рычагов реального контроля над ними. Все попытки чисток партаппарата разбивались о стойкое противодействие регионалов, а крайними оказывались случайные люди или те коммунисты, которые пытались противостоять всесилю местных руководителей. Среди таких, по определению историка А. Елисеева, «красных князьков» выделялись, например, руководители Украины С. Косиор, В. Чубарь, П. Постышев. В РСФСР чрезвычайно весомая роль принадлежала С. Кирову, Р. Эйхе, И. Варейкису, М. Хатаевичу, Б. Шеболдаеву и другим им подобным.

Усиление бюрократизма, множественные перегибы, личное возвышение Сталина порождали в обществе оппозицию. Это вызвало первую волну массовых репрессий. Наиболее масштабным гонениям в этот период подвергались так называемые кулаки. Для ликвидации «кулачества как класса» создавались специальные тройки, получившие широкие права внесудебного преследования зажиточных крестьян. В них входили представители крайкомов (обкомов) ВКП(б), прокуратуры и НКВД. Согласно постановлению Политбюро от 30 января 1930 г. и приказу ОГПУ от 2 февраля 1930 г. № 44/21 определялся механизм применения репрессивных мер против кулаков. Кулачество делилось на три категории. Для крестьян, считавшихся «контрреволюционным активом» и проходивших по первой категории, предполагались аресты и лагеря, численность этой группы условно была определена в 49–60 тыс. человек. Для тех, кто был отнесен ко второй категории, планировалась высылка в отдаленные районы страны. Наконец, проходившие по третьей категории подлежали расселению недалеко от мест прежнего проживания, но «на новых участках, отводимых за пределами колхозных массивов». По данным Н. Ивницкого, за все годы раскулачивания было раскулачено 600 тыс. хозяйств, выселено 381 026 семей. Среди региональных лидеров, наиболее жестко проводивших политику коллективизации и ликвидации кулачества, были и перечисленные выше вожди второго уровня Косиор, Эйхе, Шейнман и другие.

В число недовольных попадали также представители старой интеллигенции, изначально скептически воспринявшие установление Советской власти. Первый процесс над специалистами старой школы по так называемому Шахтинскому делу был проведен еще в 1928 г. В 1930 г. состоялся громкий процесс по делу так называемой Промпартии. В 1931 г. открылся процесс по делу так называемого Союзного бюро меньшевиков, в ходе которого были осуждены В. Г. Громан, Н. Н. Суханов и другие в прошлом видные меньшевистские деятели. Параллельно шла подготовка еще одного процесса, который должен был состояться над деятелями так называемой Трудовой крестьянской партии Н. Д. Кондратьевым, А. В. Чайновым, Л. Н. Юровским и другими. В ходе следствия и судебных разбирательств была выявлена связь многих обвинявшихся с центрами русской политической эмиграции. Подсудимым ставилось в вину вредительство, создание контрреволюционных организаций и стремление свергнуть Советскую власть. Тогда же, в 1929–1931 гг., было организовано дело против истори-

ков-патриотов, обвинявшихся в националистическом монархическом заговоре, оно получило несколько названий: «дело Платонова–Тарле», «дело историков», «академическое дело». В тот период гонения коснулись многих представителей старой интеллигенции. Тюрьмы в те годы назывались острожками «домами отдыха для инженеров и техников».

Еще более тревожным симптомом стали оппозиционные настроения в годы первой пятилетки в самой партии. Лидер одной из возникших в 1930-е годы оппозиционных групп «Союз марксистов-ленинцев» М. Н. Рютин, анализируя происходящие в стране процессы, писал, что сталинский режим превратил людей в «винтики», в послушные орудия, вынужденные действовать по команде сверху. Он связывал со Сталиным кризис Октябрьской революции, обвинял его в подрыве экономики, в развязывании в стране новой гражданской войны в деревне и по отношению к прежним соратникам по партии. Группа Рютина была раскрыта. Ее лидера в 1932 г. приговорили к 10 годам тюремного заключения.

Возникали и другие оппозиционные группировки. Одну из них возглавили кандидат в члены Политбюро, председатель правительства РСФСР С. Сырцов и первый секретарь Закавказского крайкома партии В. Ломинадзе. Осенью 1930 г. они планировали на ближайшем Пленуме ЦК выступить с критикой Сталина, но были раскрыты. Руководители блока лишились своих высоких постов, но остались на свободе. Ломинадзе сумел воспользоваться этим и вплоть до самоубийства в 1935 г. участвовал в других антисталинских группах. В октябре 1932 г. была вскрыта так называемая бухаринская школа, в которую входило около четырех десятков молодых последователей Бухарина. Участники группы стояли на тех же позициях, что и группа Рютина, в контакте с которой они находились.

Второй этап. Насильственные методы в экономике, политике и социальной сфере, которые применялись в годы первой пятилетки во все возрастающем объеме, доказали свою порочность. В этих условиях сталинское руководство берет курс на некоторую демократизацию советской политической системы. Так, уже в 1931 г. секретным решением ограничивались гонения на беспартийных специалистов. Отныне по отношению к инженерному персоналу, говоря словами Сталина, стала осуществляться политика привлечения и заботы. Еще более масштабные мероприятия в этом направлении начали проводиться с 1933–1934 гг., что совпало с переходом ко второй пятилетке и серьезными сдвигами во внешней политике. На-

чало работы по второму пятилетнему плану ознаменовалось переориентацией от насильственных к экономическим методам руководства экономикой. На международной арене начинается сближение со странами «западной демократии», что диктовалось установлением в 1933 г. фашистской диктатуры в Германии и необходимостью поиска союзников в предстоящей войне.

В рамках нового курса, например, 27 мая 1934 г. была объявлена частичная амнистия и возвращение прав бывшим «кулакам». Год спустя справедливость восстанавливается в отношении детей раскулаченных. В середине тридцатых годов упраздняются введенные Октябрем социальные ограничения в области образования для выходцев из бывших господствовавших классов. Принимаются законы, восстанавливавшие право на наследство и право на имущество по завещанию. Ведется решительная борьба с доставшимся от революционной поры правовым нигилизмом, а также, как показывает в своем исследовании современный канадский историк П. Соломон, элементарной юридической безграмотностью не только рядовых граждан, но даже работников судов и прокуратуры. Большой резонанс в обществе получило восстановление в правах казачества. Им разрешалось не только самобытное обустройство быта, но и ношение казачьей формы.

Социальную базу режима расширяли и другие внутриполитические акции советского руководства. Так, происходит постепенное возрождение традиционной российской морали, восстановление в правах русского патриотизма. Соответствующие коррективы вносились в учебные программы, в которые после десятилетия замалчивания исторического прошлого страны возвращается изучение Отечественной истории. После гонений восстанавливаются в правах историки-патриоты С. Платонов, Е. Тарле, Ю. Готье и другие. Изменения коснулись быта. По мнению русского философа-эмигранта Г. Федотова, это проявилось в запрещении абортов и реанимации отрицавшихся прежней революционной моралью семейных ценностей. Радикально видоизменяется природа общности, с которой должны были идентифицировать себя советские граждане. Если раньше такой общностью были «рабочий класс» и «международное революционное движение», то теперь ими становятся Родина, Отечество, нация, которые отныне провозглашаются священными.

В конечном итоге политика сталинского руководства в середине 1930-х годов внутри страны была направлена на демократизацию советской политической системы и расшире-

ние ее социальной базы. Она имела свои подъемы и спады, однако, если говорить в целом, безусловно, способствовала консолидации самых разных социальных групп, объективно вела к преодолению многих негативных моментов предшествующего времени, связанных с разрушением отечественной государственности и расколом общества на победителей и побежденных в годы революции, гражданской войны и нэпа.

Закономерным продолжением демократизации политического режима СССР в годы «сталинского неонэпа» становится принятие новой советской Конституции. Она была призвана не только подвести итог произошедшим в советском обществе переменам, но и обрисовать перспективы его развития. Направляющей целью грядущей конституционной реформы было создать и укоренить в советскую действительность устойчивый механизм ненасильственного обновления правящего слоя. В последующие годы этот механизм должен был стать гарантией мирного динамичного развития страны. А в самое ближайшее время Сталин предполагал использовать этот механизм для решительной ротации существовавшей элиты, показавшей в годы первой пятилетки свою некомпетентность, закостенелость, неспособность справляться с задачами ускоренного социально-экономического переустройства страны.

Подготовка Конституции началась еще в 1935 г. Для работы над ней была создана специальная Конституционная комиссия во главе со Сталиным. Проект Конституции был вынесен на всенародное обсуждение. Около 2 млн писем по проекту Конституции пришло в журналы, газеты, партийные и советские органы. Всего в обсуждении Конституции приняли участие 55% взрослого населения страны. Наибольшее число предложений от населения касалось таких вопросов, как определение общественного устройства, прав и обязанностей граждан, принципов избирательной системы, решения национального вопроса, а также религиозной свободы и положения церкви. Немалое количество поступивших предложений касалось устройства высших органов власти СССР и их деятельности. Новая Конституция СССР была утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов 5 декабря 1936 г.

Принятие Конституции 1936 г. ознаменовало самые крупные с момента прихода большевиков к управлению страной изменения в общественном и политическом строе. По сравнению с нормами, сохранявшимися в советском законодательстве с революционной поры, новый основной закон серьезно расширял общедемократические права граждан. К прежнему набору традиционных прав и свобод, таких как свобода со-

вести, слова, собраний, союзов и прочие, добавляются новые. Важнейшими среди них можно назвать право на труд, на отдых, социальное обеспечение, образование и другие. Впервые в практике российского законодательства конституционно признавалась неприкосновенность личности. В Конституции 1936 г. по-новому трактовалось само понятие демократии. Если раньше советская демократия была демократией только для трудящегося большинства, то теперь она распространялась на всех граждан СССР.

Новая Конституция упростила и повысила эффективность высших органов власти. Прежде всего, изменилась структура представительных органов. Вместо Всесоюзного съезда Советов, двухпалатного ЦИК СССР и его Президиума новый основной закон предусматривал образование Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Но, что еще более важно, теперь происходит четкое размежевание исполнительных и законодательных ветвей власти. Прежде законы могли издавать как исполнительные, так и законодательные органы – ЦИК и их Президиумы, даже Совнаркомы. Это вело к бюрократизации органов власти, их отрыву от населения. Теперь законодательные права принадлежали исключительно Верховным Советам. Функции Совнаркома были сохранены и расширены, но только в сфере исполнительной власти. Тем самым была реализована сталинская идея отказа от прежней, рожденной революцией, практики и перехода к классической демократической схеме, в основе которой лежит разделение ветвей власти.

Самой серьезной реформе подверглась избирательная система, которая также была максимально приближена к избирательной системе западных демократических государств. В прошлое отходила порожденная революцией практика, когда избирательных прав лишались целые социальные группы. По новой Конституции избирательное право становилось всеобщим: теперь право голоса имели все граждане СССР, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав. Вплоть до 1936 г. сохранялось неравное представительство от жителей города и села. Реально один голос горожанина «весил» три голоса, поданных на выборах в деревне. Теперь избирательная система строилась по принципу «один человек – один голос», то есть на основе равного избирательного права. Отменялись существовавшие долгие годы многоступенчатые выборы. Вводились прямые выборы во все звенья системы Советов – от сельсовета до Верховного Совета СССР. С принятием новой Конституции

происходит полный отказ от производственных выборных округов. Теперь выборы должны были проходить только в округах по месту жительства. Наконец, открытое голосование было заменено тайным.

Конституция 1936 г. была встречена неоднозначно. Достаточно благосклонно ее оценивали общественные деятели на Западе. Так, уже в день опубликования проекта Конституции в советской прессе, 12 июня 1936 г., посольство США в Москве направило в Вашингтон телеграмму, в которой подчеркивалось, что проект новой советской Конституции создает впечатление наиболее либерально окрашенного документа по сравнению с конституциями всех прочих стран. Известный французский писатель-гуманист Р. Ролан полагал, что новая Конституция СССР является воплощением в жизнь великих лозунгов, до сих пор являвшихся только лишь мечтой человечества.

Совершенно иначе, буквально в штыки, восприняли принятие новой Конституции многие старые революционеры. К примеру, Троцкий увидел в ней отход от коммунистических принципов Октября. И в таких оценках он был не одинок. Так, с резкой критикой выступил бывший подпольщик, участник Октябрьской революции А. Спундэ. В письме своей жене он осмелился поделиться теми соображениями, которые не решался произносить вслух: «Большевики <...> конституцией 1936 года совсем убили Советскую власть, то есть сами в области общеполитической опустили ниже лучших буржуазных государств, но для обмана оставили название Советов».

Возникновение противоположных, часто взаимоисключающих мнений о советской Конституции 1936 г. вполне объяснимо: противоречивая эпоха объективно порождала противоречивые законы. С одной стороны, сталинская (как ее часто называют) Конституция по-прежнему несла в себе многие социалистические принципы. С другой стороны, в ней делались существенные уступки принципам либерализма. Все это превращало ее в своеобразный «конституционный Брест», оставляло сталинскому руководству возможность маневра. В то же время известная половинчатость конституционной реформы могла создать ситуацию неопределенности и обострить политическую борьбу. Именно по такому, негативному, варианту пошло советское общество в 1937–1938 гг. Сердцевиной всех разногласий в этот период становится стремление Сталина углубить демократические преобразования и дополнить только что принятую Конституцию реформой избирательного законодательства, по которому в конце 1937 г. должны были проходить выборы в новые органы власти СССР.

Избирательная реформа являлась важным элементом конституционной реформы и наиболее важным продолжением «сталинского неонэпа». Помимо закрепления результатов предшествующих реформ, во внутривластной сфере новая избирательная система должна была решить еще три задачи:

1) устранить диктат партии над хозяйственными органами для повышения эффективности работы и партийной, и государственной вертикали власти;

2) попутно создать и внедрить в советскую действительность устойчивый механизм ненасильственного обновления правящего строя как гарантию мирного динамичного развития страны в последующие годы;

3) как можно скорее произвести ротацию закостеневшей, отставшей от потребностей жизни элиты. Эта задача диктовалась прежде всего тем, что кадровый состав партийного руководства в начале 1930-х годов переживал застой и не соответствовал потребностям нового момента.

На социально-политической анатомии правившего на рубеже 1920–1930-х годов в СССР слоя следует остановиться подробнее. Историки немало потрудились над решением этой задачи. Сегодня остались далеко в прошлом представления о советской верхушке рубежа 1920–1930-х годов как о некоей серой, единообразной массе, слепо следовавшей за своим поводырем-деспотом. Обобщая выводы современных исследователей, можно составить следующую мозаику. Прежде всего следует отметить, что партийное руководство условно делилось на три уровня (схема 3).

Кроме того, повышенный интерес, естественно, вызывает немногочисленный верхний слой советского руководства. Именно он принимал наиболее важные решения, касавшиеся и самой партии, и каждого жившего в стране человека. По мнению историка Ю. Жукова, в нем выделялось две группы: узкое руководство и широкое руководство (схема 4).

В узкое руководство входил сам Сталин и те представители его окружения, которые в тот или иной момент времени *не по формальным признакам, а фактически* несли на себе наибольшую функциональную нагрузку по управлению страной. В состав узкого руководства Сталин старался вводить наиболее работоспособных и близких ему по взглядам политиков, невзирая на их прежние заслуги, ранг и занимаемые должности. В случае проведения примерных исторических параллелей невольно можно вспомнить Избранную раду Ивана Грозного или негласный комитет Александра I. В широкое

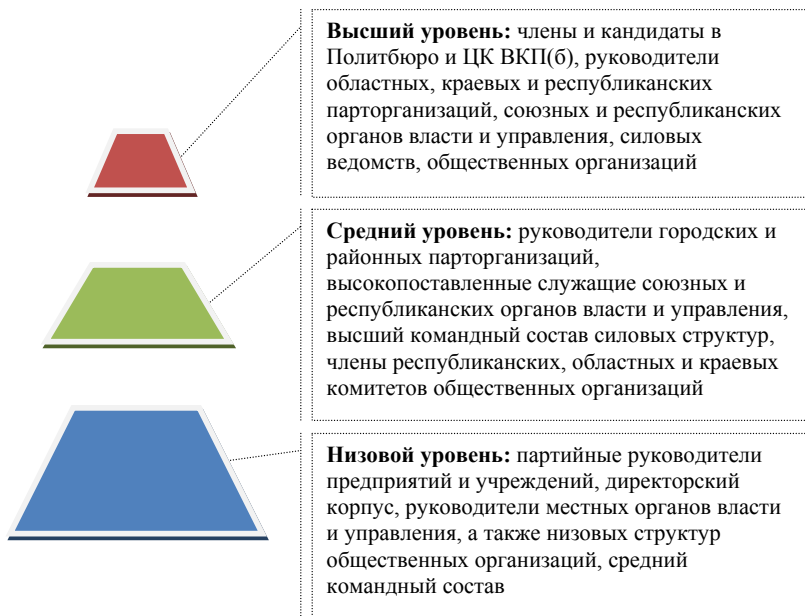

Схема 3. Уровни партийного руководства в СССР на рубеже 1920–1930-х годов

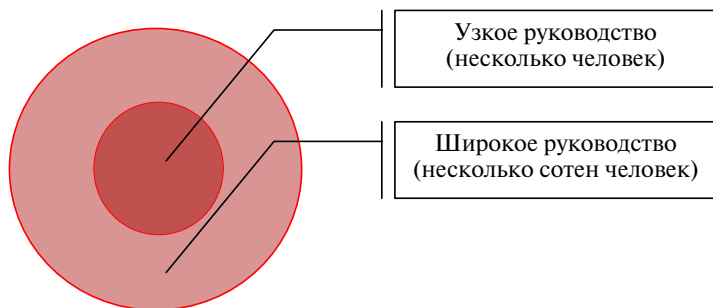

Схема 4. Состав верхнего слоя советского руководства на рубеже 1920–1930-х годов

руководство входили все остальные. Это была своего рода советская олигархия.

В идейном плане политическая элита также была неоднородна. Так, по мнению А. Елизеева, в ней можно обозначить

четыре группы 1) «левые консерваторы»; 2) «национал-большевики»; 3) «социал-демократы»; 4) «левые милитаристы». Елисеев признает существование еще одного течения, которое, правда, он по довольно спорной причине не считает внутрипартийным. Речь идет о Троцком и его сторонниках. Дескать, Троцкий жил в изгнании, был исключен из партии, а следовательно, центр троцкизма располагался вне партии. Не согласимся с Елисеевым, тем более что левый большевизм не сводится исключительно к троцкизму, а главное, многие лидеры объединенной оппозиции в начале 1930-х годов еще были представлены в советском руководстве, в частности важные посты занимали такие ключевые фигуры, как Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, К. Радек, Х. Раковский, Г. Пятаков и другие. В силу указанных обстоятельств к названным Елисеевым течениям необходимо добавить пятое – коммунисты-интернационалисты. Не вызывает ни малейшего сомнения, что при любом внутривластном кризисе в середине 1930-х годов именно это внутрипартийное течение неизбежно стало бы центром всего антисталинского фронта. В исправленном варианте идеологическая роза ветров в Политбюро выглядит так (схема 5).

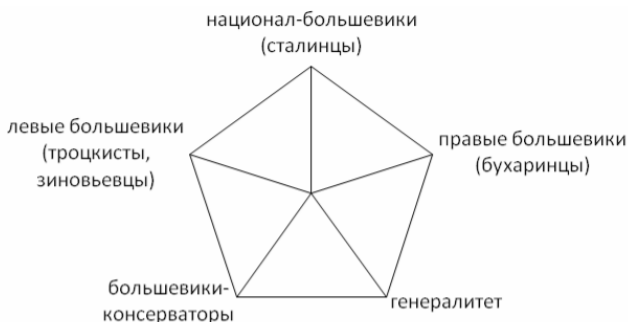

Схема 5. Состав советского руководства на рубеже 1920–1930-х годов по идеологическому признаку

Большинство партийных руководителей формировались в годы революции, гражданской войны и политической борьбы времен нэпа. Это относится и к оппозиции, и к тем, кто всегда придерживался генеральной линии. Эти люди умели хорошо разрушать, выступать на митингах и конференциях, писать пламенные статьи и отчеты о своих свершениях. Но созидать, вести ежедневную кропотливую хозяйственную работу, к чему

призывал партийцев еще Ленин после X съезда, они так и не научились. Именно их неумением хозяйствовать объясняются многие неудачи и просчеты первой пятилетки, когда важнейшие распоряжения центра нередко проваливались.

Впервые цель предстоящей реформы избирательной системы была сформулирована Сталиным в начале марта 1936 г. в беседе с председателем американского газетного объединения «Скрипс-Говард ньюспейперс» Р. Говардом. Советский лидер показал, что видит предстоящие выборы не только всеобщими, равными, прямыми и тайными, но и альтернативными. На недоуменное американца, каким образом можно будет обеспечить альтернативность выборов в условиях однопартийности, Сталин разъяснил, что на выборах избирательные списки станут выставлять не только партия, но и общественные организации – «а их у нас сотни», подчеркнул он. Таким образом, Сталин дал понять, что в избирательные бюллетени будет вноситься несколько альтернативных кандидатов. В дальнейшем, развивая свою мысль о роли общественных организаций в задуманной им избирательной реформе, Сталин указывал, что не партии, а именно им будет предоставлена возможность контролировать прозрачность выборов и честный подсчет голосов. По его убеждению, такие выборы «будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».

У руководства СССР не было никакого сомнения, что в условиях новой избирательной системы многие прежние региональные лидеры, так называемые вожди второго плана, могут провалиться на выборах и не пройдут в новые органы власти. Это позволит мирно, законно, без применения насилия обновить правящую элиту, очистить ее от скомпрометировавших себя руководителей и заменить их талантливой молодежью. Работавшие на местах партийные и советские руководители увидели в такой возможности угрозу лично для себя. Они прекрасно понимали, что при тайном и альтернативном голосовании им почти наверняка грозит оказаться забаллотированными, что обернется потерей власти и привилегий. Тем самым эта часть номенклатурных работников объективно превращалась в противников реформ. Неслучайно, по мнению ряда современных историков, именно в 1933–1936 гг. часть бывших сторонников Сталина начинает искать пути сближения с прежними деятелями оппозиции. Помимо демократизации советской политической системы их, так же как и троцкистов, не устраивала коррекция советской внешней политики и сближение со странами «буржуазной демократии».

Поскольку оппозиция преследовалась, противники реформ не могли высказывать свою позицию открыто. Так, в январе 1935 г. альтернативную сталинской концепцию конституционной реформы высказал в прошлом близкий друг советского лидера А. Енукидзе, занимавший на тот момент пост секретаря Президиума ЦИК СССР. Он был против отказа от порожденных революцией принципов политического устройства и против перехода к тайным выборам. Вскоре будут преданы гласности факты морального разложения Енукидзе, а он сам перемещен на менее влиятельные посты. В таких условиях перед всеми, кто был недоволен курсом реформ, оставалась лишь одна возможность: использовать тактику саботажа и нелегальных оппозиционных групп. Неминуемость выборов 1937 г. должна была заставить противников альтернативных состязательных выборов предпринимать срочные шаги, которые либо сорвали бы реформу, либо решительно исказили ее суть.

Третий этап. Как уже отмечалось, время подготовки новой Конституции и выборов 1937 г. характеризовалось не только некоторой демократизацией советского общества, но и обострением закулисной борьбы в верхах. Ее проявлением становится вторая волна массовых репрессий, начало которой ошибочно принято связывать с убийством в Ленинграде 1 декабря 1934 г. ближайшего соратника Сталина С. Кирова. Троцкий обвинил в убийстве Кирова Сталина. Сталин, наоборот, утверждал, что за убийством Кирова стоят деятели левой оппозиции. Историки до сих пор не пришли к общему мнению, кто же был прав в этом споре и не было ли убийство Кирова вообще лишено политического мотива. В любом случае Сталин воспользовался создавшейся ситуацией для вполне конкретных целей разгрома своих оппонентов. В СССР начинается целая череда судебных политических процессов по различным делам бывших большевистских руководителей среднего и самого высшего ранга.

Вместе с тем о настоящей волне массовых репрессий применительно к событиям 1935–1936 гг. говорить некорректно. Первоначально карательные мероприятия со стороны сталинской группы имели относительно ограниченные масштабы и нацеливались преимущественно против представителей прежних оппозиционных блоков. Реально серьезными преследования партийных функционеров становятся после назначения 26 сентября 1936 г. на пост наркома внутренних дел Н. Ежова. С его приходом на пост главы НКВД удары стали наносить преимущественно не по утратившим свои позиции ветеранам,

а по действующим политическим фигурам: членам ЦК, руководителям отдельных ведомств и регионов, военачальникам. Имя наркома превратилось в нарицательное – «ежовщиной» стали называть весь период массовых репрессий 1937–1938 гг. До сих пор разворот в политике репрессий некоторые авторы связывают с февральско-мартовским (1937) пленумом. На нем под удар карательных органов попал последний оппонент Сталина, имевший реальный вес в аппарате, – Бухарин. С жесткими заявлениями на пленуме выступил также Ежов. Но, как показывают исследования Дж. Арч Гетти и Ю. Жукова, на пленуме главным было как раз стремление избежать силовых методов ротации элиты. Со специальным докладом на пленуме выступил А. А. Жданов. Он призвал отказаться от практики кооптации, произвести перевыборы местных партийных комитетов на принципах демократии, критики и самокритики. Он был полностью поддержан Сталиным. Но против этих предложений уже на пленуме прозвучали возражения, а все попытки весной провести демократические выборы в партии не увенчались успехом.

Кроме саботажа курса на демократизацию советской политической системы и самой партии часть советской верхушки, видимо, готова была идти и на более отчаянные меры. Именно с этим многие современные авторы связывают «заговор военных», или «заговор Тухачевского». Так, историк А. Шубин полагает, что такой заговор мог быть реальностью, а также что он означал смычку гражданской и военной частей антисталинской оппозиции. Кроме того, он высказывает предположение, что неудача заговора могла быть связана с переходом на сторону Сталина кого-то из центральных фигур антисталинской фронды. Шубин называет двух претендентов на эту роль: Микояна и Хрущева. Дальнейшее изучение покажет, насколько эти предположения обоснованы. Но очевидно одно, что только после ареста в мае 1937 г. М. Н. Тухачевского и взятия под стражу И. Э. Якира, А. Х. Артузова, И. П. Уборевича, Р. П. Эйдемана и десятков других влиятельных военачальников, а также некоторых наиболее заметных штатских из числа большевиков-консерваторов, таких как Енукидзе и Рудзутак, сталинская группа пошла на открытое обсуждение нового избирательного закона, предполагавшего альтернативность выборов. Одновременно с этим усилилось и репрессивное давление на реальных и мнимых противников проводимого Сталиным курса.

Тон политике репрессий задавался при помощи открытых судебных процессов, широко освещавшихся в советской печат-

ти. За несколько лет, с момента убийства Кирова до начала Второй мировой войны, состоялся ряд подобных судебных процессов, среди них процессы по делу «Московской контрреволюционной организации», «Ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы», «Московского центра», «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», «Параллельного антисоветского троцкистского центра», «Антисоветского правотроцкистского блока», «Антисоветской троцкистской организации в Красной Армии». В числе подсудимых на них оказывались такие видные деятели советской истории, как Г. Зиновьев, Л. Каменев, Х. Раковский, Я. Рудзутак, М. Тухачевский и многие другие. Общественным обвинителем на многих этих процессах выступал генеральный прокурор СССР А. Вышинский. Так, на процессе по делу Г. Сокольникова, Г. Л. Пятакова и К. Радека в 1937 г. он завершил обвинительную речь словами: «Я обвиняю не один! Я обвиняю со всем нашим народом, обвиняю тягчайших паразитов, достойных одной только меры наказания – расстрела». А в 1938 г. на процессе по делу Бухарина и Рыкова он призывал: «Требует наш народ одного – раздавите проклятую гадину!»

Публичные политические процессы 1930-х годов ударили по судьбам многих людей. Но репрессии далеко не ограничивались перечисленными громкими процессами. Ситуация предвоенного времени была настолько сложной, что сразу разобратся в ней оказалось невозможно даже после смерти Сталина. Пробелы объективного знания дали простор вымыслам и преднамеренным фальсификациям. После XX съезда КПСС и в годы горбачевской перестройки авторы попытались оценить масштабы репрессий, исходя не из фактов, а из своих представлений о сталинском периоде истории страны. Были озвучены самые разные цифры. Так, сам Н. Хрущев привел цифру 10 млн человек. Старая большевичка, в свое время сама прошедшая через лагеря за троцкистскую контрреволюционную деятельность, О. Шатуновская настаивала на цифре 19 840 тыс. репрессированных. Историк-диссидент Р. Медведев увеличил это число вдвое и заявлял о 40 млн жертв сталинского произвола. Позже А. Антонов-Овсеенко, сын известного троцкиста В. Антонова-Овсеенко, писал уже о 80 млн уничтоженных в годы террора. Наконец, в работах таких писателей, как И. Бунич и А. Солженицын говорится о 100–110 млн человек, потерянных нашей страной в годы социализма.

Высокие цифры потерь называли и многие авторы на Западе. Так, по подсчетам Р. Конквеста, общий итог смертности в результате политических репрессий оценивается в 20 млн

человек. Схожие цифры называли другие авторы, такие как Р. Такер, М. Малия и некоторые подобные им. Как подчеркивает современная исследовательница Венди Голдман, когда стали доступны архивы, все эти данные оказались «сильно завышенными». Даже Р. Конквест, который, собственно, и является автором понятия «большой террор», отказался от своих прежних подсчетов. В свою очередь, некоторые отечественные авторы, в частности И. Пыхалов, Д. Лысков и другие, прямо заявляют о серьезных фальсификациях данного вопроса в прошлые годы у нас и за рубежом.

Сегодня общее количество репрессированных может быть названо достаточно точно. В 1934 г. в СССР было осуждено 78 999, в 1935 – 267 076, в 1936 г. – 274 670, в 1937 г. – 790 258 человек. Всего за годы репрессий пострадало 1,5–2,5 млн человек. Из них около 700 тыс. были приговорены к высшей мере наказания. При этом, как свидетельствуют данные современных историков, среди обитателей тюрем и лагерей число осужденных «за контрреволюционную деятельность», то есть политических заключенных, было около трети, остальные отбывали срок за уголовные преступления разной степени тяжести. Таким образом, 1937 год стал годом самых масштабных репрессий. По мнению историков М. Юнге и Р. Биннера, по-настоящему «большим» террор становится после принятия 30 июля 1937 г. оперативного приказа народного комиссара внутренних дел Н. Ежова за номером 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». По одному этому приказу репрессиям подверглось более половины осужденных в рассматриваемое время. Чуть позже началось преследование так называемых контрреволюционных национальных контингентов. В частности, 11 августа 1937 г. принимается приказ НКВД № 00485 «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР». По мнению историков, этот приказ стал своего рода «модельным» для всех остальных национальных операций НКВД – латышской, немецкой, финской и других.

В чем же заключались причины такого резкого увеличения масштабов репрессий именно в 1937 г.? Ведь, по справедливому замечанию историка Л. Наумова, надо понимать, что приказ № 00447 означал радикальный поворот во всей системе взаимоотношений между властью и обществом. Если прежде власть проводила последовательную политику расширения демократических прав и свобод, то теперь она заговорила с обществом языком террора. Причем преследованию подверг-

лись как раз те слои населения, которые были частично реабилитированы в 1933–1936 гг. и получили равные со всеми права по новой советской Конституции! «Зачем возвращать гражданские права и разрешать покидать ссылку тем, кого ты собираешься уничтожить?» – задает вопрос Наумов.

Существует несколько объяснений данного феномена. В прошлом такие авторы, как Р. Таккер, А. Антонов-Овсеенко и другие, видели чуть ли не единственную причину в жестокости и подозрительности Сталина, везде искавшего врагов. В новейшей исторической литературе существуют другие ответы на этот вопрос. Так, названные выше М. Юнге и Р. Биннер, шведский специалист по истории советского военно-промышленного комплекса Л. Самуэльсон, а также некоторые российские авторы видят в «кулацкой операции» попытку окончательно «зачистить» советское общество от «врагов рабочего класса», именуя эту политику своего рода «социальной инженерией», целью которой являлась большая социальная однородность населения СССР. Другая версия принадлежит О. Хлевнюку и некоторым другим авторам, которые видят в политике репрессий действия по подготовке к войне. Это означает, что террор был нацелен на уничтожение так называемой пятой колонны, то есть тех групп населения, которые в случае нападения на СССР потенциально могли перекинуться на сторону врага.

Наконец, весьма интересна и перспективна с научной точки зрения трактовка причин 1937 г., которую сформулировал известный западный исследователь Дж. Арч Гетти, а в нашей стране – крупнейший отечественный специалист по политической истории сталинской эпохи Ю. Жуков. Историки полагают, что местные партийные руководители не просто боялись всеобщих, равных, прямых, тайных, да еще и альтернативных и состязательных выборов, которые планировал провести Сталин, но и хотели запугать народ репрессиями. Как доказывают приводимые авторами факты, именно деятели этого звена партийного руководства требовали от сталинской группы санкционировать начало массовых компаний. По справедливому замечанию многих историков, в частности В. Курицына, в период наивысшего всплеска репрессий важным элементом избирательной компании становится страх. Хотя переоценивать его масштабы и степень воздействия не следует, но в обстановке массовых репрессий о реальной состязательности выборов говорить уже не приходилось. В таком противоречивом, «усеченном» виде советская избирательная система сохранилась вплоть до второй половины 1980-х годов.

Одной из ключевых фигур коалиции местных вождей – сторонников террора выступил старый революционер, руководитель Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. Эйхе. 29 июня 1937 г. он добился от Политбюро права создать у себя в крае чрезвычайную тройку по образцу периода коллективизации для внесудебных расправ с «контрреволюционными элементами» среди крестьян. Чуть позже, 1–2 июля, у Сталина в кабинете побывали еще несколько региональных лидеров, которые, как полагают некоторые авторы, требовали у руководства страны наделить их такими же чрезвычайными полномочиями, как и Эйхе. Результатом состоявшихся переговоров становится решение Политбюро от 2 июля 1937 г., послужившее причиной появления приказа Ежова № 00447. Тем самым не Сталин, а местные руководители, которые боялись в ходе выборов потерять власть, стали инициаторами «большого террора».

Высказанные Гетти, Ю. Жуковым и другими авторами соображения позволили современной историографии прийти к еще более неожиданным выводам. Так, по мнению Л. Наумова, нам следует четко разграничить два совершенно разных явления, которые условно можно обозначить как «большой террор» и «большая чистка». Историк показывает, что если за «большой чисткой» контроль со стороны Политбюро осуществлялся реально, то за «большим террором» контроль был сугубо формальным, реального контроля не существовало. Тем самым можно предположить, что «большая чистка» являлась орудием внутривластной борьбы, тогда как «большой террор» проводился «вождями второго плана» у себя на местах с целью давления на все общество – только так они могли выхолостить курс реформ советской политической системы и попытаться удержаться у власти.

Немецкий историк Й. Баберовски пишет, что ему неясно, как в рамках такого рода научной концепции можно объяснить, «почему политическое руководство Советского Союза смогло остановить террор, причем явно без особых усилий». Этим он выдает свое слабое знание реальности той эпохи, о которой пытается писать. В действительности ситуация была очень сложной: пока заинтересованные в массовом терроре региональные лидеры (а также их союзники в Центре) оставались у власти, Кремль так и не смог прекратить его, хотя дважды пытался сделать это – в конце 1937 и в начале 1938 г. В конечном итоге проводимая Сталиным «большая чистка» привела к тому, что под ударом репрессий пали сами большевики-радикалы, которые в период коллективизации и в

1937 г. подталкивали Сталина к ужесточению внутрисполитического курса, а также к отказу от изменений избирательного законодательства и альтернативных состязательных выборов. Исключение составили лишь те из них, кто, подобно Н. Хрущеву, вовремя поменял лагерь и примкнул к побеждавшей к осени 1938 г. сталинской группе. Только после этого, когда фронда широкого руководства была сломлена, размах репрессий упал.

Почему историки в наши дни не могут прийти к общему мнению о том, кто же стал инициатором перехода от широких, но все же ограниченных репрессий к проведению массовых операций? Был ли это сам «вождь всех времен и народов» или он выступал против такого поворота, а к практике «большого террора» страну подталкивали вожди рангом пониже? На первый взгляд кажется, что причина разногласий исключительно в противоположных идеологических симпатиях, которых придерживаются представители разных исторических течений. Однако почву для дискуссий создает также сам механизм «большого террора», который современные исследователи уже могут реконструировать по множеству архивных документов. Поскольку в его осуществлении было задействовано сразу несколько сторон, то у историков оставалось некоторое пространство для разных интерпретаций их поступков, степени вовлеченности и самостоятельности.

Постановление Политбюро от 2 июля, которое последовало за двухдневными консультациями Сталина с региональными руководителями, предписывало местным органам власти представить в ЦК составы троек и свои соображения по количеству лиц, подлежащих преследованиям. Так же как и в период коллективизации, их предполагалось разделять на категории по степени жесткости применяемых к ним мер. В 1930 г. таких категорий было три, теперь – две. Проходившие по первой категории подлежали расстрелу, по второй – высылке. Поступившие с мест предложения и легли в основу лимитов на репрессии, установленные приказом № 00447. В некоторых случаях Центр пошел на серьезное снижение лимитов. Так, в приказе 00447 почти на 20% были уменьшены плановые цифры, которые для Московской области предлагал Н. Хрущев. То же было сделано в отношении Белоруссии, Узбекистана, Мордовской АССР, Западно-Сибирского края, Дальневосточного края, Горьковской, Саратовской, Свердловской, Челябинской областей и других регионов. Всего предусматривалось репрессировать 268 950 человек: 75 950 по первой и 193 000 по второй категории. По приказу № 00447

кампанию репрессий требовалось завершить в декабре 1937 г., то есть фактически вскоре после выборов в Верховный Совет. Однако этого не произошло. Наоборот, регионы требовали увеличения для них лимитов на репрессии и продления сроков массовых операций. В результате политика «большого террора» продлевалась дважды и завершилась только в конце 1938 г., а число пострадавших увеличилось до 767 397 человек (по первой категории – 386 798; по второй – 380 599).

Важным направлением изучения политического развития СССР в 1930-е годы является анализ деятельности НКВД и существовавших в нем противоборствовавших кланов. Часть авторов проводят мысль, что органы государственной безопасности являлись лишь пассивными участниками политики репрессий и ограничивались исключительно исполнением партийных директив. Другие исследователи, наоборот, доказывают значительную самостоятельную роль НКВД и его лидеров в политической борьбе того времени. В авторитарном государстве такая позиция руководства НКВД не могла восприниматься партийной верхушкой иначе, как заговор. В партийном руководстве никто не мог чувствовать себя спокойно, даже сам Сталин: когда был арестован нарком внутренних дел Ежов, у него было обнаружено подробное досье на главу партии. Для чего Ежов собирал компрометирующие сведения на Сталина – в целях личного продвижения по службе или у него были более серьезные политические мотивы, – так и не выяснено до сих пор.

Помимо исполнения своих прямых функций охраны общественного порядка, органы НКВД постепенно обрастают мощной хозяйственной империей, увеличивавшейся за счет использования принудительного труда заключенных. 7 апреля 1930 г. принимается указ о расширении трудовых лагерей: сосредоточенные до 1928 г. в основном вокруг побережья Белого моря, они переходят теперь в ведение Главного управления лагерей (ГУЛАГа), находящегося в прямом подчинении ОГПУ. Когда в результате реорганизации, предпринятой Г. Ягодой, 10 июля 1934 г. функции ОГПУ переходят к Народному комиссариату внутренних дел, система лагерей также переподчиняется этому ведомству. Всего на 1 марта 1940 г. ГУЛАГ состоял из 53 лагерей, 425 исправительно-трудовых колоний (ИТК), 50 колоний несовершеннолетних. Формируется упоминаемая в публицистике «индустрия страха», ставшая одной из черт той противоречивой эпохи. Труд заключенных применялся в строительстве, на лесозаготовках, частично в промышленности и т.д. Силами узников были воз-

ведены Беломоро-Балтийский канал, канал Москва–Волга, другие стратегические объекты. Всего к концу форсированной индустриализации в местах лишения свободы содержалось 1668 200 заключенных. Кроме того, в сельском хозяйстве, на осушении болот, в сельскохозяйственных артелях работали около миллиона спецпереселенцев.

Четвертый этап. Последствия репрессий не могут быть оценены только количественными показателями. Как справедливо заметил В. Голдман, являясь следствием острой политической борьбы, они серьезно сказывались на всех сторонах жизни общества. Неслучайно поэтому в период острой военной угрозы государство делает очередной разворот и берет курс на ликвидацию последствий «большого террора». После назначения в 1938 г. на должность наркома внутренних дел Л. Берии (перед этим занимавшего пост руководителя партийной организации Грузии) осуществлялось смягчение внутренней политики. Поворотным моментом становится принятие 17 ноября 1938 г. постановления Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», подписанное Молотовым и Сталиным. В нем подчеркивалось, что «массовые операции по разгрому и выкорчевыванию враждебных элементов, проведенные органами НКВД в 1937–38 гг. при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений». В постановлении также отмечалось, что ситуацией неразберихи и бесконтрольности пользовались не только нечистые на руку карьеристы, но и «враги народа», которые продолжали «вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, производили массовые и необоснованные аресты».

Аресты и применение «мер физического воздействия» к «подозреваемым» продолжались и в последние предвоенные годы. Вместе с тем тенденция, порожденная сменой руководства НКВД и постановлением от 17 ноября 1938 г., ощутимо снизила накал противостояния и смягчила атмосферу подозрительности в обществе. Перестали практиковаться открытые политические судебные процессы. Резко падает количество осужденных, в 1939 г. их было 63 889 человек против 554 258 в 1938 г. Более того, начинается процесс частичной реабилитации. Так, из мест заключения освобождались многие офицеры, пострадавшие в годы «ежовщины». Перед войной в армию было возвращено из числа «несправедливо уволенных» 12 461 человек. В целом в этот период из лагерей на свободу вышли

223,6 тыс. невинно осужденных и еще 103,8 тыс. – из колоний. С реабилитацией предвоенного времени связана деятельность И. Т. Голякова, ставшего в августе 1938 г. председателем Верховного суда СССР, а также руководителя советской прокуратуры Вышинского, добивавшегося в этот период возвращения прокурорским работникам независимости от НКВД и местных партийных органов.

Подводя общие итоги общественно-политического развития СССР в 1930-е годы, следует еще раз выделить ключевое значение принятия новой Конституции 1936 г. Это событие стало действительно переломной вехой в эволюции советского режима. С момента принятия Конституции 1936 г. начинается медленный, противоречивый, но неуклонный процесс перемещения центра власти от партийных к советским (государственным) органам. Прежде всего это коснулось высшего эшелона власти, где в конце 1930-х годов происходит определенное перераспределение полномочий между прежде всесильным Политбюро и Советом Народных Комиссаров, который все в большей степени обретает значимость реального, полноценного правительства, формирующего политический и экономический курс страны. Об этой метаморфозе советской политической системы в предвоенные годы историки заговорили только в последнее время, после открытия архивных документов, ранее хранившихся под грифом «Секретно». К подобному рода выводам по данной теме пришли современные авторы самых разных направлений, в частности такие либеральные историки, как Хлевнюк, Н. Ломагин, или такие исследователи-почвенники, как В. Кожанов, Ю. Жуков, и другие. Отмечают парадоксальное двоевластие между Политбюро и Совнаркомом также современные западные ученые, в частности Т. Ригби, С. Коткин и другие.

Происходящие в этот период перемены историки не в последнюю очередь связывают с тем, что в годы сталинских репрессий отмечается резкое ослабление партии и партийных органов (так называемый разгром «ленинской гвардии»), в том числе погибают некоторые партийные функционеры, в прошлом видные члены Политбюро. Но только этим усиление государственных органов в противовес партийным объяснить невозможно, поскольку их кадры, в том числе кадры правительства, также пострадали в годы «большой чистки». Очевидно, что в основе перераспределения властных полномочий между государственными и партийными структурами лежали все те же процессы, которые вызвали потребность в принятии новой советской Конституции, то есть процессы ста-

билизации того политического режима, который возник на базе революции 1917 г. Своеобразным внешним проявлением укрепления роли Советского правительства при одновременном снижении властных полномочий партийных органов становится отказ Сталина на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. занять пост Генсека и назначение его на пост Председателя Совнаркома, что произошло в самый канун войны с фашистской Германией – 4 мая 1941 г.

Как же все-таки с позиций сегодняшней эпохи оценивать то общество, которое возникает в нашей стране в результате непростого развития реформ политической системы в 20-е и 30-е годы XX в.? Оно явно не было капиталистическим, так как рыночный механизм был в нем скован, введен в рамки государственного регулирования. Не был этот общественный строй и классическим социализмом, так как необходимого для гармоничного развития личности достатка еще не было, а свобода часто соседствовала с принуждением и подавлением. Еще в начале лета 1921 г. М. Ольминский с горькой иронией писал, что уж «очень ненадежными были бы те коммунисты, которых загнали в коммунизм угрозой расстрела». Как видим, рецидивы гражданской войны не были преодолены и в 1930-е годы.

В наши дни стало модно для объяснения отмеченных нами социально-политических процессов 1920–1930-х годов прибегать к помощи так называемой тоталитарной модели. К историкам-тоталитаристам принадлежит и упоминавшийся выше Баберовски. Возникновение тоталитарной школы, в рамках которой шло развитие этой концепции на Западе, можно отнести к 1930-м годам. На ее возникновение серьезно повлияли работы одного из бывших лидеров советского режима Л. Д. Троцкого, оказавшего к тому времени в вынужденной эмиграции. Ему принадлежит яркая критика той политической и теоретической линии, которой придерживался Сталин. Рассвет же тоталитарной школы приходится на 50–60-е годы прошлого века, то есть на особенно напряженный период холодной войны. Как пишет крупный американский историк Л. Холмс, «ослабление международной напряженности и облегченный доступ к архивным материалам способствовали отказу от нее многих ученых». Уже этот факт наводит на размышления о научной состоятельности тоталитарной модели.

По словам современного российского историка А. Соколова, в тоталитарной модели имеются очевидные слабости, ставящие под сомнение ее применимость для анализа той конкретно-исторической ситуации, которая сложилась в СССР в интересующие нас годы. Не могут быть, в частности, приняты

такие ключевые ее звенья, как «тоталитарная личность» или «атомизированность советского общества». Неправомерно также сводить главные инструменты власти в 1930-е годы только к насилию и пропаганде, односторонне трактовать роль массовых организаций. Несмотря на внешнее правдоподобие, считает историк, тоталитарная модель не объясняет всех господствовавших тогда процессов. К их числу могут быть отнесены возрастающая многополярность, неоднородность советского общества. В нем идут постоянные процессы складывания новых социальных слоев со своими ценностями, идеалами и интересами, что уже является достаточным опровержением концепций, считающих СССР тоталитарным государством. Тем не менее, несмотря на все свои недостатки, в последние десятилетия теория тоталитаризма воскресла на российской почве и вернулась на Запад. Впрочем, классическая тоталитарная школа теряет свою популярность повсеместно. Теперь уже можно говорить о неототалитаристской школе в историографии.

Анализ того непростого пути, который был проделан Советским государством в предвоенную эпоху, заставляет искать ответы на вопрос о характере сложившего в нашей стране общества на совершенно иных основах, нежели предлагаемые тоталитарной школой. Представляется, что многие вопросы могут быть решены, если внимательно присмотреться, например, к идеям К. Маркса об особой роли государства на Востоке и к высказываниям В. И. Ленина о неизбежно азиатском лице русского социализма. Специфика производственных отношений, сложившихся в 30-е годы XX в. в СССР, вполне укладывается в концепцию государственного социализма азиатского типа. Этот вывод уже не шокирует исследователей на Западе; возможно, он будет внимательно рассмотрен и в самой России.

Что же касается причин построения именно такого типа общества, то, как считает американский исследователь Д. Лоулер, «социализм XX века стал по большому счету ответом <...> крупнейших государств докапиталистической эпохи на те сдвиги, которые повлек за собой процесс торжества мирового империализма». По мнению исследователя, сталинская Россия мобилизовала ресурсы традиционного общества «для создания технологической инфраструктуры современного государства», способного противостоять увеличивающейся экспансии западной цивилизации на восток. Сама же попытка России сохранить свое лицо перед Западом прослеживается им еще со времен Петра Великого. «Утверждение сталинского “государственного социализма”, – пишет Д. Лоулер, – заклю-

чалось в использовании проверенных временем методов деспотического государства: отвечать на “вызов” торжествующего во всем мире капитализма, избегая в то же время травматических последствий капиталистического развития в эпоху империализма».

В отличие от стран, где действительно сложились тоталитарные режимы, в СССР всегда сохранялась потенциальная возможность внутренней демократизации. Более того, как мы видели выше, сам режим предпринимал попытки демократических реформ. Можно утверждать, что с прихода большевиков к власти в 1917 г. и вплоть до начала фашистской агрессии 1941 г. советская политическая система эволюционировала от классовой диктатуры в сторону традиционной гражданской демократии. Процесс этот был труден, часто сопровождался всплесками насилия, но даже утверждение авторитарной системы личной власти Сталина «совсем не напоминало шестия победителей, походило скорее на тяжелые, изнурительные бои с более слабым, но отчаянно сопротивляющимся противником». Именно это внутреннее сопротивление говорило еще об одной особенности общества, сложившегося в нашей стране. О наличии в обществе жизнеспособных сил свидетельствует и подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. Сквозь существовавшие в системе многочисленные бреши пробивали себе дорогу трудовой героизм, высокие взлеты советского искусства и науки, позволившие Советскому Союзу, несмотря тяжесть выпавших на его долю испытаний, еще долго служить светлым и притягательным образом для очень и очень многих людей во всех уголках планеты.

СССР на международной арене

На рубеже 20–30-х годов XX в. мировая система вступила в полосу одного из самых глубоких экономических кризисов. Промышленность многих стран, недавно обескровленная Первой мировой войной, вновь оказалась под угрозой разрушения. Результатом кризиса стало установление во многих государствах тоталитарных режимов, обострение противоречий между ведущими государствами мира. Ситуация в мире серьезно влияла на внутреннее положение в СССР, сдерживало его развитие, отвлекало значительные ресурсы на обеспечение собственной безопасности. В силу этого на международной арене Советский Союз все свои усилия сосредоточил на установление дружеских отношений с другими странами и обеспечение международной стабильности.

В качестве основного партнера в конце 1920-х годов в СССР по-прежнему рассматривали Германию и стремились к продолжению курса Рапалло. Главным сторонником германской ориентации являлся нарком иностранных дел Г. Чичерин. В 1931 г. СССР и Германия продлили договор о ненападении и нейтралитете 1926 г., продолжалось военно-техническое сотрудничество Красной Армии и рейхсвера. Однако еще во второй половине 1920-х годов в Германии усилились тенденции на сближение со странами Запада. Серьезные изменения произошли и в руководстве советской дипломатией. С 1928 г. Чичерин по болезни фактически отходит от дел, а в 1930 г. на посту руководителя советского внешнеполитического ведомства его сменяет М. Литвинов, придерживавшийся англо-французской ориентации.

Результатом советско-французского сближения становится подписанный в 1932 г. договор о ненападении между двумя странами. Заключая договор с СССР, Франция стремилась не допустить новой полосы советско-германского сближения и тем самым обезопасить себя от угрозы со стороны реваншистских кругов, набиравших силу в германском обществе. В том же году аналогичные пакты о нейтралитете были подписаны Советским Союзом с Финляндией, Латвией, Эстонией и Польшей.

Важнейшим внешнеполитическим успехом советской дипломатии на этом этапе становится нормализация советско-американских отношений. В 1932 г. на президентских выборах в США победил Ф. Рузвельт. Его взгляды характеризовали прагматизм и взвешенность. В отличие от своих предшественников, видевших в СССР основную угрозу свободному миру, Рузвельт отказался от продолжения курса конфронтации с Советским Союзом и выступил за нормализацию двусторонних отношений. Осенью 1933 г. состоялся визит в Америку советской делегации во главе с Литвиновым. Результатом плодотворных переговоров по широкому спектру двусторонних отношений стал состоявшийся 16 ноября 1933 г. обмен нотами об установлении между СССР и США дипломатических отношений. Правительство двух стран не только признавали друг друга, но и отказывались от поддержки военных и других организаций, чья деятельность могла быть направлена на насильственное изменение политического или социального строя в одной из договаривающихся стран.

Несмотря на успехи, достигнутые советскими дипломатами по обеспечению мирного развития страны, начало 1930-х годов было ознаменовано резким ухудшением международной обстановки и ростом угрозы новой мировой войны. Первый

очаг напряженности и военной угрозы возник на дальневосточных рубежах СССР. В 1931 г. японские милитаристы осуществили вторжение в Китай. Это был первый случай крупномасштабной агрессии со времен окончания Первой мировой войны. В 1932 г. на территории Манчжурии японцами было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го. Возглавивший его император Пу И являлся послушной марионеткой агрессоров. Лига Наций на призывы Китая о помощи отреагировала только ни к чему не обязывающими призывами не расширять военного конфликта, что в тех условиях фактически означало молчаливое признание расчленения Китая.

В отличие от западных государств, СССР встретил интервенцию Японии против Китая с растущей озабоченностью. В 1931 г. советская сторона поддерживала китайских коммунистов во главе с Мао Цзэдуном, объявивших о создании на территории нескольких южных и центральных провинций Китайской Советской Республики и приступивших к организации китайской Красной Армии. Позже, когда стала видна готовность официальных властей Китая оказать сопротивление японской агрессии, СССР пошел на нормализацию своих взаимоотношений с Гоминданом и в 1932 г. предложил китайскому диктатору Чан Кайши восстановить дипломатические отношения, разорванные в 1929 г. после провокации гоминдановцев на КВЖД. Чан Кайши согласился на предложение Москвы, поскольку только СССР готов был оказать Китаю действенную помощь в борьбе с японской агрессией, в то время как прочие великие державы ограничивались ничем не значившими дипломатическими декларациями. Не ограничиваясь контактами с китайской стороной, в том же 1932 г., учитывая укрепление японских позиций в непосредственной близости от своих границ, Советский Союз предложил Японии заключить пакт о ненападении, но японская сторона отклонила советское предложение.

Видя разрастание очага напряженности и стремясь восстановить хрупкое равновесие на Дальнем Востоке, СССР предложил подписать Тихоокеанский пакт коллективной безопасности, но США и другие страны Запада отвергли эту идею. В целях защиты своих границ СССР продолжал развивать двусторонние отношения с Китаем. Китайская сторона стремилась связать СССР обязательством оказать прямую военную помощь в случае новой японской агрессии, что не устраивало советскую сторону. 7 июля 1937 г. Япония вновь начала военные действия с Китаем, это сделало китайскую сторону более сговорчивой, и 21 августа 1937 г. был подписан

советско-китайский договор о ненападении. Результатом этого стала возросшая советская военно-экономическая помощь Китаю. В течение двух лет в Китай было направлено более 3,5 тыс. советских военных советников, СССР предоставил Китаю несколько кредитов общим объемом в 250 млн американских долларов, китайская армия получила 1235 самолетов, 1600 артиллерийских орудий, более 14 тыс. пулеметов, значительное количество боеприпасов, горючего, техники.

Еще один очаг военной опасности стал складываться в Европе на западных границах СССР. В 1933 г. в Германии установился диктаторский режим А. Гитлера. Свою главную миссию фашистский фюрер видел в захвате жизненного пространства на Востоке и уничтожении коммунизма. Вместе с тем его первые шаги на посту канцлера Германии могли создать иллюзии, что новое немецкое руководство не возражает против сохранения партнерских отношений со своими соседями. В марте 1933 г. Гитлер заявил о готовности продолжить линию Рапалло в отношениях с СССР. В качестве реального шага нацистским правительством был ратифицирован советско-германский пакт, подписанный еще в 1931 г., но не ратифицированный властями Веймарской республики. Одновременно с этим в Германии активизировались военные приготовления, Германия вышла из Лиги Наций, в ней разворачиваются массовые преследования коммунистов и других прогрессивных деятелей.

Начиная с лета 1933 г. советско-германские отношения постепенно ухудшаются. В июне 1933 г. последовало адресованное Германии заявление советского руководства о том, что продолжавшееся 10 лет военное сотрудничество двух государств с сентября 1933 г. будет прекращено. За этим последовало сокращение сотрудничества и в других областях, в том числе в экономике. В дальнейшем агрессивность германской стороны по отношению к СССР начинает усиливаться. В январе 1934 г. Германия заключает пакт о ненападении с Польшей, отдельные положения которого могли трактоваться как направленные против СССР. Становилось очевидным, что антикоммунизм Гитлера являлся не только фактором идеологии, но и лежал в основе реальной политики нового германского руководства. Стремясь не допустить военных конфликтов непосредственно у своих границ, СССР предложил германской стороне выступить с совместным заявлением об обоюдной заинтересованности в сохранении независимости государств Прибалтики, но это предложение не нашло понимания, что было с озабоченностью встречено в Москве.

Совпадение экспансионистских планов Германии и Японии, стремившихся к расширению своих территорий за счет СССР, вело к постепенному сближению между двумя странами-агрессорами. 25 ноября 1936 г. между ними в Берлине было заключено соглашение, получившее название Антикоминтерновского пакта. В тексте соглашения, подлежащем публикации, провозглашалась необходимость противостоять распространению в мире коммунистического влияния. Однако к официальному договору между Германией и Японией прилагался секретный дополнительный протокол, в котором цели агрессоров обозначались более конкретно. В нем главным врагом фашистских государств назывался уже не Коминтерн, а Советский Союз, обсуждались согласованные действия на случай войны одной из договаривающихся сторон с СССР. В 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия, образовалась «ось» Берлин–Рим–Токио, своим острием направленная против Советского Союза и на завоевание мирового господства.

Осознание нараставшей опасности новой мировой войны побудило руководство СССР выступить с инициативой создания международной системы предотвращения агрессии. Активным сторонником «нового курса» советской дипломатии на сближение с демократическими государствами Запада стал новый нарком иностранных дел Литвинов. В его выступлении 29 декабря 1933 г. на IV сессии ВЦИК СССР были сформулированы основные положения доктрины «коллективной безопасности», с которыми теперь Советский Союз намеревался выступать на международной арене. В докладе Литвинова прозвучали готовность СССР к нормализации отношений с любым государством, заинтересованным в поддержании мира, а также стремление советской стороны к укреплению Лиги Наций и других международных механизмов, способных превратиться в надежный заслон на пути сползания человечества к войне.

Новые инициативы, выдвинутые советской стороной, позволили серьезно укрепить международный престиж СССР. 18 сентября 1934 г. тридцатью девятью голосами против трех Советский Союз был принят в Лигу Наций. Принципиальное значение имело то, что при приеме в Лигу Наций СССР настоял на соблюдении его государственных интересов: все разногласия, прежде всего относительно долгов царского правительства, были решены в пользу нашей страны. В том же, 1934, году Советский Союз был признан Чехословакией и Румынией.

Важнейшей победой советской дипломатии в эти годы явился прорыв в советско-французских отношениях. Еще в 1933 г., во время визита в Париж Литвинова, Франция предложила СССР заключить двустороннее соглашение, что стало ярким свидетельством возросшего престижа СССР на международной арене. Соответствующий договор о взаимопомощи сроком на пять лет между двумя странами был заключен 2 марта 1935 г. Чехословакия, которая также опасалась роста в Германии милитаристских настроений, заявила о желании заключить с СССР аналогичный договор. Его подписание состоялось 16 мая 1935 г. Особенностью договора стала включенная в него оговорка, по которой обязательства СССР и Чехословакии об оказании помощи друг другу вступали в силу только в том случае, если на стороне страны, подвергшейся агрессии, выступала также и Франция.

Советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи могли бы составить каркас общеевропейской безопасности. В день подписания советско-французского договора, состоявшегося 2 мая 1935 г., правительства двух стран выступили с идеей заключения Восточного пакта, согласно которому стороны, подписавшие его, брали обязательства о ненападении и неоказании помощи агрессору. Советская сторона сообщила представителям Франции, что видит необходимым участие в Восточном пакте СССР, Франции, Польши, Германии, Чехословакии и тех стран Прибалтики, которые выскажут заинтересованность в этом. Но Германия вновь отказалась принять на себя конкретные обязательства по предотвращению военной угрозы в Европе и присоединиться к соглашению, а без ее участия Восточный пакт превращался в фикцию.

Не способствовала укреплению мира и непоследовательность политики стран западной демократии. Как в самой Франции, так и в еще большей степени в Англии значительным влиянием пользовались силы, заинтересованные в сближении скорее с Германией, нежели с СССР. Милитаристские круги этих стран оказались словно загнипнотизированы антикоммунистической риторикой германских фашистов и выражали полную готовность поверить декларациям Гитлера о его стремлении искать «жизненное пространство» для немцев на Востоке. Альтернативу советской доктрине «коллективной безопасности» они видели в политике «умиротворения» агрессора и переориентации его захватнических устремлений в сторону Советского Союза.

Подписав договор о взаимопомощи, Франция фактически отказалась подкрепить его военной конвенцией, в которой

были бы определены конкретные условия и размеры предоставляемой помощи. Важным свидетельством готовности определенных кругов на Западе проводить политику «умиротворения» становится подписанный в июне 1935 г. англо-германский морской договор, благодаря которому Гитлер получал возможность увеличить свой флот более чем в пять раз. Стремлением любой ценой избежать войны с Гитлером следует объяснить ту вялую реакцию стран Запада, которая последовала после введения 16 мая 1935 г. в Германии всеобщей воинской повинности и начала строительства новой немецкой армии. Еще одним ударом по Версальской системе стала позиция, занятая Лигой Наций по отношению к агрессии, которую в 1935 г. совершила против Эфиопии фашистская Италия. СССР с трибуны Лиги Наций призвал международное сообщество оказать действенное влияние в отношении агрессора, ввести против него режим санкций, но поддержки советское предложение не встретило. Более того, Лига Наций запретила поставки вооружений обеим воюющим сторонам, что было на руку Муссолини, поскольку итальянская армия была оснащена гораздо лучше эфиопской.

Беспомощность западных государств по отношению к странам-агрессорам подтолкнула Гитлера на новые экспансионистские шаги. 7 марта 1936 г. германские войска вошли в Рейнскую зону, которая в соответствии с условиями Версальского и Локарнского договоров считалась демилитаризованной. Гитлер осуществил эту акцию, преодолевая сильнейшее противодействие собственных генералов, понимавших, что в случае ответных действий Франции немецкая армия окажется в трудной ситуации. Но Гитлер точнее оценил политические настроения во французском руководстве и осознавал, что никаких ответных действий его демарш не вызовет. 13 марта 1938 г. Гитлер объявил об аншлусе Австрии – ее вхождении в состав «тысячелетнего» рейха. Этот вероломный акт получил фактическое признание правящих кругов Англии и Франции. Политики, оказавшиеся во главе стран западной демократии, предпочли прочному миру сепаратный договор со странами-агрессорами, надеясь их руками уничтожить своего главного геополитического противника – Россию-СССР.

Одним из важнейших инструментов СССР на внешнеполитической арене в 1930-е годы оставался Коммунистический интернационал. В это время политика Коминтерна не сохранялась неизменной и приспособлялась к общим потребностям советской дипломатии. После разгрома правой оппозиции в ВКП(б) и вплоть до установления в Германии фашистского

режима Коминтерн переживал очередной период своего развития, для которого были характерны процессы радикализации рабочего движения и начало «сталинизации» зарубежных компартий. В условиях начавшегося в 1929 г. экономического кризиса у советского руководства возродилась вера в возможность революционного взрыва на Западе. Однако западный рабочий класс оказался расколот и не готов к совместным действиям. Социал-демократы стран Европы не видели принципиальной разницы между фашистской диктатурой и большевистским режимом, полагая, что большевизм даже опаснее фашизма, поскольку апеллирует к рабочему классу, тогда как социальной базой фашизма является мелкая буржуазия. Но непримиримость была характерна и для позиций коммунистов, которые третировали социал-демократов как «социал-фашистов» и заявляли о готовности сокрушить власть буржуазии не только в форме фашистской диктатуры, но и в парламентской демократии.

Несогласованность и взаимное недоверие между коммунистами и социал-демократами упростили Гитлеру задачу захвата власти в Германии. Фашистские партии усилились во Франции, Польше, Финляндии, Прибалтийских и некоторых других странах. Нависшая грозная опасность заставила Коминтерн осознать пагубность своей прежней позиции. Очередной период в развитии Коминтерна, с 1934 г. по 1939 г., исследователи на Западе и у нас связывают с осуществлением Москвой тактики создания широких «народных фронтов» в тех странах, где возникала угроза установления фашистских режимов. Официально новая линия была закреплена на проходившем в августе 1935 г. VII конгрессе Коминтерна. Выступавший на нем видный болгарский коммунист Г. Димитров характеризовал фашизм как «открытую террористическую диктатуру самых реакционных, самых шовинистических, самых империалистических сил финансового капитала». В борьбе с фашизмом было решено слить силы всего рабочего класса, крестьянства, городской мелкой буржуазии, прогрессивной интеллигенции. Не исключался компромисс с антифашистскими кругами буржуазии.

Новая политика Коминтерна дала свои плоды. Народные фронты, объединившие коммунистические, социалистические и леволиберальные партии, возникли в Испании и во Франции. Однако закрепить достигнутый миролюбивыми силами успех не удалось. Так, во Франции под давлением реакционных кругов 21 июня 1937 г. вынужден был уйти в отставку возглавлявший правительство народного фронта социалист

Блюм, возникло новое праворадикальное правительство, отдельные члены которого были тесно связаны с гитлеровцами. Еще драматичнее события развивались в Испании. Демократические преобразования в этой стране были прерваны в июле 1936 г. военным переворотом во главе с генералом Франко.

Международная общественность поспешила заявить о своем невмешательстве в испанские дела. Франция, Англия и США отказались предоставить Испанской республике военную и экономическую помощь. Из опасений быть снова обвиненным в экспорте революции первоначально занял выжидательную позицию и Советский Союз. Совершенно иначе повели себя фашистские государства. Италия и Германия начали осуществлять регулярные поставки франкистам оружия и военной техники. На стороне Франко воевало около 50 тыс. итальянцев и 10 тыс. немцев. Ситуация требовала скорейшего вмешательства Советского Союза и других прогрессивных сил, в противном случае Испанская республика была обречена.

Начиная с октября 1936 г. СССР открыто встал на сторону законного правительства страны. В документах Наркомата обороны действия по оказанию помощи республиканцам обозначались как «Операция “X”». В ходе ее реализации в 1936–1938 гг. в Испанию было направлено 648 самолетов, 347 танков, 120 броневедомостей, 1186 орудий, 20,5 тыс. пулеметов, 500 тыс. винтовок, боеприпасы. На помощь Испанскому правительству прибыли около 2 тыс. советских советников. Широкую кампанию помощи Испании развернул Коминтерн. Им были организованы интернациональные бригады, в которых сражались до 50 тыс. добровольцев из 54 стран. Однако позиция западных государств в конце концов оказалась на руку мятежникам и республика в Испании была уничтожена. 28 марта 1939 г. войска фашистов, среди которых были и итальянские дивизии, захватили Мадрид.

Поражение республиканцев в Испании показало полную неспособность предвоенной системы международных отношений пресекать действия агрессоров. На очереди оказалась Чехословакия. В мае 1938 г. Германия начала концентрировать у ее границ свои войска. Предлогом для вероломных планов Гитлера являлось якобы «бедственное» положение немцев в Чешских Судетах. Европа оказалась перед угрозой военного конфликта. СССР был связан с Чехословакией договором о взаимопомощи, по условиям которого в случае отказа Франции предоставить военную помощь чехам советская сторона также могла воздержаться от вступления в конфликт. Тем не менее Советский Союз твердо заявил, что будет действовать

и без французской стороны, если Чехословацкое правительство обратиться к нему с официальным призывом о помощи. Совместно армия Чехословакии и вооруженные силы СССР существенно превышали армию Германию. Но правительство Чехословакии продолжало ориентироваться на страны Запада, надеясь на их содействие. В этом заключалась главная ошибка чехословацкой стороны – у правящих кругов Англии и Франции имелись другие планы по отношению к государствам Восточной Европы.

В сентябре 1938 г. первые лица Франции и Великобритании прибыли на встречу с Гитлером в Мюнхен. Ни СССР, ни даже Чехословакия на переговоры допущены не были. На переговорах было решено передать Германии Судетскую область. Правительство Чехословакии вынуждено было согласиться на предъявленные ей условия. Но это не спасло чехословацкую государственность. В марте 1939 г. Гитлер полностью оккупировал чешские земли, создав на них протекторат Богемии и Моравии, а на востоке страны – марионеточное фашистское государство словаков. В разделе Чехословакии при согласии немецкой стороны приняли участие также Венгрия и Польша. Тогда же, в сентябре 1938 г., была подписана англо-германская декларация, а чуть позже, в декабре, – франко-германская; обе они фактически являлись пактами о ненападении. Их заключение создавало реальную опасность для СССР и вызвало озабоченность советского руководства. Многие историки, не только российские, но и зарубежные, такие как В. Сиполс, Г. Городецкий и другие, видят в Мюнхенском сговоре западных лидеров с Гитлером пролог ко Второй мировой войне.

Несмотря на недружественную политику Англии и Франции, СССР не оставлял планов создания системы безопасности. В июле–августе 1939 г. в Москве проходили англо-французско-советские переговоры. Ни французская, ни, особенно, английская сторона не проявили на переговорах стремления к искреннему сотрудничеству. Камнем преткновения стала позиция Польши. Польское правительство упорно не соглашалось в случае нападения пропускать через польскую территорию советские войска на границу с Германией. Без этого любые договоренности об оказании военной помощи Польше оказывались фикцией. Английское правительство не сочло нужным оказать воздействие на своих польских партнеров, хотя ему было известно о планах Гитлера в самое ближайшее время напасть на Польшу. В свою очередь, советскому руководству стало известно о закулисных переговорах между

Англией и Германией. Возникало опасение, что Великобритания не хочет заключать действенного военного соглашения с Советским Союзом, поскольку готовится заключить договор с Гитлером.

Неспокойно было и на восточных рубежах СССР. Еще в 1938 г. 20 тыс. японских солдат вторглись на территорию СССР в районе озера Хасан в 130 км к югу от Владивостока. Кульминацией советско-японского конфликта в этот период стали военные действия в районе реки Халхин-Гол на территории союзника СССР Монголии. В мае 1939 г. около 70 тыс. человек при поддержке 500 орудий, 182 танков и 300 самолетов со стороны Японии перешли монгольскую границу. Момент неожиданности сыграл важную роль, и японцы продвинулись далеко в глубь монгольской территории. Только сконцентрировав большие силы танков и авиации, к сентябрю советские и монгольские войска ликвидировали японское вторжение. Таким образом, СССР оказывался перед угрозой войны на два фронта – в Европе и на Дальнем Востоке.

В обстановке военной опасности советское руководство столкнулось с настойчивыми предложениями Германии заключить договор о ненападении. Видя бесперспективность продолжения переговоров с Францией и Англией, а также остро нуждаясь в мире на Западе, Сталин решает на очередной резкий поворот во внешней политике. В августе 1939 г. в Москву прибывает министр иностранных дел Германии А. Риббентроп. Он и В. М. Молотов, сменивший на посту наркома иностранных дел Литвинова, 23 августа подписывают пакт о ненападении между двумя странами. В наши дни этот договор трактуется историками далеко не однозначно, особенно осуждаются секретные протоколы к нему о разделе сфер влияния между СССР и Германией, подлинность которых у неангажированных историков вызывает большие сомнения. В Советском Союзе прекрасно понимали, что мир с Германией будет недолговечным. И все же полученная передышка позволила оттянуть нападение Гитлера на СССР почти на два года, которые были использованы нашей страной для подготовки к отражению агрессии.

Вопросы для самостоятельной работы по теме лекции

Можно ли назвать политику, проводимую в 1930-е годы, «сталинской модернизацией» или СССР шел своим, самобытным путем развития?

Можно ли назвать в политике 30-х годов XX в. элементы преемственности по отношению к предшествующим периодам российской и советской истории?

Чем определялись изменения внешнеполитического курса Советского Союза на протяжении 1930-х годов?

Краткая библиография

Источники

1. Голод в СССР. 1930–1934 гг. – М., 2009.
2. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. – М., 2002.
3. Зимняя война 1939–1940: В 2 кн. – М., 1999.
4. Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003.
5. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М., 2004.
6. Общество и власть в 30-е годы. Повествование в документах. – М., 1998.
7. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сб. документов. – М., 1995.
8. Сталинское политбюро в 30-е годы. – М., 1995.
9. Судебный отчет. Материалы Верховной коллегии Верховного суда. – М., 1997.
10. *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М., 2008.

Исследования

1. *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. – М., 2010.
2. *Вертухов Д. Н.* Сталин против великой депрессии. Антикризисная политика СССР. – М., 2009.
3. *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. – М., 2006.
4. *Жуков Ю. Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. – М., 2008.
5. *Зеленин И. Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: Политика, осуществление, результаты. – М., 2006.
6. *Истер Дж. М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. – М., 2010.
7. *Миронин С.* «Голодомор» на Руси. – М., 2008.

8. *Мухин Ю.* Кликуши голодомора. – М., 2009.
9. *Наумов Л. А.* Сталин и НКВД, – М., 2010.
10. *Носач В. И., Зверева Н. Д.* Расстрельные 30-е годы и профсоюзы. – СПб., 2007.
11. *Романенко К. К.* Спасительный 1937-й. Как закалялся СССР. – М., 2012.
12. *Тархова Н. С.* Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. – М., 2010.
13. *Ферр Г., Бобров Вл.* 1937. Правосудие Сталина. Обжалованию не подлежит! – М., 2010.
14. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М., 2001.
15. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М., 2001.
16. *Шлегель К.* Террор и мечта. Москва 1937. – М., 2011.
17. *Шубин А. В.* 1937. АнтиТеррор Сталина. – М., 2010.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Димитрий Олегович Чураков

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

КУРС ЛЕКЦИЙ

Часть I. 1917–1941 годы

*Учебное пособие по дисциплине «Новейшая
отечественная история» 050100.62 – Педагогическое
образование (профиль «История»)*

Квалификация (степень) выпускника: бакалавр

Издательство «Прометей»
115035, Москва, ул. Садовническая, д.72, стр.1,
Тел/факс: 8 (495) 799-54-29
E-mail: info@prometej.su

Подписано в печать 19.04.2013.
Формат 60х90/16. Объем 12 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 265.

ISBN 978-5-7042-2383-2

9 785704 223832